РФ
Н76

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ЭКОНОМИКѢ.

Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей профессора М. И. ТУГАНЪ-БАРАНОВСКАГО.

Сборникъ № 4.

28430

Вздорожаніе жизни.

БИБЛІОТЕКА
ПЕТРОГРАДСКАГО
ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКАГО
ИНСТИТУТА

Изд-ство „Образованіе“. СПБ.
1914.

Н-766 п.в.
сб.ч.
5842
14813
ПРОВЕРЕНА
1949 г. № 9
33
Н76
59

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ЭКОНОМИКѢ.

3729

Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей профессора М. И. Туганъ-Барановскаго.

РЕДКИЙ ФОНД

Библиотека МФЭИ
№ 1324/1

Сборникъ четвертый.

Вздорожаніе жизни.

28430

БИБЛИОТЕКА
ЛЕНИНГРАДСКОГО
ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА

Изд-ство «ОБРАЗОВАНІЕ» СПБ.
1914.

204

Финуниверситет
Библиотека
Ленинградский пр-т

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. „Я. Трей“, Разъѣзжая, 43.
Тел. 509—70.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Наблюдающееся за послѣдніе годы повсемѣстное вздорожаніе жизни вызвало обширную литературу для объясненія этого явленія. Литература эта представляетъ, помимо своего спеціальнаго, и выдающійся общій теоретическій интересъ. Такъ, въ связи съ ней получила новое развитіе такъ наз. „количественная теорія денегъ“, которая еще недавно не пользовалась значительнымъ престижемъ среди экономистовъ-теоретиковъ. Я лично отнюдь не склоненъ придавать вслѣдствіе этого бо́льшее научное значеніе этой теоріи, но, во всякомъ случаѣ, новый интересъ къ ней и новая аргументація въ ея пользу весьма характерны для современнаго состоянія экономической науки.

Среди новѣйшихъ сторонниковъ количественной теоріи выдѣляется американскій экономистъ Ирвингъ Фишеръ, который многими признается однимъ изъ самыхъ выдающихся экономическихъ мыслителей современности. Въ настоящемъ сборникѣ сгруппированы статьи представителей весьма различныхъ взглядовъ на явленіе вздорожанія жизни. Въ статьѣ С. О. Марголина изложена теорія Ирвинга Фишера. Статья Л. Мизеса разсматриваетъ явленіе вздорожанія жизни подъ угломъ зрѣнія психологической теоріи цѣнности. Статьи Лескюра и Зальца выдвигаютъ на первый планъ въ объясненіи этого явленія условія спроса и предложенія отдѣльныхъ товаровъ. Статья Эгеншвеллера представляетъ собой отчасти дальнѣйшее развитіе теоріи Фишера, отчасти же критику ея. Въ своей совокупности названныя статьи охватываютъ собой всѣ важнѣйшія точки зрѣнія, съ которыхъ экономическая наука подходитъ къ столь важному явленію современности, какъ всеобщее вздорожаніе жизни.

Редакторъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Людвигъ ф. Мизесъ. Всеобщее вздорожаніе жизни въ свѣтѣ теоріи политической экономіи 1

В. Эгеншвеллеръ. О причинахъ вздорожанія жизни . 36

Жанъ Лескюръ. Всеобщее повышеніе и пониженіе цѣнъ 73

Артуръ Зальцъ. Вздорожаніе хлѣба на міровомъ рынкѣ 112

С. О. Марголинъ. Вздорожаніе жизни и количественная теорія денегъ Ирвинга Фишера 138

Людвигъ фонъ-Мизесъ*).

Всеобщее вздорожаніе жизни въ свѣтѣ теоріи политической экономіи.

Къ разрѣшенію проблемы вздорожанія жизни, которая много лѣтъ уже волнуетъ общественное мнѣніе, невозможно подойти съ обычными статистически-эмпирическими методами.

Собираніе и сравненіе данныхъ о цѣнахъ не въ состояніи замѣнить логическую работу теоріи экономической науки, не можетъ привести къ выясненію взаимозависимости экономическихъ отношеній. Многотомныя изданія статистическихъ комитетовъ съ ихъ изобиліемъ цифръ и таблицъ ни на шагъ не подвинули разрѣшенія этой проблемы. Всѣ наши знанія о происхожденіи, о сущности и значеніи движенія цѣнъ вовсе не вытекаютъ изъ разработки статистическихъ матеріаловъ. Матеріалы эти, вообще, цѣнны лишь постольку, поскольку они могутъ быть приложены къ теоретическимъ положеніямъ экономической науки. Кто ищетъ пути въ дебряхъ статистическихъ столбцовъ, тотъ находитъ его лишь тамъ, куда проникаетъ свѣтъ теоретической экономической науки.

Задачи статистики кончаются тамъ, гдѣ кончается работа собиранія цифръ. Выводы, которые дѣлаются на основаніи собраннаго матеріала, опредѣляются логикой экономической теоріи. Убѣдительность ихъ нисколько не

*) Переводъ статьи изъ Archiv für Socialwissenschaft. 1913, Heft III.

выигрываетъ отъ того, что они внѣшнимъ образомъ приводятся въ связь съ статистическимъ аппаратомъ. Ибо они вовсе не вытекаютъ съ логической необходимостью изъ разсмотрѣнія матеріала. Въ виду множества одновременно встрѣчающихся и пересѣкающихся факторовъ, значеніе которыхъ для цѣлей изслѣдованія должно быть еще искусственно раскрыто самимъ изслѣдователемъ, не можетъ быть никакой увѣренности въ томъ, что и совершенно противоположныя заключенія не могли бы съ такимъ же успѣхомъ быть выведены изъ этого же матеріала. Если мы посмотримъ внимательно, то легко убѣдимся въ томъ, что каждый авторъ, если онъ только не ограничивается простымъ собираніемъ фактовъ, а пытается разсмотрѣть причинныя соотношенія, всегда исходитъ изъ опредѣленныхъ выводовъ теоріи цѣнъ, которая и направляетъ ходъ его мыслей. Вся литература вздорожанія движется подъ знаменемъ различныхъ теорій цѣнъ, которыя и лежатъ въ основѣ каждаго изслѣдованія.

Съ теоріями этими, правда, дѣло не всегда обстоитъ благополучно. Очень часто,—а въ нѣмецкихъ изслѣдованіяхъ, къ сожалѣнію, и почти всегда—, мы наталкиваемся здѣсь на положенія, которыя уже давно отстали отъ современнаго развитія экономической науки. Это еще не большое зло, если ученіе о спросѣ и предложеніи и количественная теорія примѣняются и оспариваются въ такомъ смыслѣ, въ какомъ это дѣлалось 100 или 200 лѣтъ тому назадъ. Но и теорія издержекъ трактуется наивнѣйшимъ образомъ, и нерѣдко мы находимъ, подъ соусомъ этическихъ и политическихъ разсужденій, излюбленныя обывательскія теоріи, которыя хотятъ взвалить вину за всѣ невзгоды хозяйственной жизни на спекуляцію и ростовщичество. Сорокалѣтнее развитіе субъективной теоріи цѣнностей не оставило здѣсь почти никакого слѣда.

На ряду съ этими внутренними трудностями, научному разсмотрѣнію проблемы вздорожанія жизни приходится преодолѣвать еще и не менѣе сильныя внѣшнія препятствія. Вздорожаніе жизни это политическій вопросъ огромнѣйшей важности. Каждая партія имѣетъ свою собственную теорію вздорожанія и свой собственный рецептъ для борьбы съ ней. Кто хочетъ изслѣдовать эту проблему, тотъ рискуетъ сразу возстановить противъ себя всѣ партіи. Хорошо еще, если „практика“ только обойдетъ его выводы молчаніемъ, какъ выводы „теоретика, стоящаго вдали отъ дѣйствительности и жизни“ или, если направленныя противъ него нападки останутся въ границахъ приличія. Тотъ, кто пытается посягать на популярныя догмы о причинѣ вздорожанія и мѣрахъ борьбы съ нею, тотъ въ большинствѣ случаевъ долженъ ожидать еще гораздо худшаго.

Всеобщее вздорожаніе и спеціальное вздорожаніе.

Когда рѣчь идетъ о всеобщемъ вздорожаніи или просто о вздорожаніи, то этимъ подразумѣвается паденіе покупательной силы (объективной мѣновой цѣнности) денегъ. Если въ какомъ-нибудь хозяйствѣ, которому незнакомо употребленіе всеобщаго мѣнового средства, измѣняется мѣновое соотношеніе между однимъ какимъ-нибудь хозяйственнымъ благомъ и другими, то говорятъ о вздорожаніи или удешевленіи одного блага по отношенію къ другимъ. Въ такомъ случаѣ невозможно говорить о вздорожаніи или удешевленіи вообще безъ указанія предмета, о которомъ идетъ рѣчь. Если мы отвлечемся отъ факта употребленія денегъ, то мы ясно увидимъ, что ни одно благо не можетъ стать дороже безъ того, чтобы удешевлялись остальныя блага.

Проблема, которая насъ интересуетъ, это исключительно проблема всеобщаго вздорожанія, или всеобщаго возрастанія денежныхъ цѣнъ на товары. Этимъ вовсе не

утверждается, что это именно и есть въ наше время единственная проблема вздорожанія жизни. На ряду съ измѣненіями, которыя происходятъ въ мѣновомъ соотношеніи между деньгами и остальными хозяйственными благами, происходятъ также измѣненія и во взаимныхъ мѣновыхъ соотношеніяхъ между отдѣльными хозяйственными благами. Во всеобщемъ повышеніи уровня товарныхъ цѣнъ можно замѣтить, что для однихъ товаровъ денежныя цѣны повысились гораздо сильнѣе, чѣмъ для другихъ, а цѣны на иные товары даже упали. Эти явленія ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть сведены къ тому обстоятельству, что измѣненіе цѣнности денегъ всегда влечетъ за собою также и измѣненіе въ распредѣленіи собственности и доходовъ, а, слѣдовательно, и такія измѣненія потребленія, которыя, съ своей стороны, должны видоизмѣнять характеръ спроса и предложенія, а стало быть и цѣны на предметы потребленія. Явленія эти имѣютъ свои собственныя причины, которыя въ большинствѣ случаевъ очень нетрудно раскрыть. Когда рѣчь идетъ о вздорожаніи мяса, молока, квартиръ, то причина ея рѣдко остается неясной. Даже стараніямъ заинтересованныхъ лицъ не удается надолго оставлять общественное мнѣніе въ заблужденіи.

Безъ дальнѣйшаго ясно поэтому, что слѣдуетъ строго разграничивать между проблемою всеобщаго вздорожанія (всеобщаго возростанія товарныхъ цѣнъ) и проблемою спеціальнаго вздорожанія (возростанія цѣнъ на отдѣльные предметы и трудъ). Въ несоблюденіи этого разграниченія кроется причина многихъ неясностей въ публицистическомъ обсужденіи этого вопроса.

Вздорожаніе или удешевленіе цѣнъ на отдѣльные продукты можетъ носить всемірный, но можетъ носить и мѣстный характеръ. Можетъ случиться, что оно остается ограниченнымъ опредѣленною мѣстностью. Если, напр., въ Австріи, повышаются цѣны на водку, вслѣдствіе

увеличенія налога на водку или цѣны на мясо, вслѣдствіе запрещенія ввоза мяса и скота, то это не оказываетъ прямого вліянія на образованіе цѣнъ на водку или мясо за австрійской границей. Цѣны за границей непосредственно не затрагиваются этимъ мѣропріятіемъ, если же оно и оказываетъ на нихъ косвенное вліяніе, то вліяетъ какъ разъ въ обратномъ направленіи. Такъ, цѣны на мясо въ Румыніи могутъ падать именно вслѣдствіе того, что экспортъ въ Австрію прерывается, и этимъ прекращается австрійскій спросъ на румынское мясо.

Наоборотъ, поскольку вздорожаніе является всеобщимъ, оно всегда носитъ всемірный характеръ. Это вытекаетъ изъ того именно обстоятельства, что современныя деньги, золото, интернаціональны, какъ таковыя. Золото является въ настоящее время всемірными, а не національными деньгами опредѣленныхъ областей; его удешевленіе должно, слѣдовательно, также носить всемірный характеръ.

Количество денегъ и цѣна денегъ.

Мѣновое соотношеніе между деньгами и остальными хозяйственными благами, неминуемо должно потерпѣть измѣненіе, когда мѣняется соотношеніе, существующее въ отдѣльныхъ хозяйствахъ между спросомъ и предложеніемъ денегъ. Или, что то же самое: покупательная сила денежной единицы понижается, когда увеличивается количество денегъ, и, наоборотъ, повышается, когда уменьшается количество ихъ. Это и есть въ немногихъ словахъ та количественная теорія, которая является первымъ неоспоримымъ результатомъ теоретическаго изученія денежныхъ цѣнъ [1]).

---

[1]) См. мою теорію денегъ и средствъ обращенія. Мюнхенъ и Лейпцигъ, 1912. стр. 133—170.

Потребность отдѣльныхъ хозяйствъ въ деньгахъ удовлетворяется не одними только деньгами. И денежные суррогаты, т. е. неоспоримыя денежныя требованія, которыя всегда можно реализовать, и неоспоримость и реализуемость которыхъ является общепризнанной (напр., банкноты, чеки, размѣнныя монеты и т. д.) исполняютъ ту же функцію. Денежные суррогаты могутъ быть покрыты деньгами или нѣтъ; если имѣется наличность такого покрытія, то мы называемъ ихъ денежными сертификатами; если же ея нѣтъ, то мы называемъ ихъ средствами обращенія [1]). Ясно, что увеличеніе или уменьшеніе средствъ обращенія должно имѣть такія же послѣдствія для образованія денежной единицы, какія имѣетъ увеличеніе или уменьшеніе денежной массы. Если количество денегъ (въ широкомъ смыслѣ, включая также и количество средствъ обращенія) увеличивается, тогда какъ потребность въ деньгахъ (также въ широкомъ смыслѣ, включая и потребность въ средствахъ обращенія) остается неизмѣненной, то вмѣстѣ съ тѣмъ должна падать и внутренняя объективная мѣновая цѣнность денегъ. Однако, паденіе это вовсе не обратно пропорціонально увеличенію количества денегъ; оно не наступаетъ одновременно во всемъ народномъ хозяйствѣ и равномѣрно по отношенію ко всѣмъ товарамъ. Здѣсь нѣтъ надобности въ болѣе детальномъ обоснованіи и развитіи этой мысли. Мы попытались сдѣлать это въ другомъ мѣстѣ.

Стремленіе использовать результаты количественной теоріи для статистическаго изслѣдованія причинъ и объема движеній внутренней объективной мѣновой цѣнности денегъ должно всегда оставаться безуспѣшнымъ. Изъ обоихъ факторовъ, взаимное соотношеніе которыхъ опредѣляетъ это движеніе, поддается учету только одинъ: количество денегъ. Другой факторъ, потребность въ деньгахъ, представляетъ собою величину, которая зависитъ отъ субъективныхъ моментовъ и въ лучшемъ случаѣ можетъ быть лишь приблизительно опредѣлена. Но, если бы даже и удалось выразить въ цифрахъ измѣненія, происходящія въ количествѣ денегъ и потребности въ деньгахъ, то это далеко еще не дало бы намъ возможности придти къ цифровымъ выводамъ. Во первыхъ, движенія внутренней объективной мѣновой цѣнности денегъ, какъ уже сказано было, не обратно пропорціонально движеніямъ, происходящимъ въ отношеніи между количествомъ денегъ и потребностью въ деньгахъ. Но, кромѣ того, у насъ нѣтъ еще и возможности точно измѣрить движенія внутренней объективной мѣновой цѣнности денегъ. Всѣ системы числопоказателей (index number), даже самыя остроумныя и совершенныя, не могутъ притязать на точность [1]).

[1]) Ibidem, стр.144.

Статистическія изслѣдованія теоріи денегъ обыкновенно проходятъ мимо всего этого. Они молчаливо предполагаютъ, что измѣненія количества денегъ (въ узкомъ смыслѣ, не включая оборотныхъ средствъ) косвеннымъ образомъ вызываютъ пропорціональныя измѣненія покупательной силы денежной единицы, при томъ по отношенію ко всѣмъ товарамъ и одновременно во всемъ народномъ хозяйствѣ. Они видятъ въ цифрахъ индекса точный масштабъ покупательной силы денегъ,—пріемъ, который является несостоятельнымъ даже въ томъ случаѣ, когда при этомъ комбинируются цифры индексовъ различныхъ системъ, построенныхъ на основаніи различныхъ принциповъ. При такой системѣ якобы научная работа превращается въ безсодержательную игру съ цифрами и словами.

Всѣ эти ошибки понижаютъ престижъ политико-экономической науки, ибо въ широкой публикѣ всегда склонны считать теоретическую политическую экономію отвѣт-

[1]) Ibidem, стр. 213.

ственной за всѣ ошибки собирателей и обрабатывателей данныхъ. Къ заблужденіямъ хозяйственной политики ошибки эти, впрочемъ, не могутъ вести. Только въ одномъ отношеніи неправильное теоретическое пониманіе школы можетъ повлечь за собою нежелательные политическіе результаты. А именно: она заставляетъ забывать о томъ, что средства обращенія имѣютъ то же значеніе для образованія внутренней объективной мѣновой цѣнности денегъ, какъ и деньги; что увеличеніе средствъ обращенія caeteris paribus также ведетъ къ паденію покупательной силы денежной единицы, какъ и увеличеніе количества денегъ. И, такъ какъ, съ другой стороны,—въ полнѣйшемъ забвеніи всего того, что сдѣлала политическая экономія въ продолженіе пяти поколѣній,—полагаютъ, что можно привести къ пониженію дисконтъ путемъ усиленнаго выпуска средствъ обращенія,—то получаются совершенно удивительныя послѣдствія: съ одной стороны провозглашается борьба противъ вздорожанія,—борьба, въ которой, правда, больше треска, чѣмъ серьезныхъ усилій—, а съ другой стороны увеличеніемъ непокрытаго бумажнаго обращенія и тому подобными мѣропріятіями, какъ и попытками искусственно расширить чековое обращеніе, ведутъ къ расширенію циркуляціи средствъ обращеній и тѣмъ самымъ создаютъ тенденцію къ паденію покупательной силы денегъ [1]).

Въ послѣднее время появилось ученіе, въ которомъ отрицается все то, что мы говорили только что о вліяніи измѣненія соотношенія между количествомъ денегъ и потребностью въ деньгахъ—на покупательную силу денегъ. Шпаннъ полагаетъ, что теорія, которая пытается объяснить дороговизну обезцѣненіемъ денегъ, вызваннымъ увеличеніемъ производства золота, кажется, правда, относительно законченной, ибо она берется объяснить

[1]) Тамъ же, стр. 462.

всѣ основныя явленія дороговизны изъ одного принципа. Тѣмъ не менѣе, теорія, которая хочетъ объяснить дороговизну и, въ концѣ концовъ, и всю исторію цѣнъ, съ ихъ рѣзко поднимающимися и опускающимися кривыми, не изъ внутренняго хода хозяйственнаго развитія, а изъ избытка или недостатка средствъ обращенія, не можетъ не вызвать недовѣрія въ каждомъ, кто только обладаетъ „здоровымъ инстинктомъ индуктивнаго анализа хозяйственныхъ отношеній“. Старое физіократическое стремленіе объяснять хозяйственныя явленія принципіально, при отвлеченіи отъ денегъ, должно опять быть возстановлено въ своихъ правахъ. Особенно слѣдуетъ рекомендовать этотъ методъ по отношенію къ явленіямъ цѣны, гдѣ необходимо тщательно размежевывать между тѣмъ, что обусловлено вліяніемъ средствъ обращенія, и тѣмъ, что само вытекаетъ изъ основныхъ хозяйственныхъ тенденцій [1]).

Къ одному изъ выставленныхъ Шпанномъ требованій наша точка зрѣнія присоединяется вполнѣ. Ибо наша точка зрѣнія объясняетъ дороговизну не изъ одного принципа, но—какъ покажетъ слѣдующій отдѣлъ—изъ двухъ различныхъ принциповъ, которые соединяются въ своемъ дѣйствіи. Во всемъ же остальномъ разсужденія Шпанна должны быть признаны невѣрными.

Въ политической экономіи издавна принято разсматривать проблемы образованія цѣнъ (цѣны товаровъ, заработную плату, прибыль на капиталъ), исходя изъ предположенія, будто существуетъ непосредственный обмѣнъ хозяйственныхъ благъ. Такъ поступали не только физіократы, какъ думаетъ Шпаннъ, но и всѣ теоретики политической экономіи; одинъ взглядъ на трудъ класси-

[1]) Шпаннъ. Теорія измѣненія цѣнъ, какъ основа для объясненія вздорожанія жизни. Вѣна 1913. Стр. 3—5.

ковъ и современныхъ авторовъ можетъ легко убѣдить въ этомъ каждаго.

Результаты, которые были добыты этимъ путемъ, и которые только этимъ путемъ и могутъ быть добыты, требуютъ своего дополненія въ изслѣдованіи тѣхъ модификацій, которыя вызываются употребленіемъ денегъ и средствъ обращенія. Рядомъ съ теоріей непосредственнаго обмѣна должна выступить также и теорія косвеннаго обмѣна,—ученіе о деньгахъ и средствахъ обращенія (теорія денегъ и банковъ). Если и можно въ чемъ-нибудь упрекнуть политическую экономію послѣднихъ десятилѣтій, то ужъ, конечно, не въ томъ, что она не замѣчаетъ необходимости этого различенія или пренебрегаетъ проблемою непосредственнаго обмѣна. Напротивъ, эта проблема прямого обмѣна, изъ которой и слѣдуетъ логически исходить, до такой степени овладѣла ея вниманіемъ, что проблема косвеннаго обмѣна оказалась при этомъ въ сильномъ загонѣ. Отъ этого тяжело пострадало, напр., и изслѣдованіе проблемы кризисовъ, полное пониманіе которой можетъ быть дано теоріей косвеннаго обмѣна.

Къ хозяйственнымъ явленіямъ, которыя могутъ и должны быть разсмотрѣны при отвлеченіи отъ денегъ, не слѣдуетъ, однако, относить и проблемы вздорожанія. Всеобщее вздорожаніе обозначаетъ измѣненіе отношенія между деньгами и остальными хозяйственными благами. Въ хозяйственной организаціи, которая не знаетъ употребленія денегъ, всеобщее вздорожаніе невозможно. Какъ можно исключить деньги изъ разсмотрѣнія проблемы всеобщаго вздорожанія? Шпаннъ, правда, дѣлаетъ эту съ самаго начала безнадежную попытку. Если онъ хочетъ объяснить болѣе высокій уровень цѣнъ раньше всего изъ основъ натуральнаго обмѣна, то въ этомъ лежитъ непониманіе сущности того, что словоупотребленіе обыденной жизни ради краткости и удобства называетъ просто

цѣною, но что точнѣе было бы называть „денежной цѣною“ или—еще вѣрнѣе—„мѣновымъ отношеніемъ къ деньгамъ“. Если сегодня существуютъ такія мѣновыя соотношенія: 5 кило A =7 кило B =9 кило C =16 кронамъ, а завтра 5 кило A =7 кило B =9 кило C =18 кронамъ, то эта наступившая чрезъ ночь перемѣна никогда не можетъ быть объяснена причинами, лежащими въ соотношеніяхъ между A, B и C.

Обезцѣненіе денегъ, какъ результатъ извѣстныхъ особенностей косвеннаго обмѣна.

Внутренняя объективная мѣновая цѣнность денегъ испытываетъ измѣненіе не только тогда, когда мѣняется отношеніе между потребностью въ деньгахъ и денежнымъ запасомъ. Имѣется еще другая причина этихъ движеній, которую слѣдуетъ искать въ извѣстныхъ особенностяхъ косвеннаго обмѣна. Въ этомъ лежитъ основное различіе между образованіемъ соотношенія, существующаго между деньгами и остальными хозяйственными благами, и образованіемъ соотношенія, существующаго между одними этими хозяйственными благами.

Въ прямомъ (непосредствованномъ) мѣновомъ процессѣ обмѣнъ можетъ только тогда состояться, если каждая изъ сторонъ оцѣниваетъ сумму благъ, которую она отдаетъ, ниже той, которую она получаетъ въ обмѣнъ. Если не имѣется наличности этого условія, то не можетъ быть и обмѣна.

Это относится и къ косвенному, опосредствованному деньгами обмѣну, но только съ одной очень важной оговоркой. Желающій покупать можетъ здѣсь при извѣстныхъ обстоятельствахъ рѣшиться уплатить требуемую цѣну, хотя бы она и превышала его субъективную оцѣнку. Это можетъ имѣть мѣсто тогда, когда онъ можетъ на-

дѣяться, что именно въ силу того, что онъ заплатилъ за товары и работы своего потребленія болѣе высокія денежныя цѣны, ему удастся получить болѣе высокія цѣны и за тѣ товары и трудъ, которые онъ самъ доставляетъ на рынокъ. Болѣе высокая денежная цѣна еще вовсе не должна обозначать болѣе высокую объективную цѣну; можетъ прекрасно случиться, что взаимныя мѣновыя отношенія между благами (за исключеніемъ денегъ) останутся неизмѣненными, и что происходитъ только измѣненіе въ мѣновомъ отношеніи между деньгами и остальными благами.

Если рабочіе требуютъ болѣе высокой заработной платы, и предприниматели уступаютъ этому требованію, то это вовсе не обозначаетъ повышенія реальной заработной платы. Можетъ случиться, что предпринимателю удастся переложить повышеніе заработной платы на потребителей, такъ что повышаются и цѣны на товары, и реальная заработная плата остается неизмѣненной или, во всякомъ случаѣ, повышается не въ такой же мѣрѣ, какъ и денежная цѣна. Если производителю одного какого-нибудь товара удается добиться повышенія цѣнъ, то это вовсе не обозначаетъ повышенія объективной цѣны; и здѣсь возростаніе цѣнъ можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ оказаться только номинальнымъ.

Это можетъ случиться порою уже въ простыхъ отношеніяхъ заказнаго производства, гдѣ производитель и потребитель вступаютъ въ непосредственное общеніе другъ съ другомъ. Однако, необходимости въ этомъ здѣсь еще нѣтъ никакой; рыночныя отношенія здѣсь еще прозрачны и ясны, и равновѣсіе между потребленіемъ и производствомъ легко возстановляется. Иначе обстоитъ дѣло на стадіяхъ развитія народнаго или даже мірового хозяйства. Положеніе рынка не можетъ быть здѣсь такъ же легко обозрѣваемо, какъ прежде, когда рынокъ былъ еще малъ. Производитель не вступаетъ больше въ непосредственныя отношенія съ потребителемъ. Продуктъ „берется съ рынка“, что еще вовсе не означаетъ, что онъ получаетъ со стороны потребителя ту же оцѣнку, какая лежала въ основѣ разсчета производителя. Производители и торговцы стоятъ передъ неизвѣстной величиной; они могутъ съ бо̀льшимъ или меньшимъ искусствомъ учитывать будущее расположеніе потребителя, но это, естественно, всегда будетъ только приблизительный разсчетъ. Но именно эта величина и необозримость современнаго рынка ставитъ самыя высокія требованія къ продавцамъ. Возможность соглашенія съ отдѣльными потребителями исключена для большинства созрѣвшихъ для потребленія благъ. Производители и торговцы вынуждены предписывать „твердыя“ цѣны, которыя потребитель либо принимаетъ, либо отклоняетъ путемъ воздержанія отъ покупки, если ему не удается обойти эти цѣны такъ, что онъ ихъ, съ одной стороны, хотя и уплачиваетъ въ качествѣ денежныхъ цѣнъ, но, съ другой стороны, видоизмѣняетъ путемъ измѣненія покупательной силы денегъ.

Для того, чтобы изъ механизма опосредствованнаго деньгами мѣнового процесса исходила указаннымъ образомъ тенденція къ уменьшенію внутренней объективной мѣновой цѣнности денегъ, охватывающая все народное хозяйство, должно произойти предварительно широкое измѣненіе производительныхъ и потребительныхъ отношеній. Въ статическомъ или преимущественно статическомъ состояніи народнаго хозяйства взаимныя мѣновыя отношенія между хозяйственными благами (за исключеніемъ денегъ) не испытываютъ никакого измѣненія, или измѣненія эти бываютъ самыя незначительныя. При такихъ обстоятельствахъ у предпринимателей и рабочихъ отсутствуютъ всякіе стимулы къ повышенію цѣнъ. Другое дѣло во времена сильныхъ переворотовъ потребительныхъ и производительныхъ отношеній, когда взаимныя мѣновыя отношенія испытываютъ сильныя измѣ-

ненія. Тутъ всѣ продавцы (включая и продавцовъ рабочей силы) должны естественно—и ощупью и въ потьмахъ—начать искать новыхъ цѣнъ на товары и трудъ, которые они приносятъ на рынокъ. Они устанавливаютъ цѣны, которыя, по ихъ мнѣнію, должны совпадать съ достижимыми цѣнами, при чемъ они легко перехватываютъ черезъ край. Если они назначаютъ слишкомъ низкую цѣну, то они должны скоро замѣтить свою ошибку, какъ только спросъ начинаетъ превышать предложеніе. Въ противномъ же случаѣ, ошибка не такъ легко можетъ обнаружиться. Если продавецъ требуетъ слишкомъ высокихъ цѣнъ, то—по закону спроса и предложенія—предложеніе должно превысить спросъ; воздержаніе покупателей должно въ концѣ концовъ принудить продавца къ пониженію цѣны. Но здѣсь наступаетъ дѣйствіе особенныхъ свойствъ косвеннаго обмѣна. Желающій покупать не воздерживается отъ покупки товара, хотя бы даже запрошенная цѣна и превышала нѣсколько его собственную оцѣнку, ибо и онъ, съ своей стороны, разсчитываетъ на бо́льшія денежныя поступленія отъ продажи товаровъ и труда, которые онъ самъ доставляетъ на рынокъ. Онъ повысилъ цѣны на свои товары и видитъ, что его покупатели даютъ ихъ; по той же причинѣ, по какой они согласились на болѣе высокія цѣны, онъ ихъ платитъ и самъ. Всѣ ждутъ, что болѣе высокимъ денежнымъ затратамъ будутъ соотвѣтствовать и болѣе высокія денежныя поступленія: они считаются съ паденіемъ покупательной силы денегъ, къ которой и приводитъ фактически ихъ образъ дѣйствія.

Въ силу техническихъ особенностей рыночной организаціи опосредствованнаго деньгами обмѣна, крушные перевороты взаимныхъ мѣновыхъ соотношеній между хозяйственными благами ведутъ къ тенденціи падающей покупательной силы денегъ.

Соціальное дѣйствіе всеобщаго вздорожанія жизни.

Раньше, чѣмъ иллюстрировать все вышесказанное однимъ очень важнымъ примѣромъ, мы считаемъ цѣлесообразнымъ сказать нѣсколько словъ о соціальномъ дѣйствіи всеобщаго вздорожанія.

Если бы измѣненія внутренней объективной мѣновой цѣнности денегъ одновременно и равномѣрно распространялись по всему міровому хозяйству, если бы цѣны на всѣ товары и на всякій трудъ повышались или понижались бы одновременно и равномѣрно,—тогда и соціальное дѣйствіе ихъ ограничилось бы только измѣненіемъ содержанія обязательственныхъ договоровъ. Значеніе всѣхъ срочныхъ платежей, которые должны быть удовлетворяемы деньгами, мѣняется, если повышается или понижается цѣна денегъ, этого мѣрила срочнаго платежа Если покупательная сила денегъ сокращается, то выигрываютъ должники, теряютъ заимодавцы. Предполагается при этомъ, что при заключеніи договора они не предугадывали и не учитывали направленія и размѣра будущихъ движеній внутренней объективной мѣновой цѣнности денегъ,—предположеніе, которое всегда окажется вѣрнымъ, такъ какъ по различнымъ причинамъ невозможно предвидѣть размѣра движеній покупательной силы денегъ.

Если бы измѣненія мѣновой цѣнности денегъ въ дѣйствительности такъ равномѣрно и одновременно распространялись по всему соціальному хозяйству, то жалобы на вздорожаніе жизни далеко не такъ громко раздавались бы, какъ теперь, и едва ли могли бы принудить правительство къ изысканію мѣръ противъ вздорожанія. Правда, пострадали бы интересы заимодавцевъ и вообще всѣхъ тѣхъ, которые должны взимать опредѣленныя денежныя суммы по обязательственнымъ договорамъ,

и вполнѣ вѣроятно, что они далеко не спокойно отнеслись бы къ возростающимъ для нихъ потерямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что они старались бы вызвать болѣе благопріятное для себя движеніе цѣнъ. Но едва ли можно предположить, что это имъ удалось бы. Ихъ жалобы едва ли нашли бы отзвукъ въ широкихъ массахъ населенія. Число тѣхъ, доходы которыхъ, исключительно или преимущественно, составляются изъ прибыли отъ отдаваемыхъ въ долгъ денежныхъ капиталовъ, въ большинствѣ странъ слишкомъ невелико для того, чтобы ихъ желанія и интересы могли рѣшающимъ образомъ повліять на ходъ хозяйственной жизни.

Что обезцѣненіе денегъ ощущается широкою массою, какъ зло, не можетъ быть сведено къ тому, что оно вредитъ интересамъ заимодавцевъ, а вытекаетъ изъ того обстоятельства, что оно распространяется только постепенно. Цѣны на различные товары не повышаются одновременно въ одинаковой мѣрѣ. Вздорожаніе наступаетъ сначала только въ одномъ какомъ-нибудь пунктѣ народнаго хозяйства и для однихъ какихъ-нибудь товаровъ, и шагъ за шагомъ распространяется дальше. Разсмотримъ сначала случай обезцѣненія денегъ, вслѣдствіе увеличенія средствъ обращенія, при неизмѣнившейся, или не въ равной мѣрѣ повышающейся, потребности въ деньгахъ (въ широкомъ смыслѣ). Пусть, напримѣръ, открыты новыя золотыя розсыпи. Новое золото сначала приливаетъ къ производителямъ золота, оно увеличиваетъ ихъ доходъ, уменьшаетъ ихъ субъективную оцѣнку денежной единицы и этимъ увеличиваетъ ихъ мѣновую, ихъ покупательную способность. Они начинаютъ сильнѣе предъявлять на рынкѣ спросъ на предметы своихъ надобностей; они могутъ предложить больше денегъ за товары, которые они хотятъ пріобрѣтать. Эти-то товары и подымаются раньше всего въ цѣнѣ; по отношенію къ нимъ и падаетъ раньше всего объективная мѣновая цѣнность

денежной единицы. Здѣсь та точка, съ которой начинается процессъ обезцѣненія денегъ. Въ дальнѣйшемъ ходѣ этого процесса повышается покупательная способность владѣльцевъ тѣхъ товаровъ, которые требовались первому владѣльцу новаго золота, и они, съ своей стороны, оказываются въ состояніи развить болѣе сильный спросъ на предметы своихъ надобностей, такъ что и эти предметы подымаются въ цѣнѣ. Такъ растекаясь, распространяется повышеніе цѣнъ до тѣхъ поръ, пока оно не охватываетъ всѣхъ товаровъ,—однихъ съ бо́льшей, другихъ съ меньшею силой [1]). Эта послѣдовательность, съ какой распространяется вздорожаніе, и вызываетъ сопутствующія вздорожанію соціальныя явленія. Тѣмъ соціальнымъ группамъ, къ которымъ раньше всего приливаетъ новый денежный потокъ, этотъ процессъ будетъ благопріятствовать; тѣмъ же, до которыхъ онъ дойдетъ позднѣе всѣхъ, онъ будетъ вредить. Пока обезцѣненіе денегъ еще не распространилось по всему народному хозяйству, тѣ, которые уже получаютъ болѣе высокій доходъ, соотвѣтствующій будущему уменьшенію цѣнности денегъ, въ состояніи будутъ платить за всѣ предметы своихъ надобностей или за часть ихъ такія цѣны, въ которыхъ вообще или не совсѣмъ еще было учтено уменьшеніе цѣнности денегъ; съ другой стороны, тѣ, денежный доходъ которыхъ не соотвѣтствуетъ еще новымъ условіямъ, уже уплачиваютъ за часть предметовъ своихъ надобностей болѣе высокія цѣны, приспособленныя къ болѣе высокому общему уровню цѣнъ.

То же самое относится, конечно, и къ тѣмъ измѣненіямъ цѣнности денегъ, которыя вытекаютъ изъ описаннаго выше повышенія цѣнъ продавцомъ. И здѣсь повышеніе денегъ беретъ свое начало въ одномъ мѣстѣ и

---

[1]) См. мою теорію денегъ и средствъ обращенія, стр. 151 и другія указанныя тамъ страницы.

только шагъ за шагомъ распространяется дальше. Поэтому тѣ группы продавцовъ, съ которыхъ раньше всего началось это повышеніе цѣнъ,оказываются въ выигрышѣ даже тогда, когда повышеніе цѣнъ продуктовъ, которые они предлагаютъ для продажи, уравновѣшивается повышеніемъ цѣнъ на предметы ихъ надобности. Ибо во время процесса, въ которомъ обезцѣненіе денегъ распространяется по всему народному хозяйству, они получили преимущества, которыхъ не отыметъ у нихъ и послѣдующее приспособленіе всѣхъ цѣнъ къ новому уровню. Именно въ томъ обстоятельствѣ, что дѣло обстоитъ такъ, и кроется причина, которая побуждаетъ предшествующія въ повышеніи цѣнъ группы къ ихъ образу дѣйствія. Это относится къ политикѣ картелей и трестовъ,—поскольку она не является монопольной политикой—,а также и къ дѣйствіямъ рабочихъ союзовъ.

Къ этимъ послѣднимъ мы сейчасъ перейдемъ.

Повышеніе заработной платы и вздорожаніе жизни.

Едва ли кто-нибудь можетъ серьезно отрицать, что между движеніями денежной заработной платы и движеніями денежныхъ цѣнъ продуктовъ существуетъ взаимоотношеніе. Съ точки зрѣнія современной теоретической политической экономіи, съ самаго начала исключается излюбленная, заимствованная у старой теоріи цѣнностей, формула, по которой вздорожаніе цѣнъ продуктовъ обусловливается вздорожаніемъ цѣнъ труда, какъ фактора производства. Ясно и не требуетъ никакихъ доказательствъ то, что измѣненія внутренней объективной мѣновой цѣнности денегъ, которыя вызываются измѣненіемъ соотношенія между количествомъ денегъ и потребностью въ деньгахъ, вліяютъ, черезъ измѣненія цѣнъ предметовъ потребленія, и на денежныя цѣны факторовъ производства и, слѣдовательно, и фактора производства:

трудъ. Не трудно, стало быть, понять, что уже самый обычный способъ постановки проблемы не выдерживаетъ научной критики. Если хотятъ добиться плодотворныхъ результатовъ, то слѣдуетъ избрать другой ходъ мыслей.

Во всѣхъ теоріяхъ заработной платы проблема заработной платы разсматривается, какъ проблема цѣнности. Различныя теоріи цѣнности, которыя возникали въ послѣднее время, привели также и къ различнымъ попыткамъ разрѣшенія проблемы заработной платы. Объективныя теоріи цѣнностей должны были, конечно, придти къ инымъ выводамъ, чѣмъ современная теорія цѣнностей. Только послѣдняя вполнѣ оцѣнила значеніе этой проблемы. Теорія хозяйственнаго учета, основанная Бёмъ-Баверкомъ, Клеркомъ и Визеромъ, показываетъ, какъ оцѣниваются отдѣльные, взаимно дополняющіе другъ друга, факторы производства; она образуетъ такимъ образомъ незамѣнимое логическое промежуточное звено для каждой теоріи образованія цѣнъ факторовъ производства и, слѣдовательно, и для каждой теоріи распредѣленія продуктовъ.

Высота заработной платы, какъ явленіе рыночное, не поддается воздѣйствію иныхъ средствъ, кромѣ тѣхъ, которыя опредѣляютъ положеніе рынка. Кто хочетъ вести политику заработной платы, т. е. отклонять высоту заработной платы отъ того уровня, къ которому она тяготѣетъ на рынкѣ, предоставленномъ самому себѣ, и который можно было бы назвать естественнымъ уровнемъ заработной платы, тотъ долженъ стараться измѣнить тѣ факторы, взаимодѣйствіе которыхъ на рынкѣ опредѣляетъ конкретную высоту заработной платы. Такъ, напр., можно понижать уровень заработной платы, если облегчать иммиграцію иностранныхъ рабочихъ, и можно повышать его, если затруднять эту иммиграцію. Всѣ эти средства только косвеннымъ образомъ вліяютъ на образованіе рыночныхъ цѣнъ труда; заработная плата, кото-

рая образуется на рынкѣ подъ вліяніемъ измѣненныхъ условій, является при новомъ положеніи вещей, естественной заработной платой.

Непосредственное воздѣйствіе такъ же невозможно по отношенію къ заработной платѣ, какъ и по отношенію къ остальнымъ рыночнымъ цѣнамъ. Оно неизбѣжно должно было бы вести къ реакціи, которая снова возстановила бы естественное соотношеніе. Это относится какъ къ правительственнымъ таксамъ заработной платы, такъ и къ политикѣ заработной платы профессіонально организованныхъ рабочихъ. Это знала уже и старая школа, хотя она и обосновывала это несостоятельными теоріями.

Мы не касаемся здѣсь вопроса объ общемъ значеніи организацій рабочихъ съ точки зрѣнія народнаго хозяйства, политики, права, морали и всей народной жизни. Передъ нами теперь стоитъ одинъ вопросъ: могутъ ли союзы рабочихъ повышать естественный уровень заработной платы или нѣтъ? На этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣтить утвердительно раньше всего для тѣхъ случаевъ, когда профессіональнымъ союзамъ удается оказывать воздѣйствіе на условія рынка труда. О томъ, чтобы они могли вліять на спросъ труда, обыкновенно не можетъ быть и рѣчи. Чаще союзамъ удается вліять въ желательномъ для нихъ направленіи на предложеніе труда. Если это касается только отдѣльныхъ категорій рабочихъ, то рѣчь можетъ идти только о преимуществахъ, которыя получаютъ рабочіе одной отрасли производства за счетъ всѣхъ остальныхъ рабочихъ. Искусственно сокращенному предложенію въ одной или нѣсколькихъ отрасляхъ производства, противопоставляется усиленное предложеніе труда во всѣхъ остальныхъ отрасляхъ производства; повышаясь въ однихъ отрасляхъ производства, заработная плата должна неизбѣжно понижаться во всѣхъ остальныхъ. Этимъ нисколько не исчерпываются послѣдствія такой монополіи рабочихъ

въ отдѣльныхъ отрасляхъ производства; дѣйствіе ея распространяется еще дальше. Она нарушаетъ оптимальное комбинаціонное соотношеніе факторовъ производства и этимъ уменьшаетъ цѣнность всего производственнаго продукта. Это второе слѣдствіе, въ силу своей изолированности, ясно выступаетъ тогда, когда ограниченіе предложенія труда охватываетъ всѣ отрасли производства. При этомъ возможны два случая: сокращеніе прироста рабочихъ вслѣдствіе уменьшенія народонаселенія (ограниченіе рождаемости) или сокращеніе предложенія труда при неизмѣненномъ числѣ рабочихъ. Во второмъ случаѣ сокращеніе предложенія труда можетъ быть достигнуто или путемъ сокращенія рабочаго времени по отношенію къ нормамъ, установленнымъ максимальнымъ оптимальнымъ соотношеніемъ,—при чемъ это сокращеніе рабочаго времени устанавливается либо законодательными мѣрами (максимальный рабочій день), либо профессіональной самопомощью самихъ рабочихъ,—или же путемъ ослабленія интенсивности труда (пассивное сопротивленіе, политика „Са canny“).

Если же факторы образованія заработной платы оставляются неизмѣненными, то не можетъ быть достигнуто и длительнаго отклоненія уровня заработной платы отъ его естественной высоты. Это относится почти ко всѣмъ профессіональнымъ объединеніямъ рабочихъ. Профессіональные союзы не могутъ добиться всеобщаго и длительнаго повышенія уровня заработной платы, потому что они не мѣняютъ и не могутъ мѣнять условій широкаго рабочаго рынка.

Этому противорѣчитъ какъ будто бы исторія послѣднихъ десятилѣтій. Мы видимъ, какъ организованные рабочіе шествуютъ отъ одного успѣха къ другому; заработная плата поднимается все выше и выше. Часть этого повышенія цѣнъ является безъ сомнѣнія слѣдствіемъ обусловленнаго увеличеніемъ денежнаго предложенія

(добыча золота, увеличеніе средствъ обращенія) паденія внутренней объективной мѣновой цѣнности денегъ. Другая часть опять-таки должна быть сведена къ повышенію производительности человѣческаго труда: часть дохода съ этой повышенной производительности достается на долю рабочихъ соотвѣтственно ихъ соучастію въ процессѣ производства. Этого могли бы добиться рабочіе и безъ коалицій и борьбы за заработную плату. Но ограничивается ли этимъ все, чего добились профессіональные союзы?

Многіе увѣрены въ томъ, что рабочіе объединенными силами добились гораздо бо̀льшаго, чѣмъ то, что досталось бы имъ и безъ объединенія. Во всѣхъ соціалполитическихъ сочиненіяхъ можно встрѣтить указанія на то, что профессіональные союзы значительно повысили уровень заработной платы; въ этомъ фактѣ усматриваютъ индуктивное доказательство противъ выводовъ всѣхъ тѣхъ теорій, которыя указываютъ на невозможность такого повышенія заработной платы. Доказательность этого факта кажется до такой степени убѣдительной, что никто не даетъ себѣ даже труда конструировать такую теорію заработной платы, изъ которой онъ съ необходимостью вытекалъ бы. Вообще, невольно становишься въ тупикъ передъ вопросомъ, какова же въ дѣйствительности теорія заработной платы исторической школы нѣмецкой политической экономіи. Одинъ изъ выдающихся ея представителей говоритъ намъ, правда, что, въ виду необозримыхъ трудностей, эта школа отказалась отъ теоріи заработной платы въ смыслѣ системы общеобязательныхъ законовъ. [1]). Но что-нибудь должно же было представляться взору этихъ авторовъ,

[1]) См. Бернардъ: „Заработная плата и система заработной платы“ въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften (изданіе III) Т. VI, стр. 513.

когда они говорили о заработной платѣ и о политикѣ заработной платы. Мы думаемъ, что не ошибемся, если предположимъ, что передъ ними мелькала наивная теорія эксплоатаціи. Эта теорія заработной платы является въ настоящее время самой излюбленной. Она можетъ указать на знаменитое литературное прошлое, на марксистскую теорію прибавочной стоимости, — результатъ честнаго, хотя и безплоднаго стремленія геніальнаго ума. Но не Марксъ создалъ теорію эксплоатаціи. Она и до него носилась въ воздухѣ, и онъ только взялъ на себя задачу научно охватить и обосновать ее,—что казалось далеко не невозможнымъ при тогдашнемъ состояніи политической экономіи. Но еще задолго до Маркса теорія эта была популярна. Что Марксъ принялъ ее, и что соціалдемократическая агитація съ фанатизмомъ вынесла ее въ свѣтъ, могло во стократъ увеличить присущую ей привлекательность. Но ея сила и популярность коренится не въ марксистской теоріи цѣнностей, и потому она могла безъ ущерба для себя пережить паденіе этой теоріи.

„Капиталъ“ читали многіе, лишь немногіе его поняли. Даже среди вождей соціалдемократіи найдется лишь небольшая кучка людей, понимающихъ марксистскую теорію цѣнностей. Основное соціалдемократическое пониманіе теоріи цѣнностей представляетъ собой наивную теорію эксплоатаціи, болѣе близкую къ теоріи чартизма, чѣмъ къ объективизму теоріи цѣнности въ діалектической системѣ Карла Маркса. Эта популярная теорія эксплоатаціи, которую—варьируя одно выраженіе Маркса, можно было бы назвать также и вульгарнымъ соціализмомъ, [1]) правда, никогда не была изложена въ научно-

[1]) Выраженіе это я нашелъ у Фогельштейна: „Законъ доходности въ промышленности“. (Архивъ соціальныхъ наукъ и соціальной политики — Archiv f. Socialwissenschaft u Socialpolitik. Т. XXXIV, стр. 775.

содержательной, зрѣлой и законченной формѣ. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ признать ее теперь, по крайней мѣрѣ, для Германіи, общимъ мнѣніемъ (communis opinio). Ибо, за исключеніемъ узкаго круга друзей теоретической политической экономіи, она почти неоспоримо господствуетъ повсюду. На ней покоится все то, что говорится о сущности заработной платы въ учебникахъ и на каѳедрѣ, въ парламентѣ и въ прессѣ, въ церкви и въ народныхъ собраніяхъ. Она оказываетъ воздѣйствіе на законодательства, она является путеводною нитью профессіональныхъ союзовъ. Даже предприниматели не могли остаться совершенно свободными отъ ея вліянія [1]).

Въ популярной теоріи эксплоатаціи общество представляется расколотымъ на два враждебныхъ противоположныхъ класса. На одной сторонѣ стоятъ рабочіе, трудомъ которыхъ создаются всѣ цѣнности, и къ которымъ по справедливости долженъ былъ бы поступать и весь продуктъ труда. На другой сторонѣ стоятъ всѣ тѣ, которые получаютъ доходъ безъ труда; они живутъ съ того, что удерживаютъ съ рабочихъ. Опредѣленіе заработной платы есть результатъ борьбы между предпринимателями и рабочими; чѣмъ сильнѣе успѣхъ рабочихъ въ этой борьбѣ, тѣмъ выше подымается заработная плата и, стало быть, и доля рабочихъ въ общественномъ продуктѣ. Профессіональное сплоченіе укрѣпляетъ силы рабочихъ и облегчаетъ имъ достиженіе успѣха.

За исключеніемъ этой наивной теоріи эксплоатаціи, несостоятельность которой, конечно, не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ, въ соціалполитической литературѣ немногое найдется, что хотя бы съ видимостью основанія могло бы служить опорою ученію о повы-

[1]) См. Бемъ-Баверкъ. Нѣсколько спорныхъ вопросовъ теоріи капитала. Вѣна. 1900, стр. 110.

шающемъ заработную плату дѣйствіи рабочихъ союзовъ. Что, тѣмъ не менѣе, всѣ тѣ писатели, которые не исходятъ изъ законченной политико-экономической теоріи цѣнности и цѣнъ,—на основаніи одного только несомнѣннаго факта, что денежная заработная плата повысилась за послѣднія десятилѣтія—,безъ всякихъ колебаній признаютъ за коаліціями способность повышать реальную заработную плату—,уже не вызываетъ больше удивленія.

Съ одной стороны, слѣдовательно, научная теорія заработной платы не даетъ намъ никакой точки опоры, изъ которой можно было бы строить выводы о повышающемъ заработную плату дѣйствіи профессіональныхъ организацій рабочихъ; съ другой стороны, передъ нами несомнѣнный фактъ, что организація рабочихъ увеличиваетъ на счетъ другихъ классовъ долю участія рабочаго класса въ общественномъ процессѣ распредѣленія. Можно ли допустить, что всѣ тѣ милліоны рабочихъ, которые видятъ въ организаціи свое спасеніе, что всѣ тѣ тысячи предпринимателей, которые борются противъ нихъ, ошибаются въ оцѣнкѣ дѣйствій рабочихъ организацій?

По это, повидимому, неразрѣшимое противорѣчіе легко можетъ быть разрѣшено съ помощью нашей вышеизложенной теоріи. Вѣрно то, что никакимъ усиліямъ профессіональныхъ организацій не можетъ удаться длительно подымать заработную плату надъ ея естественнымъ уровнемъ. Все, чего они въ лучшемъ случаѣ могутъ достигнуть, это то, что заработная плата временно подымается надъ естественнымъ уровнемъ; но они не могутъ препятствовать конечному приспособленію дѣйствительной высоты заработной платы къ ея естественному уровню. Это приспособленіе выражается не въ томъ, что номинальная заработная плата остается неизмѣненной; но повышеніе цѣнъ на товары

приводитъ къ тому, что ея реальное значеніе начинаетъ мѣняться и мѣняется до тѣхъ поръ, пока оно снова не совпадетъ съ той реальной заработной платой, которая при данныхъ условіяхъ является естественной. Ибо работодатели могутъ согласиться на превышающее естественный уровень увеличеніе заработной платы лишь тогда, когда они сами могутъ надѣяться, что имъ удастся сохранить естественный предпринимательскій доходъ путемъ переложенія повышенія заработной платы на цѣны продуктовъ. А то, что побуждаетъ потребителей платить эту повышенную плату, ясно изъ всего сказаннаго выше.

Успѣхъ профессіональной организаціи заключается, слѣдовательно, въ тѣхъ преимуществахъ, которыя выпадаютъ на долю рабочихъ въ переходное время, въ теченіе котораго, путемъ повышенія товарныхъ цѣнъ, совершается процессъ приспособленія повышенной денежной заработной платы къ уровню естественной заработной платы. Профессіональные союзы только тогда смогутъ закрѣпить преимущества, которыя они доставляютъ рабочимъ, если они будутъ непрерывно повышать денежную плату надъ ея естественнымъ уровнемъ. Но этимъ они все снова будутъ создавать тенденцію къ пониженію внутренней объективной мѣновой цѣнности денегъ.

Въ статическомъ народномъ хозяйствѣ для такого дѣйствія профессіональныхъ союзовъ не могло бы быть мѣста. Тамъ законъ заработной платы долженъ бы былъ господствовать во всей своей строгости. Только въ динамическомъ процессѣ народнаго хозяйства можетъ проявляться то, о чемъ мы сейчасъ говорили. Динамически профессіональные союзы могутъ добиться и еще нѣкоторыхъ другихъ преимуществъ, напр., путемъ сокращенія числа безработныхъ въ переходное время [1]).

[1]) Въ статическомъ состояніи нѣтъ безработныхъ.

Недостатокъ сырья, какъ причина вздорожанія.

Особенною причиною всеобщаго вздорожанія считаютъ часто вздорожаніе издержекъ производства. Съ субъективной теоріей цѣнностей такое утвержденіе несовмѣстимо. Современная школа доказываетъ же, что цѣны благъ высшаго порядка зависятъ отъ цѣнъ благъ перваго порядка. Указанное объясненіе должно быть, слѣдовательно, съ самаго начала отклонено. Оно, впрочемъ, и не разрѣшаетъ проблемы, а только переноситъ ее въ другое мѣсто. На мѣсто вопроса о причинѣ вздорожанія предметовъ потребленія она ставитъ вопросъ о причинахъ вздорожанія факторовъ производства.

Этому пониманію родственно и то ученіе, которое предполагаетъ, что предложеніе благъ сократилось, и что въ силу этого должна была начаться тенденція къ повышенію товарныхъ цѣнъ. Снабженіе хозяйства предметами потребленія всегда въ конечномъ счетѣ сводится къ находящимся въ природѣ благамъ высшаго порядка. Всякая человѣческая производительная дѣятельность сводится къ тому, чтобы создать такую комбинацію первоначальныхъ силъ природы, при которой матеріальныя блага съ естественной необходимостью получили бы опредѣленную желательную для насъ форму. Имѣющіяся въ природѣ силы и вещества образуютъ единственный фондъ, которымъ мы можемъ располагать. Успѣхи производительной техники даютъ намъ, правда, возможность все больше увеличивать ихъ количество привлеченіемъ благъ все болѣе высокихъ порядковъ и прокладываніемъ все болѣе длинныхъ и технически все болѣе производительныхъ производственныхъ путей. Тѣмъ не менѣе, всегда еще допустимо предположеніе, что техническій прогрессъ отстаетъ отъ потребленія имѣющагося запаса благъ. Время отъ времени со стороны геологовъ и инженеровъ раздаются предсказанія, что мы все больше

приближаемся къ тому моменту, когда полное истощеніе минеральныхъ богатствъ земного шара приведетъ къ тяжелымъ бѣдствіямъ для насъ и для нашихъ потомковъ. Насколько справедливы эти утвержденія, политическая экономія не можетъ судить. Но предположимъ, что они вполнѣ соотвѣтствуютъ фактамъ. Очевидно, что и въ этомъ случаѣ всеобщее вздорожаніе товаровъ могло бы наступить только тогда, если бы изъ всѣхъ хозяйственныхъ благъ одни только деньги не были подвержены этому истощенію. Въ то время, какъ для всѣхъ остальныхъ хозяйственныхъ благъ соотношеніе между запасомъ и потребленіемъ передвинулось бы въ неблагопріятную для запаса сторону, для денегъ все это было бы иначе. Ибо, если бы и для денегъ наступило бы такое же измѣненіе, тогда, правда, ухудшилось бы снабженіе отдѣльныхъ хозяйствъ деньгами, но не могло бы произойти измѣненія мѣнового соотношенія между деньгами и остальными матеріальными благами. Если же при этомъ все-таки произошло бы измѣненіе отношенія, существующаго между деньгами и остальными хозяйственными благами, то его слѣдовало бы причислить къ тѣмъ измѣненіямъ, значеніе которыхъ излагаетъ количественная теорія: отношеніе между денежнымъ предложеніемъ и спросомъ на деньги измѣнилось въ другомъ смыслѣ, чѣмъ соотношеніе между товарнымъ предложеніемъ и спросомъ на товары, или осталось неизмѣнившимся, тогда какъ послѣднее измѣнилось. Предположеніе объ истощеніи благъ не дало бы намъ, слѣдовательно, новыхъ познаній для теоріи и новыхъ указаній для политики.

Можно, однако, съ успѣхомъ разсматривать продолжающееся истощеніе находящихся въ распоряженіи человѣка богатствъ, какъ причину вздорожанія нѣкоторыхъ категорій товаровъ. Повышеніе цѣнъ на мѣха и икру является въ этомъ отношеніи, хотя и не самымъ типичнымъ, но зато самымъ яркимъ примѣромъ.

Распознаваніе причинъ вздорожанія и мѣры борьбы съ нимъ.

Современное общественное мнѣніе видитъ во вздорожаніи одинъ изъ самыхъ тревожныхъ симптомовъ нашего времени. Борьба противъ вздорожанія съ такою же рѣшительностью провозглашается теперь правительствами и политическими партіями, съ какою въ эпоху между 1887-мъ и приблизительно 1895-мъ годами велась борьба противъ паденія цѣнъ на товары.

Кто хочетъ бороться съ какимъ-нибудь зломъ, тотъ долженъ его сначала изучить. Нельзя устранять вздорожаніе жизни, пока не понимаешь его сущности и причинъ.

То, противъ чего въ первую очередь направляются нападки массы потребителей, это особенное вздорожаніе отдѣльныхъ предметовъ, прежде всего, средствъ существованія. Покровительственная политика, которую уже въ теченіе многихъ лѣтъ преслѣдуютъ всѣ государства, кромѣ Англіи, привела къ особенному вздорожанію опредѣленныхъ группъ товаровъ въ каждой странѣ. Здѣсь борьба противъ вздорожанія совпадаетъ съ борьбой противъ высокихъ покровительственныхъ пошлинъ [1]).

О всеобщемъ вздорожаніи жизни упоминается лишь между прочимъ. На нее обыкновенно указываютъ тѣ производители, которые пользуются покровительственной пошлиной, указываютъ для того, чтобы отвлечь вниманіе потребителей отъ осязательныхъ и легко устранимыхъ причинъ частичнаго вздорожанія. Говорятъ объ „интернаціональномъ характерѣ“ вздорожанія, чтобы запутывать причины, лежащія въ національной политикѣ; указываютъ на „всеобщность“ вздорожанія, чтобы отвести глаза отъ того факта, что, рядомъ со всеобщимъ вздорожаніемъ, можетъ быть доказано также и спеціальное вздорожаніе цѣ-

[1]) См. Hobson. Gold, Prices and Wages (Гобсонъ. Золото, цѣны и заработная плата), Лондонъ. 1913. Стр. 94.

лаго ряда продуктовъ. Во всемъ этомъ нѣтъ честнаго желанія разобраться въ проблемѣ всеобщаго вздорожанія и выяснить себѣ его значеніе и позицію, которую должна занять по отношенію къ нему экономическая политика. Всеобщій вопль о вздорожаніи, въ которомъ въ настоящее время сливается почти все, что ни выступаетъ на общественную арену, вовсе не является поэтому еще доказательствомъ непопулярности всеобщаго обезцѣненія денегъ. Ибо тѣ, которые ратуютъ противъ вздорожанія, далеко еще не выяснили себѣ сущности этого вопроса, и еще меньше выяснили себѣ ее тѣ, которые принимаютъ ихъ положенія.

Извѣстно, что движеніе въ пользу „дешевыхъ денегъ“ въ послѣдней четверти 19-го столѣтія имѣло въ Европѣ и Америкѣ больше приверженцевъ, чѣмъ противниковъ. Что дѣло тѣмъ не менѣе не дошло до осуществленія соотвѣтствующихъ проектовъ, особенно проекта интернаціональной двойной валюты, можетъ быть приписано только тому обстоятельству, что въ передовыхъ странахъ маленькая, но сильная и руководимая талантливыми вождями партія „здоровыхъ денегъ“ одержала побѣду надъ партіей „дешевыхъ денегъ“. Кто знаетъ, не провалилась ли бы все-таки идея золотой валюты, если бы борьба продолжалась еще нѣсколько лѣтъ. Но интересы сторонниковъ повышенія товарныхъ цѣнъ обратились на другія средства; они стали сторонниками покровительственныхъ пошлинъ, потому что они нашли въ покровительственныхъ пошлинахъ удобное средство для осуществленія своихъ цѣлей. Къ тому же всеобщее пониженіе объективной внутренней мѣновой „цѣнности денегъ“, которое началось со второй половины девяностыхъ годовъ, и которое продолжается до сихъ поръ, сдѣлало для нихъ биметаллизмъ излишнимъ.

Если теперь, когда достигнута цѣль, которую ставила себѣ хозяйственная политика большинства странъ въ

эпоху между 1873-мъ и 1895-мъ годами, начинаетъ проявляться сильная реакція, то ее слѣдуетъ приписать широкимъ соціальнымъ движеніямъ, которыя совершались за это время. Интересы производителей, которые еще недавно были рѣшающими въ политикѣ, оттѣсняются отчасти интересами потребителей на задній планъ. Если раньше популярнымъ лозунгомъ были „хорошія цѣны“, то теперь популярнымъ лозунгомъ стали „дешевыя цѣны“. Не подлежитъ сомнѣнію, что притягательная сила такого пароля еще будетъ продолжать расти въ ближайшіе годы. Тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ считать спорнымъ, сохранитъ ли свою силу этотъ пароль навсегда, и удастся ли ему подкопаться подъ глубоко вкоренившееся убѣжденіе, что высокія цѣны обозначаютъ процвѣтаніе сельскаго хозяйства.

Если мы вдумаемся въ соціальныя послѣдствія названнаго измѣненія,—а именно интересующаго насъ здѣсь пониженія внутренней объективной мѣновой цѣнности денегъ,—то увидимъ, что значеніе его будетъ различно, смотря по тому, какая его вызвала причина.

Всеобщее паденіе покупательной силы денегъ всегда ведетъ за собою измѣненіе въ распредѣленіи имущества и доходовъ, все равно изъ какой бы причины оно ни вытекало. Но въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ извлекаютъ изъ него выгоды одни классы, а другимъ классамъ оно наноситъ вредъ. Если внутренняя объективная мѣновая цѣнность денегъ падаетъ вслѣдствіе того, что соотношеніе между потребностью въ деньгахъ и денежнымъ запасомъ потерпѣло измѣненіе вслѣдствіе чрезмѣрнаго увеличенія циркулирующей суммы денегъ, то больше всего выигрываютъ отъ этого тѣ слои населенія, къ которымъ раньше всѣхъ приливаетъ новый потокъ денегъ, а больше всего теряютъ тѣ, къ которымъ они приливаютъ позже всѣхъ. Въ этомъ случаѣ,—все равно, произошло ли увеличеніе количества денегъ (въ широкомъ смыслѣ) путемъ увеличенія производства денегъ или путемъ усиленнаго

выпуска средствъ обращенія,—въ общемъ и цѣломъ окажутся въ выигрышѣ предприниматели по отношенію къ служащимъ и рабочимъ. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ служащіе и рабочіе въ общемъ легко могутъ быть перетянуты на сторону противниковъ уменьшенія цѣнности денегъ.

Но измѣненія въ отношеніи между количествомъ денегъ и потребностью въ деньгахъ являются не единственной и, можетъ быть, и не важнѣйшей причиной вздорожанія. Намъ удалось доказать, что, вслѣдствіе техническихъ особенностей рыночной организаціи опосредствованнаго деньгами обмѣна, приводятся въ дѣйствіе силы, которыя должны вести къ постоянному пониженію внутренней объективной мѣновой цѣнности денегъ. Здѣсь въ выигрышѣ оказываются тѣ, кто умѣетъ опережать другихъ повышеніемъ цѣнъ на товары и трудъ, предъявляемые къ продажѣ. И въ такомъ положеніи оказываются не одни только предприниматели. Рядомъ съ наилучше организованными картелями выступаютъ наилучше организованные рабочіе союзы. Крупныя картели такъ называемой тяжелой индустріи и профессіональные союзы легко организуемыхъ слоевъ служащихъ и рабочихъ являются использователями вздорожанія, поскольку оно обусловливается этими причинами. Въ проигрышѣ же окажутся трудно огранизуемые классы, которые тогда лишь могутъ повысить цѣны на приносимые ими на рынокъ товары и трудъ, когда товары и трудъ ихъ потребленія давно уже успѣли повыситься въ цѣнѣ; вредъ, который они испытываютъ въ промежуточное время, не можетъ быть парализованъ при такомъ подхрамываніи.

Только интересы заимодавцевъ и вообще всѣхъ тѣхъ, которые имѣютъ предъявить денежныя требованія по обязательственнымъ договорамъ, будутъ въ обоихъ случаяхъ одинаково нарушены въ пользу должниковъ (обязавшихся). Если же, помимо этого, соціальное дѣйствіе

вздорожанія различно въ зависимости отъ того, какая его вызвала причина, то и хозяйственная политика не можетъ въ обоихъ случаяхъ одинаково къ нему относиться. Въ первомъ случаѣ число тѣхъ, которые извлекаютъ изъ вздорожанія пользу, сравнительно не велико, оно не охватываетъ широкихъ слоевъ населенія, которые живутъ съ заработной платы, и нужды и интересы которыхъ имѣютъ въ современной политикѣ рѣшающее значеніе. Этимъ классамъ слѣдовало бы предпочитать такую денежную систему, при которой отношеніе между количествомъ денегъ и потребностью въ деньгахъ оставалось бы неподвижнымъ, и которая не создавала бы условій для измѣненія внутренней объективной мѣновой цѣнности денегъ. Такъ какъ этотъ идеалъ недостижимъ, то съ точки зрѣнія лицъ, живущихъ съ заработной платы, а также многочисленныхъ предпринимателей, одинаково заинтересованныхъ въ этомъ пунктѣ (и, разумѣется, также съ точки зрѣнія заимодавцевъ) слѣдовало бы, во всякомъ случаѣ, осудить всѣ тѣ мѣры, которыя направлены къ тому, чтобы, путемъ искусственнаго расширенія циркуляціи средствъ обращенія, понизить процентъ на капиталъ. Ибо, какъ мы говорили уже, путемъ новаго выпуска непокрытыхъ банкнотъ и расширенія чекового обращенія никогда не можетъ быть достигнуто пониженіе дисконта; конечнымъ же результатомъ такой мѣры будетъ только повышеніе цѣнъ на товары.

Совершенно иначе надо отнестись къ тѣмъ измѣненіямъ внутренней объективной мѣновой цѣнности денегъ, которыя вытекаютъ изъ только что описанныхъ техническихъ особенностей образованія цѣнъ на рынкахъ опосредствованнаго деньгами обмѣна. Они приносятъ пользу не только наилучше организованнымъ кругамъ предпринимателей, но и наилучше организованнымъ слоямъ рабочихъ,—именно всѣмъ тѣмъ, которые вздорожаніемъ товаровъ

и труда, приносимыхъ ими на рынокъ, опережаютъ повышеніе цѣнъ на товары и трудъ, которые они сами закупаютъ на рынкѣ. Поскольку вздорожаніе жизни исходитъ изъ этой причины, оно едва ли можетъ быть устранено. Единственнымъ мыслимымъ средствомъ борьбы были бы казенныя таксы; но онѣ находились бы въ неразрѣшимомъ противорѣчіи съ принципомъ индивидуалистической организаціи хозяйства.

Что борьба противъ продолжающагося вздорожанія всѣхъ товаровъ и всякаго труда имѣетъ мало шансовъ на успѣхъ; что подъ рукою имѣется лишь немного средствъ для того, чтобы нѣсколько замедлить этотъ процессъ, а во всемъ остальномъ приходится лишь пассивно выжидать, не наступитъ ли снова, когда-нибудь такое время,—какъ между 1873-мъ и 1895-мъ годами,—когда упадокъ производства золота и перевѣсъ статическихъ тенденцій надъ динамическими приведутъ къ паденію денежныхъ цѣнъ въ народномъ хозяйствѣ,—все это многимъ можетъ показаться заслуживающимъ сожалѣнія. Было бы, однако, сильнымъ преувеличеніемъ считать это, какъ думаютъ многіе, тяжелымъ зломъ.

Серьезная опасность для будущности индивидуалистической организаціи мѣноваго аппарата лежитъ, какъ я показалъ уже въ другомъ мѣстѣ [1]), въ развитіи средствъ обращенія; если законодательство не приметъ заблаговременно мѣръ противъ этого, то дѣло можетъ скоро дойти до безпредѣльной инфляціи, разрушающее дѣйствіе которой не нуждается въ дальнѣйшихъ докозательствахъ. Но, если даже не считаться съ этой, непосредственно еще не угрожающей опасностью, то сама сущность циркуляціи средствъ обращенія все еще даетъ намъ достаточно поводовъ для опасеній. Мы уже указывали на то, что

[1]) См. теорію денегъ и средствъ обращенія. Ibidem, стр. 472 и слѣд.

желательно было бы положить конецъ искусственному расширенію циркуляціи средствъ обращенія; это не только замедлило бы процессъ обезцѣненія денегъ, но и оказалось бы лучшимъ средствомъ противъ хозяйственныхъ кризисовъ. Но, помимо этого, нѣтъ основанія усматривать въ непрекращающемся вздорожаніи тревожный симптомъ. Только совершено несвѣдущіе люди могли придти къ заключенію, что оно является симптомомъ ухудшенія нашего снабженія благами, которое ведетъ къ непрерывному обнищанію массъ. Въ дѣйствительности же, потери, которыя оно влечетъ за собой для однихъ и преимущества, съ которыми оно связано для другихъ, носятъ преходящій характеръ. То обстоятельство, что вздорожаніе продолжаетъ возрастать, можетъ, правда, всегда снова вызвать эти явленія, но они всякій разъ возникаютъ сначала, и ихъ дѣйствіе нисколько не усиливается отъ того, что вздорожаніе жизни и послѣдствія вздорожанія жизни были уже раньше.

Поскольку вздорожаніе имѣетъ своей причиною увеличеніе производства золота, слѣдуетъ принимать его, какъ едва ли устранимое зло. При этомъ все еще остается надежда, что въ усилившемся развитіи производства золота наступитъ когда-нибудь перерывъ. Поскольку же вздорожаніе является послѣдствіемъ неизбѣжно вытекающей на рынкѣ косвеннаго обмѣна техники образованія цѣнъ, въ ней слѣдуетъ видѣть признакъ живого движенія всѣхъ производственныхъ и потребительныхъ отношеній. Только тѣ, которые предпочитаютъ спокойствіе кладбища бушующему водовороту жизни, могутъ сожалѣть о томъ, что чисто статическое состояніе народнаго хозяйства является только разсудочнымъ вспомогательнымъ средствомъ теоріи, но что дѣйствительность всегда означаетъ динамику, измѣненіе и развитіе.

Перев. С. Маріолинъ.

В. Эгеншвеллеръ.

О причинахъ вздорожанія жизни. [1]).

Сколько ни писали въ послѣднее время о вѣроятныхъ причинахъ вздорожанія жизни, продолжающагося вотъ уже больше 16-ти лѣтъ, однако, ничто не позволяетъ предполагать, что разрѣшеніе этой проблемы намного подвинулось впередъ. Во всѣхъ основныхъ вопросахъ, начиная съ вопроса о вліяніи усиленной добычи золота, борьбы за повышеніе заработной платы, протекціонизма и т. д., вплоть до вопроса о возможности государственнаго воздѣйствія,—среди ученыхъ господствуетъ полнѣйшее разногласіе. Рядомъ со сторонниками знаменитой количественной теоріи, которая, какъ извѣстно, объясняетъ повышеніе цѣнъ увеличеніемъ добычи золота, выступаютъ послѣдователи другой, рѣзко противоположной теоріи, которые исходятъ изъ коньюнктуры и изъ увеличившагося спроса на отдѣльные товары, или вовсе отрицаютъ вліяніе количества золота, или приписываютъ ему только второстепенное значеніе.

Не лучше обстоитъ дѣло и съ другой стороною проблемы. Борьба рабочихъ за заработную плату, государственное вмѣшательство и протекціонизмъ разсматри-

[1]) W. Eggenschwyler. Über die Ursachen der Teuerung. Conrad's „Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik", III Folge, 46 Bd, 6 Heft. 1913.

вается одними, какъ главная причина вздорожанія жизни, тогда какъ другіе совершенно отрицаютъ за ними всякое значеніе. Даже въ коренномъ вопросѣ о томъ, является ли вздорожаніе жизни благомъ или зломъ, приводитъ ли оно къ обогащенію или къ оскудѣнію народа, желательна ли борьба съ нимъ или нѣтъ,—господствуетъ, не смотря на потоки пролитыхъ чернилъ, такая же неясность, какъ и въ то время, когда Монтескьё формулировалъ свою знаменитую количественную теорію. Въ сущности, каждый старается развязать узелъ своими особыми политическими симпатіями и антипатіями и свалить вину за предполагаемое зло на своихъ противниковъ. Фабрикантъ съ удовольствіемъ будетъ обвинять во всемъ рабочихъ, стремящихся къ повышенію заработной платы, рабочіе—„эгоизмъ" предпринимателей и спекулянтовъ, сторонники свободы торговли будутъ нападать на протекціонизмъ и на тресты, протекціонисты — на свободу торговли и т. д.

Остроумный магъ и многостороннѣйшая попытка разрѣшенія этого вопроса была сдѣлана въ послѣднее время американскимъ профессоромъ Ирвингомъ Фишеромъ; его вышедшая 3 года тому назадъ книга „Покупательная сила денегъ" (The purchasing power of money) долго еще будетъ служить исходною точкою для всякаго дальнѣйшаго изслѣдованія въ этомъ направленіи.

Фишеръ видитъ основную причину современнаго вздорожанія жизни въ ростѣ количества денегъ (металла и банкнотъ) и въ ускореніи ихъ обращенія. Учетомъ этого послѣдняго момента,—скорости обращенія,—а также и учетомъ обращенія чековъ, этого главнѣйшаго средства замѣны денегъ, теорія Фишера отличается отъ классической количественной теоріи, которая объясняла уровень цѣнъ исключительно соотношеніемъ между количествомъ золота и серебра и общей суммой товаровъ, входящихъ въ торговый обмѣнъ.

Къ сожалѣнію, однако, формулированная такимъ образомъ теорія оказывается при ближайшемъ разсмотрѣніи до того эластичной и растяжимой, что за ней собственно можетъ быть признано только чисто теоретическое значеніе, и едва ли можно надѣяться на то, что когда-нибудь съ ея помощью удастся проникнуть въ причины современнаго повышенія цѣнъ.

Какъ старая, такъ и новая количественная теорія были вызваны параллелизмомъ, обнаруживавшимся между добычей золота и серебра и крупными историческими движеніями въ области товарныхъ цѣнъ,—параллелизмъ этотъ замѣчался еще въ средніе вѣка, причемъ особенно сильно проявился въ серединѣ истекшаго столѣтія и снова далъ себя чувствовать въ 90-ые годы. Каждый разъ, когда въ добычѣ золота, (а въ прежнее время и серебра) замѣчался болѣе или менѣе значительный ростъ,—вслѣдствіе ли открытія новыхъ золотыхъ розсыпей или усовершенствованія техники добычи золота,—во всемъ культурномъ мірѣ начиналось повышеніе цѣнъ. Если же рудники истощались или добыча золота хотя бы немного сокращалась, то черезъ нѣсколько лѣтъ снова наступало всеобщее паденіе цѣнъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда оживленіе промышленности и торговли продолжалось и, слѣдовательно, вызывало растущую потребность въ платежныхъ средствахъ.

На эту связь указывалъ уже Юмъ, когда онъ писалъ „что если количество товаровъ увеличивается, то цѣна ихъ падаетъ; если же увеличивается количество денегъ, то цѣны товаровъ поднимаются“. Точнѣе формулировалъ эту мысль Монтескьё (книга 22, гл. 6). „Цѣна всѣхъ товаровъ,—писалъ онъ,—всегда существенно зависитъ отъ отношенія между общею суммою товаровъ и суммою денежныхъ знаковъ. Если со времени открытія Западной Индіи сумма золота и серебра увеличилась въ Европѣ въ отношеніи 1:20, то цѣна всѣхъ товаровъ должна была подняться въ томъ же соотношеніи. Если, съ другой стороны, сумма этихъ товаровъ увеличилась въ отношеніи 1:2, то, слѣдовательно, цѣны увеличились уже только въ отношеніи 1:10“.

Во время Монтескьё теорія эта могла еще болѣе или менѣе точно объяснять дѣйствительное положеніе вещей. Но съ тѣхъ поръ денежное обращеніе до-того усложнилось, что едва ли можно надѣяться свести когда-нибудь къ простой математической формулѣ отношеніе между цѣнами товаровъ и количествомъ денегъ. Послѣдней попыткой въ этомъ направленіи была вышеупомянутая количественная теорія И. Фишера, которую мы для краткости могли бы формулировать такъ. Цѣна всѣхъ товаровъ и равняется суммѣ всѣхъ средствъ платежа (золотой монеты и суррогатовъ денегъ) и скорости ихъ обращенія, раздѣленныхъ на наличное количество производимыхъ сдѣлокъ. Согласно этой теоріи, повышеніе цѣнъ можетъ быть вызвано не только увеличеніемъ количества золота, но также и увеличеніемъ суммы суррогатовъ золота, банкнотъ, мелкихъ монетъ, векселей, чековъ, индосаментовъ и проч. Однако, Фишеръ строитъ свое исчисленіе только на количествѣ денегъ (золота и банкнотъ) и чековъ принимая во вниманіе и специфическую скорость ихъ обращенія. А такъ какъ, съ 1896 г. по 1911 г. скорость обращенія лишь незначительно увеличилась, отношеніе же чековыхъ депозитовъ къ денежной массѣ почти не измѣнилось, то теорія эта сводится къ тому, что повышеніе цѣнъ послѣднихъ 17-ти лѣтъ должно быть главнымъ образомъ приписано усиленію добычи и чеканки золота.

Теорія Фишера, однако, очень мало даетъ намъ для объясненія повышенія цѣнъ по эту сторону океана. Въ Европѣ количество золота, находящагося въ обращеніи или замѣненнаго обращеніемъ чековъ и банкнотъ, по общепризнанному мнѣнію, не только не увеличилось въ

соотвѣтствіи съ повышеніемъ цѣнъ, но даже относительно уменьшилось, если принять во вниманіе колоссальное расширеніе народно-хозяйственныхъ оборотовъ и связаннаго съ нимъ увеличенія платежныхъ средствъ.

Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ Фишеровское объясненіе не могло найти для себя большого числа сторонниковъ въ Старомъ Свѣтѣ. Во всякомъ случаѣ, согласно этой теоріи, въ Америкѣ, гдѣ количество золота въ дѣйствительности сильно переросло хозяйственный оборотъ, вздорожаніе жизни должно было бы быть гораздо сильнѣе, чѣмъ у насъ, чего, однако, ни въ какомъ случаѣ нельзя утверждать, такъ какъ тамъ оно составляло съ 1896-го до 1909-го года 36—43%, у насъ же значительно больше.

Коренною ошибкою названной теоріи является то, что она разсматриваетъ количество вступающихъ въ обмѣнъ благъ, т. е. весь хозяйственный оборотъ какъ нѣчто относительно неподвижное, тогда какъ ежедневный опытъ показываетъ, что каждое увеличеніе количества денегъ сейчасъ же ведетъ къ увеличенію всей хозяйственной дѣятельности и можетъ оказывать вліяніе на уровень цѣнъ только путемъ расширенія самого хозяйственнаго оборота. Если бы это было не такъ, то вновь добываемому золоту пришлось бы, очевидно, лежать въ кассахъ банковъ, или увеличивать невалютное употребленіе, или соотвѣтственно замедлять скорость своего обращенія. Если же оно оказываетъ вліяніе на уровень цѣнъ, то только потому, что его владѣльцы выступаютъ на рынкѣ въ качествѣ п о к у п а т е л е й и такимъ образомъ увеличиваютъ спросъ на всѣ товары и вызываютъ повышеніе цѣнъ. Новое золото должно непременно дѣйствовать нѣкоторое время такъ, какъ если бы, дѣйствительно, появилось на свѣтъ новое богатство; оно увеличиваетъ покупательную силу населенія, усиливаетъ общій спросъ на товары и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваетъ

число мѣновыхъ актовъ. Лишь при такихъ условіяхъ оно можетъ вести къ подъему общаго уровня цѣнъ; разумѣется, этотъ подъемъ цѣнъ никогда не будетъ пропорціоналенъ количеству вновь поступившаго въ обращеніе золота, такъ какъ часть эффекта утратится въ процессѣ воздѣйствія на хозяйственный оборотъ.

Гораздо важнѣе кажется намъ к о с в е н н о е вліяніе добычи золота, о которомъ нашъ американскій авторъ, къ сожалѣнію, не говоритъ намъ ни слова. Каждое увеличеніе количества золота имѣло до сихъ поръ своимъ послѣдствіемъ очень значительное усиленіе предпріимчивости, общей коммерческой и промышленной дѣятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ и общаго благосостоянія, общей покупательной силы,—и уже одно это могло бы на худой конецъ объяснить явный параллелизмъ между добычею золота и уровнемъ цѣнъ.

Добыча золота въ теченіе вѣковъ являлась своего рода барометромъ общей предпріимчивости. Новое золото въ большинствѣ случаевъ шло въ пользу наиболѣе предпріимчивой части человѣчества; мѣста нахожденія золота становились центрами лихорадочной экономической дѣятельности. Тѣ, которые возвращались на родину, заражали своей предпріимчивостью окружающее населеніе (точно такъ же, какъ это теперь происходитъ въ эмиграціонныхъ странахъ Европы, напр., въ Нижней Италіи) или же употребляли свои сбереженія на основаніе новыхъ промышленныхъ предпріятій. Отсюда—повышенная активность, усиленіе всеобщаго спроса на товары, повышеніе заработной платы и предпринимательской прибыли, увеличеніе покупательной силы.

Къ этому присоединяется еще и то, что усиленная предпринимательская дѣятельность, а равно и коммерческая и промышленная концентрація обыкновенно ведутъ также и къ увеличенію количества суррогатовъ золота (банкнотъ, чековъ) и простого кредитнаго обращенія (ин-

досаментовъ, открытаго кредита, операцій разсчетныхъ палатъ) по отношенію къ циркулирующей суммѣ денегъ. Весь процессъ можно было бы свести къ тому, что усилившаяся добыча золота возбуждаетъ общую хозяйственную активность и предпріимчивость, а это, въ свою очередь, расширяетъ дѣловой оборотъ, повышаетъ покупательную силу населенія и вызываетъ къ жизни новыя средства платежа, которыя, со своей стороны, дѣйствуютъ какъ новое золото. Все это естественно дѣйствуетъ въ смыслѣ общаго повышенія цѣнъ, причемъ, однако, для размѣровъ даннаго повышенія невозможно установить опредѣленныхъ границъ.

Высказанное положеніе находитъ извѣстное подтвержденіе въ статистикѣ современнаго движенія цѣнъ, которая, хотя и устанавливаетъ извѣстный параллелизмъ между добычею золота и уровнемъ цѣнъ, но въ то же время и исключаетъ всякую возможность математической формулировки этой зависимости.

Первое значительное увеличеніе количества золота, отмѣченное въ послѣднемъ столѣтіи, происходило съ 1840 года до начала 50-хъ годовъ, когда добыча его повысилась съ 80-ти (1830—40 г.) на 695 милліоновъ франковъ (1856—60 г.) въ годъ. Одновременно съ этимъ исчисляемая лондонскимъ Economist'омъ средняя оптовыхъ цѣнъ поднялась для 22-хъ важнѣйшихъ товаровъ съ 2200 (1846—60 г.) на приблизительно 3500 (1865 и 1866 г.г.). Затѣмъ добыча золота оставалась приблизительно до 1870 года неизмѣненной, а къ началу 80-хъ годовъ упала почти на 500 милл. Соотвѣтственно этому, и среднія оптовыхъ цѣнъ „Economist'a“ упали съ 3564 (1866 г.) и 2947 (1873 г.) до 2000 (1894—99 г.г.). Въ началѣ 90-хъ годовъ начинается небывалое увеличеніе добычи золота, которое въ 1906 году превысило два милліарда франк., а въ 1909 году достигло 2373 милліардовъ фр. Спустя пять или шесть лѣтъ, дѣйствительно, начинается нынѣшній періодъ вздорожанія цѣнъ, которому предшествовало ихъ паденіе въ продолженіе больше, чѣмъ двухъ, а въ Англіи въ продолженіе трехъ десятковъ лѣтъ.

Это характерное колебаніе лондонскихъ рыночныхъ цѣнъ, а еще больше и фактъ совпаденія періодовъ повышенія и пониженія цѣнъ во всѣхъ культурныхъ странахъ, указываютъ на то, что общая для всѣхъ причина вытекаетъ изъ добычи золота, тогда какъ всѣ побочныя вліянія политическаго характера должны были бы проявляться въ различныхъ странахъ въ различное время и съ различною силой. Для многихъ этотъ интернаціональный характеръ современныхъ движеній цѣнъ служитъ доказательствомъ того, что въ основѣ его лежатъ преимущественно интернаціональныя причины (т. е., главнымъ образомъ, добыча золота). Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что вслѣдствіе извѣстныхъ факторовъ, вздорожаніе жизни, если оно даже и вытекаетъ изъ мѣстныхъ причинъ, не можетъ долго оставаться локализованнымъ.

Однако, общая промышленная дѣятельность въ теченіе двадцати лѣтъ расширилась и притомъ главнымъ образомъ въ Европѣ въ такой степени, что она оставляетъ далеко позади себя и увеличеніе количества циркулирующихъ денегъ. Новое золото, дѣйствительно, лишь въ самой незначительной части своей, прямо или косвенно, обратилось въ пользу денежнаго обращенія. Бо́льшая часть ушла въ промышленность, была обращена въ сокровища или употреблена въ качествѣ фонда для введенія золотой валюты въ различныхъ государствахъ, не вызвавъ такимъ образомъ значительнаго увеличенія оборотныхъ средствъ или ускоренія ихъ обращенія. Въ противоположность этому, добыча желѣза, угля и мѣди, желѣзнодорожное и пароходное сообщенія, внѣшняя и внутренняя торговля въ промышленныхъ странахъ такъ сильно расширились, что, согласно Фишеровской формулѣ, явленія эти, не смотря на увеличеніе количества золота,

должны были бы повлечь за собою скорое паденіе цѣнъ. На самомъ дѣлѣ, эти явленія позволяютъ предполагать, что общій хозяйственный оборотъ испыталъ за этотъ періодъ гораздо бо́льшее увеличеніе, чѣмъ увеличилось количество денегъ и возросла скорость ихъ обращенія.

Къ тому же, вся новѣйшая экономическая исторія показываетъ, повидимому, что расширеніе хозяйственныхъ оборотовъ, увеличеніе количества всякаго рода мѣновыхъ актовъ, не только не ведетъ,—при равномъ количествѣ денегъ,—къ пониженію уровня цѣнъ, но, напротивъ, даже повышаетъ ихъ. Можно какъ угодно объяснять это загадочное явленіе, но мѣста повышенной активности, лихорадочнаго обмѣна и ускоренной циркуляціи благъ являются всегда очагами повышенныхъ цѣнъ на товары и трудъ, изъ которыхъ лучеобразно распространяется вздорожаніе жизни. Расширеніе торговли, не только не увеличиваетъ покупательную силу денегъ путемъ повышенія спроса на платежныя средства, но оно, повидимому, автоматически создаетъ нужныя ему средства платежа, соотвѣтственно увеличивая скоростъ обращенія имѣющихся въ наличности денегъ, или замѣняя ихъ денежными суррогатами и кредитнымъ обращеніемъ. Предложеніе средствъ платежа, которому количественная теорія отводитъ такую важную роль, въ дѣйствительности обнаруживаетъ такую высокую степень естественной эластичности, что данное количество денегъ можетъ удовлетворять различнымъ по объему хозяйственнымъ оборотамъ. Если количество денегъ слишкомъ велико для нуждъ даннаго хозяйственнаго оборота, то деньги въ 9-ти случаяхъ изъ 10-ти просто сократятъ скорость своего обращенія, будутъ больше оставаться въ банковыхъ кассахъ и въ рукахъ частныхъ лицъ, выведутъ изъ употребленія нѣкоторые денежные суррогаты, но не уменьшатъ своей покупательной силы. Покупательная сила денегъ въ конечномъ счетѣ зависитъ отъ соотношенія между спросомъ

и предложеніемъ. Но изъ обоихъ этихъ факторовъ—общаго предложенія денегъ и спроса на средства платежа—первая величина является наиболѣе эластичной и почти безгранично приспособляется къ послѣдней. Во всякомъ случаѣ, измѣненія въ предложеніи и спросѣ на деньги предоставляютъ обширное поле для дѣйствія всевозможныхъ побочныхъ причинъ, оказывающихъ вліяніе на образованіе цѣнъ, но эти вліянія непосредственно обнаруживаются лишь въ условіяхъ исключительнаго напряженія спроса или исключительнаго избытка денегъ.

Наиболѣе важная ошибка количественной теоріи заключается, очевидно, въ томъ, что она сводитъ колебанія общаго уровня цѣнъ исключительно къ предложенію и спросу на деньги и изъ-за этого совершенно упускаетъ изъ вида общее предложеніе и общій спросъ на товары. Колебаніе цѣнъ, охватывающее всѣ товары, можетъ, согласно этой теоріи, выражать свойство, заключенное только въ мѣрилѣ цѣнности, въ золотѣ, а именно, его покупательную способность, и должно быть независимымъ отъ колебаній цѣнъ на отдѣльные товары.

Это, однако, было бы вѣрно лишь въ томъ случаѣ, если бы было вѣрно предположеніе, что спросъ на товары вообще является чѣмъ-то неподвижнымъ, что увеличеніе спроса на одни предметы необходимо должно уравновѣшиваться ослабленіемъ спроса на другіе предметы, и наоборотъ. Но вѣрность этого предположенія совершенно не доказана. Опытъ показываетъ, что общій уровень цѣнъ подымается, какъ только подымаются цѣны на нѣкоторые важнѣйшіе товары, какъ напр., на желѣзо, уголь, мѣдь, керосинъ, хлопокъ, хлѣбъ и мясо. И это повышеніе, съ своей стороны, зависитъ не столько отъ избытка средствъ платежа, сколько отъ повышеннаго спроса на эти главные товары. Если мы въ точности знаемъ, что спросъ на желѣзо, уголь, нефть и т. д. опередитъ въ будущемъ году предложеніе ихъ, то мы, вмѣстѣ

съ тѣмъ, знаемъ уже также и то, что подымется общій уровень цѣнъ, ибо цѣны на эти главные товары, какъ извѣстно, влекутъ за собою повышеніе цѣнъ на остальные товары. Различные финансовые ежегодники, какъ напр., лондонскій „Business prospects Yaerbook“ уже въ теченіе многихъ лѣтъ съ достаточной точностью предсказываютъ вѣроятное движеніе цѣнъ,—не упоминая ни единымъ словомъ о „покупательной силѣ золота“ и о добычѣ золота. Они просто ставятъ прогнозъ спросу и предложенію важнѣйшихъ предметовъ сырья и выводятъ изъ этого свои вѣроятныя цѣны. Если спросъ въ теченіе болѣе или менѣе долгаго времени опережаетъ предложеніе,—какъ это было въ послѣдніе годы,—то и всеобщій уровень цѣнъ долженъ подыматься.

Замѣчательно, что между цѣнами на всѣ эти главнѣйшіе товары существуетъ извѣстная связь. Въ большинствѣ случаевъ всѣ онѣ опускаются или подымаются въ одно время. Если подымается спросъ на желѣзо, то подымается также и спросъ на уголь, керосинъ, мѣдь, каучукъ и т. д. Это значитъ, что спросъ на одинъ товаръ не уравновѣшивается спросомъ на другой товаръ, но что общій спросъ на товары подлежитъ такимъ же колебаніямъ, какъ и спросъ на какой-нибудь отдѣльный предметъ сырья. Предположеніе, что общій спросъ на товары и общее предложеніе товаровъ всегда уравновѣшиваютъ другъ друга, оказывается совершенно несостоятельнымъ. Можетъ быть, оно и было вѣрно въ то время, когда почти всѣ циркулирующіе на рынкѣ товары были товарами непосредственнаго потребленія, и хозяйственныя конъюнктуры оставались ограниченными небольшими промышленными областями. Спросъ на товары потребленія зависѣлъ тогда почти исключительно отъ дохода націи. Если увеличивалось потребленіе одного товара, то уменьшалось потребленіе другого, и наоборотъ. Поэтому во времена Монтескьё колебанія спроса и предложенія, дѣйствительно, не играли особенной роли, и для времени Монтескьё теорія, объясняющая цѣны изъ спроса и предложенія золота, оказывалась вѣрной.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ тѣхъ поръ, какъ большинство товаровъ, входящихъ въ обмѣнъ, превратилось въ средства производства и въ средства средствъ производства. Спросъ на средства производства не находится въ неподвижномъ отношеніи къ доходу націи. Онъ можетъ, — какъ показываютъ моменты промышленнаго подъема—въ теченіе десятилѣтій опережать предложеніе, а потомъ внезапно снова начинаетъ отъ него отставать. Каждое такое усиленіе спроса надъ предложеніемъ повышаетъ общій уровень цѣнъ, каждая же задержка спроса понижаетъ его. Средняя всѣхъ цѣнъ—поскольку она поддается безошибочному исчисленію—зависитъ не только отъ покупательной силы денегъ, выраженной въ товарахъ, но также и отъ нашей оцѣнки этихъ товаровъ. Эта средняя находится подъ равнымъ вліяніемъ четырехъ разныхъ величинъ: спроса на деньги, предложенія денегъ, спроса на товары, предложенія товаровъ.

Изъ этихъ четырехъ факторовъ количественная теорія оставляла въ полнѣйшемъ пренебреженіи два послѣднихъ, тогда какъ, наоборотъ, противники ея въ большинствѣ случаевъ только съ ними и считались. Фишеровское „уравненіе обращенія“ ограничивается въ дѣйствительности тѣмъ, что оно выражаетъ общее предложеніе денегъ (количество денегъ и скорость ихъ обращенія) и общій спросъ на деньги—потребность въ средствахъ платежа, отождествляемую съ хозяйственнымъ оборотомъ. Раздѣлите предложеніе денегъ на спросъ на деньги—такъ учитъ эта теорія—и вы получите общій уровень цѣнъ. Здѣсь заключается несомнѣнно явная односторонность, которую мы, однако, просто можемъ устранить тѣмъ, что мы дополнимъ ее еще одной дробью. Общій уровень цѣнъ опредѣляется не только отноше-

ніемъ между спросомъ на деньги и предложеніемъ денегъ но также и отношеніемъ между спросомъ на товары и ихъ предложеніемъ.

Всѣ попытки объяснить вздорожаніе жизни, которыя дѣлались до сихъ поръ, легко могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: 1) на попытки сторонниковъ количественной теоріи, которые говорятъ о количествѣ золота и серебра, о денежныхъ суррогатахъ и скорости обращенія денегъ, или же о потребности въ деньгахъ и т. д., и 2) на попытки противниковъ этой теоріи, которые напираютъ на увеличившійся спросъ на отдѣльныя группы благъ, какъ, напр., мясо, хлѣбъ, уголь, желѣзо, мѣдь, хлопокъ и т. д.

Однако, обѣ эти попытки, къ сожалѣнію, оказываются научно несостоятельными. Ибо, вообще говоря, дѣйствіе элементовъ денежнаго обращенія ускользаетъ отъ всякаго точнаго измѣренія и контроля и оставляетъ насъ въ полнѣйшей неизвѣстности на счетъ *характера* его вліянія на уровень цѣнъ. Другой методъ объясненія явленія дороговизны,—объясненіе ссылкой на растущія потребности, увеличеніе народонаселенія, ростъ городовъ и вытекающаго отсюда болѣе интенсивнаго спроса на отдѣльные товары,—заключаетъ въ себѣ ту ошибку, что оно, хотя и дѣлаетъ понятнымъ возрастаніе цѣнъ на отдѣльные товары сравнительно съ остальными (напр. продуктовъ сельскаго хозяйства и предметовъ сырья по сравненію съ фабрикатами), но ничего не говоритъ о повышеніи *общаго* уровня цѣнъ. Все это совершенно не можетъ устоять передъ возраженіемъ Фишера, что измѣненія, происходящія въ мѣновыхъ соотношеніяхъ между отдѣльными товарами, еще ничего не означаютъ для объясненія общей покупательной силы денегъ.

Такъ, увеличеніемъ населенія, урбанизаціей и индустріализаціей, усовершенствованіемъ путей сообщенія мы можемъ, конечно, объяснить *происхожденіе* новыхъ потребностей, но для насъ остается непонятнымъ, какимъ образомъ населеніе можетъ удовлетворять эти потребности, не сокращая другихъ своихъ расходовъ, не уравновѣшивая повышенный спросъ на одинъ товаръ соотвѣтственнымъ сокращеніемъ спроса на остальные. Если бы это было, дѣйствительно, такъ, то образованіе капиталовъ необходимо должно было бы сокращаться за счетъ возрастанія расходовъ на потребленіе. Однако, всѣ данныя говорятъ за то, что духъ бережливости и накопленіе капиталовъ находятся во всѣхъ классахъ населенія въ процессѣ постояннаго роста.

Итакъ, средства передвиженія, увеличеніе населенія, индустріализація и ростъ благосостоянія, хотя и дѣлаютъ для насъ понятнымъ повышеніе спроса на извѣстныя группы товаровъ и возрастаніе ихъ цѣнъ, однако, мы все же остаемся въ полнѣйшемъ невѣдѣніи относительно общаго движенія цѣнъ.

И, тѣмъ не менѣе, представляется возможнымъ примирить оба эти метода объясненія и, въ частности, прослѣдить, какъ вліяютъ цѣны отдѣльныхъ предметовъ и спросъ на нихъ на среднюю всѣхъ цѣнъ. Мы должны для этого отвѣтить только на одинъ очень важный принципіальный вопросъ,—вопросъ, который прежніе теоретики цѣнъ, къ сожалѣнію, систематически игнорировали: тотъ спросъ, который въ теченіе 16-ли лѣтъ опережаетъ предложеніе, является ли онъ спросомъ на отдѣльные товары или спросомъ на товары вообще? Какъ это ни невѣроятно, но ни въ одной изъ теорій вздорожанія, существовавшихъ до сихъ поръ, мы не находимъ никакого указанія на этотъ весьма важный для нашей проблемы пунктъ. Всѣ авторы послѣдовательно оперируютъ спросомъ и предложеніемъ средствъ платежей, а потомъ удѣляютъ свое вниманіе спросу на нѣкоторые отдѣльные товары,—точно спросъ на отдѣльные товары поддается неограниченному увеличенію безъ соотвѣтствующаго сокращенія спроса на остальныя блага! Даже такой близ-

лежащій вопросъ, какъ вопросъ о томъ, можетъ ли повышеніе цѣнъ на отдѣльныя блага измѣнять общую покупательную силу денегъ, до сихъ поръ еще ни разу не ставился, а ужъ тѣмъ болѣе не разрѣшался.

А между тѣмъ здѣсь, собственно, и кроется центральный пунктъ всего вопроса о вздорожаніи. Всѣ предположенія о вліяніи добычи золота, о кредитномъ обращеніи, объ увеличеніи потребностей и т. д. остаются безполезными, пока мы не выяснили себѣ, находится ли спросъ на товары вообще въ неподвижномъ отношеніи къ ихъ предложенію, или же нѣтъ. Если это такъ, если общій спросъ на товары и общее предложеніе товаровъ взаимно уравновѣшиваютъ другъ друга, то появленіе новыхъ потребностей, усиленіе спроса на отдѣльные товары естественно не могутъ оказывать вліяніе на общій уровень спроса на товары, и величины фишеровскаго уравненія являются единственными опредѣлителями покупательной силы.

Совсѣмъ другое дѣло, если мы разсматриваемъ отношеніе общаго спроса на товары къ общему ихъ предложенію, какъ нѣчто измѣнчивое: тогда обѣ эти, игнорируемыя количественной теоріей, величины выступаютъ, какъ равнозначущіе опредѣлители покупательной силы денегъ, рядомъ со спросомъ и предложеніемъ платежныхъ средствъ.

Денежная цѣна всѣхъ товаровъ, какъ отношеніе между цѣнностью денегъ и цѣнностью этихъ товаровъ, дѣйствительно, не можетъ зависѣть только отъ спроса и предложенія денегъ. Она должна опредѣляться четырьмя величинами: предложеніемъ денегъ и спросомъ денегъ, предложеніемъ товаровъ и спросомъ товаровъ. Это такъ ясно, что, право, не требуетъ никакихъ доказательствъ. Единственный вопросъ это тотъ, всегда ли уравновѣшиваютъ другъ друга общій спросъ на товары и общее предложеніе товаровъ, или же они находятся въ измѣнчивомъ соотношеніи.

Намъ будетъ легче разобраться въ этомъ вопросѣ, если мы заранѣе установимъ различіе между двумя основными категоріями товаровъ: между товарами потребленія и товарами производства, а среди этихъ послѣднихъ между единовременными крупными затратами (машины, постоянныя сооруженія и т. д.) и текущими, повторяющимися расходами.

Что касается товаровъ потребленія, то мы можемъ, повидимому, безъ особенно большой погрѣшности разсматривать для нихъ соотношеніе между спросомъ и предложеніемъ, какъ нѣчто постоянное. Спросъ на нихъ существенно обусловливается наличнымъ доходомъ населенія; если у кого-либо усилилось потребленіе одного товара, то онъ долженъ, вмѣсто этого, сократить потребленіе другихъ товаровъ, и развѣ только періодическія колебанія духа бережливости и накопленія капиталовъ могутъ вызвать здѣсь нѣкоторое нарушеніе равновѣсія.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло со средствами производства и средствами средствъ производства! Спросъ на нихъ зависитъ не столько отъ дохода населенія, сколько отъ духа предпріимчивости, отъ коммерческой и промышленной устойчивости, отъ конъюнктуры. Раньше всего это относится къ тѣмъ средствамъ производства, которыя требуются при учрежденіи предпріятій: какъ, напр., постоянныя сооруженія, машины, запасы сырья, рельсы для желѣзныхъ дорогъ и т. д.,—словомъ къ основному капиталу въ противоположности къ оборотному капиталу.

Спросъ на нихъ будетъ далеко опережать потребленіе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда промышленныя эмиссіи и учредительская дѣятельность будутъ переходить обычный средній уровень. Каждое новое предпріятіе раньше, чѣмъ производить, выступаетъ въ качествѣ потребителя, сильно увеличиваетъ спросъ и этимъ автоматически повышаетъ цѣны на соотвѣтствующія средства

производства. Но, такъ какъ при этомъ спросъ на предметы потребленія не пріостанавливается, то въ такіе періоды общій спросъ на товары долженъ нѣкоторое время идти впереди предложенія и повышать общій уровень цѣнъ.

Такимъ образомъ, наше изслѣдованіе оказывается вдругъ на совершенно новой плоскости: на почвѣ теоріи кризисовъ. Объясненіе всеобщихъ колебаній цѣнъ, и, въ частности, вопросъ о томъ, какое вниманіе мы должны удѣлять при этомъ факторамъ, относящимся къ сферѣ денежнаго обращенія, существенно зависитъ отъ того, какъ мы объясняемъ колебанія общихъ кризисовъ производства, особенно же отъ того, какъ мы относимся къ вопросу о всеобщемъ перепроизводствѣ.

Разумѣется, мы не можемъ здѣсь подробно останавливаться на этой наиболѣе спорной экономической проблемѣ. Мы должны удовлетвориться тѣмъ, чтобы обрисовать вкратцѣ нашу собственную точку зрѣнія и показать, какіе выводы вытекаютъ изъ нея для нашей проблемы.

Въ настоящее время должно было бы быть общеизвѣстнымъ, что то, что мы во времена кризисовъ называемъ задержкою спроса и что вызываетъ паденіе цѣнъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общій застой въ дѣлахъ,—вызывается не недостаткомъ спроса, а недостаткомъ платежной силы покупателей, недостаткомъ текучихъ легко реализуемыхъ платежныхъ средствъ, орудій кредита т. е. въ сущности не „перепроизводствомъ“, а неосмотрительнымъ закрѣпленіемъ текучихъ денежныхъ средствъ, превращеніемъ циркулирующаго капитала въ неподвижный.

Это именно и является причиной ускореннаго общаго спроса на товаръ! Онъ долженъ повышаться, покуда, вслѣдствіе чрезмѣрной учредительской дѣятельности, потребляется или, лучше сказать, помѣщается больше капиталовъ, чѣмъ это необходимо при наличіи дѣйствующихъ въ данное время предпріятій.

Характернымъ моментомъ высокой коньюнктуры явля-

ется не расширенное производство, не чрезмѣрное предложеніе товаровъ, а усиленный спросъ и усиленное ихъ потребленіе новыми промышленными предпріятіями. Какъ только эти предпріятія выходятъ изъ періода основанія и достигаютъ своей полной производительности,—спросъ начинаетъ сокращаться, цѣны падаютъ, и начинается кризисъ. Правда, потомъ начинаетъ казаться, что было слишкомъ много произведено; въ дѣйствительности же, раньше слишкомъ много потреблялось, и это создало въ производителяхъ иллюзію слишкомъ высокаго постояннаго спроса на товары и ограничило ихъ покупательную силу.

Законъ, что спросъ повышаетъ цѣны, а предложеніе понижаетъ ихъ, не испытываетъ исключенія и во время кризисовъ. Цѣны, дѣйствительно, подымаются до тѣхъ поръ, пока общій спросъ на блага еще находится впереди производства. Какъ только, вслѣдствіе ослабленія предпринимательской дѣятельности, производство начинаетъ обгонять спросъ,—наступаетъ кризисъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что объясненіе общихъ колебаній цѣнъ, въ сущности, заключается уже въ современной теоріи кризисовъ—главная причина здѣсь та же, что и для большинства кризисовъ, а именно: нарушеніе равновѣсія между общимъ спросомъ на товары и общимъ предложеніемъ товаровъ.

Въ то время, когда Монтескьё формулировалъ классическую количественную теорію, общій спросъ на товары могъ, въ виду неразвитости производства средствъ производства, довольно строго сохранять равновѣсіе съ предложеніемъ, такъ что, для объясненія тогдашнихъ колебаній покупательной силы денегъ, вполнѣ достаточно было указать на вліянія количества денегъ, скорости ихъ обращенія и количества товаровъ. Совершенно иначе обстоитъ дѣло теперь, когда рынкомъ все больше овладѣваютъ средства производства и средства средствъ про-

изводства. Чѣмъ больше эти послѣднія количественно перевѣшиваютъ потребленіе; чѣмъ больше, далѣе, постоянныя сооруженія и единовременныя пріобрѣтенія въ каждомъ предпріятіи отодвигаютъ на задній планъ текущіе расходы,—тѣмъ рѣзче становится также и общій спросъ на товаръ, тѣмъ больше начинаетъ онъ зависѣть не отъ дохода, а отъ предпріимчивости населенія.

Объясненіе колебаній цѣнъ будетъ, далѣе, разное въ зависимости отъ того, имѣются ли въ виду очень длинные или очень короткіе періоды. Для очень длительныхъ — превышающихъ десятилѣтія — колебаній покупательной силы денегъ мы можемъ считать отношеніе общаго спроса къ общему предложенію товаровъ приблизительно постояннымъ, и для нихъ вступаетъ въ силу фишеровское уравненіе. Но, чѣмъ короче разсматриваемый промежутокъ времени, тѣмъ больше вліяніе колебанія между спросомъ и предложеніемъ благъ должно перевѣшивать вліянія колебаній, исходящихъ изъ сферы денежнаго обращенія.

Если, такимъ образомъ, общій спросъ на товары признается главнымъ факторомъ, опредѣляющимъ уровень цѣнъ, то возникаетъ вопросъ, при какихъ условіяхъ онъ опережаетъ одновременное общее предложеніе товаровъ,—или, наоборотъ, когда онъ остается позади него, и на какой промежутокъ времени должно распространяться каждое изъ этихъ колебаній. Для этого, дѣйствительно, имѣется въ существующей литературѣ вздорожанія жизни гораздо больше объясненій, чѣмъ можно было бы на первый взглядъ ожидать: всѣ предположенія, которыя до сихъ поръ высказывались о причинахъ повышенія цѣнъ — увеличеніе народонаселенія, ростъ благосостоянія, ростъ новыхъ потребностей, индустріализація и ростъ новыхъ городовъ, — было въ сущности— хотя въ большинствѣ случаевъ и безсознательно—указаніемъ на возростаніе общаго спроса на товары. Къ сожалѣнію, однако, всѣмъ этимъ предположеніямъ присущъ тотъ крупный принципіальный недостатокъ, что они разсматриваютъ этотъ спросъ на товаръ самъ по себѣ и забываютъ противопоставить ему одновременное предложеніе товаровъ. Ибо важно именно только это соотношеніе между тѣмъ и другимъ. Опредѣленіе уровня цѣнъ однимъ только спросомъ, —или, какъ говорятъ обыкновенно, „потребностями“, и „ростомъ потребностей“, такъ же ошибочно, какъ и объясненіе движенія цѣнъ количествомъ денегъ въ обращеніи безъ одновременнаго разсмотрѣнія размѣровъ хозяйственнаго оборота.

Ближе всего подходитъ къ нашему тезису объясненіе Лексиса. „Всеобщее движеніе цѣнъ исходитъ не изъ денегъ, а изъ самихъ товаровъ. До середины 70-хъ годовъ производство, снабженное современными вспомогательными средствами, отставало еще отъ спроса, въ частности, также и потому, что сооруженіе новыхъ желѣзныхъ дорогъ и новыхъ машинъ требовали постоянно растущей затраты рабочихъ силъ и капитала. Естественное слѣдствіе этой непомѣрно возросшей производительности современныхъ средствъ производства и сообщенія, паденіе цѣнъ на издѣлія... не могло еще тогда проявиться. Но потомъ промышленное оборудованіе культурнаго міра достигло извѣстнаго завершенія, и одновременно съ этимъ выступила во всей своей силѣ конкуренція сѣверо-американскаго, южно-американскаго и индійскаго хлѣба“.

Поэтому возраженіе Шпанна (Zeitschrift für Volkswirtschaft, Socialpolitik u. Verwaltung, Heft 2—3, 1913), что производительность промышленности въ періодъ паденія цѣнъ отъ 1873 до 1895 г. не была сильнѣе, чѣмъ въ послѣдующій затѣмъ періодъ вздорожанія, не представляетъ большого значенія. Дѣло не въ производительности вообще, не въ техническомъ оборудованіи промышленности, а въ отношеніи предложенія товаровъ къ одновременному спросу. Производительность мірового хозяй-

ства сама по себѣ можетъ быть въ настоящее время и выше, чѣмъ 20 лѣтъ тому назадъ, но она можетъ отставать отъ спроса, еще гораздо быстрѣе растущаго; она даже должна отставать отъ него, если принять въ соображеніе, что каждый періодъ хозяйственнаго подъема естественно увеличиваетъ въ первую очередь не производительность, а иниціативу къ производительности, т. е. основаніе и оборудованіе новыхъ предпріятій, а, слѣдовательно, создаетъ необходимыя условія для повышенія спроса на средства потребленія.

Каковы же, однако, причины того, что общій спросъ на товары опережаетъ производство? Кромѣ временнаго оживленія учредительской дѣятельности и вытекающаго отсюда чрезмѣрнаго спроса на средства производства,—роль которой во время конъюнктурныхъ цикловъ слѣдуетъ считать достаточно извѣстной,—обыкновенно указываютъ также и на увеличеніе народонаселенія и ростъ его благосостоянія, на возрастаніе новыхъ потребностей, на развитіе крупныхъ городовъ и средствъ сообщенія и на открытіе новыхъ рынковъ для экспорта, какъ на причины, вызывающія возрастаніе спроса надъ предложеніемъ.

Можно было бы сказать, что чрезмѣрное увеличеніе народонаселенія должно въ общемъ и цѣломъ дѣйствовать такъ же, какъ и чрезмѣрная учредительская дѣятельность. Какъ каждое новое промышленное сооруженіе, такъ—и въ еще большей степени—каждый отдѣльный человѣкъ въ теченіе 15—20 лѣтъ выступаетъ въ качествѣ потребителя раньше, чѣмъ онъ самъ начинаетъ что-нибудь производить. Спросъ на товары долженъ былъ бы, слѣдовательно, постольку опережать потребленіе, поскольку, съ одной стороны, возрастаніе народонаселенія переходитъ обычные размѣры, а, съ другой стороны, удлиняется непроизводительное, подготовительное время каждаго отдѣльнаго человѣка. Не только избытокъ рожденій

надъ смертными случаями долженъ былъ бы, слѣдовательно, усилить всеобщій спросъ на товары, но также и бо́льшія затраты денегъ и времени на воспитаніе юношества и профессіональное образованіе.

Изъ этого слѣдовало бы вычесть все то, въ чемъ должны отказывать себѣ родители или воспитатели, чтобы въ состояніи нести эти затраты,—точно такъ же, какъ мы должны вычесть изъ увеличенія спроса, вызваннаго учрежденіемъ новыхъ промышленныхъ предпріятій, все то, что учредители урываютъ, такъ сказать, у себя изо рта.

Еще гораздо болѣе заманчивымъ для многихъ представляется третій изъ названныхъ аргументовъ, которые приводятся для объясненія возростающаго спроса на товары: возникновеніе новыхъ потребностей вслѣдствіе роста крупныхъ городовъ, развитія средствъ сообщенія и увеличенія благосостоянія. Однако, не требуется долгихъ размышленій, чтобы понять, что потребности эти только тогда могутъ проявить свое дѣйствіе, если они могутъ быть оплачены, если имъ соотвѣтствуетъ ростъ покупательной силы населенія. Увеличеніе потребностей, слѣдовательно, не доказываетъ ничего, кромѣ того, что уже содержится въ аргументѣ растущаго благосостоянія. Не то, чего хочетъ человѣкъ, а то, за что онъ въ состояніи заплатить, создаетъ повышенный спросъ на товары. Сами по себѣ потребности только тогда могли бы вызвать вздорожаніе товаровъ, если бы онѣ заставляли насъ затрачивать сравнительно большую часть нашего дохода и капитала на цѣли потребленія, но и это только на первый взглядъ, ибо въ дѣйствительности общій спросъ на товары обуславливается не только потребленіемъ, но и накопленнымъ доходомъ, т. е. капиталомъ. Вся разница лишь въ томъ, что часть доходовъ мы тратимъ сами, а часть ихъ—въ формѣ сбереженій—тратятъ другіе, и притомъ на средства производства. Разумѣется, для общаго спроса на товары и то и другое важно въ одинаковой мѣрѣ.

Поэтому, никакъ нельзя себѣ представить, какимъ образомъ ростъ нашихъ потребностей могъ бы самъ собою вызвать повышеніе цѣнъ. Онъ можетъ, правда, поднять спросъ на отдѣльные предметы потребленія, но спросъ на всѣ предметы потребленія встрѣчаетъ непреложный предѣлъ въ нашемъ доходѣ. Только въ одномъ случаѣ можно было бы ожидать расширенія спроса на блага вообще,--это тогда, когда мы могли бы удовлетворить свои растущія потребности при помощи кредита. Только тогда мы могли бы въ нѣкоторомъ смыслѣ перейти за предѣлъ нашего дохода и капитала, оплачивая наши теперешнія потребности своимъ будущимъ доходомъ.

Этотъ вопросъ о возрастаніи общаго спроса на блага при посредствѣ кредита самъ по себѣ настолько важенъ, что мы въ дальнѣйшемъ будемъ разсматривать его особо. Однако, онъ ничего общаго не имѣетъ съ уровнемъ наличныхъ потребностей, такъ какъ расширеніе нашей покупательной силы лишь въ очень немногихъ случаяхъ происходитъ путемъ потребительнаго кредита, неизмѣримо болѣе важный производительный кредитъ зависитъ совсѣмъ отъ другихъ предпосылокъ, чѣмъ высота нашихъ „потребностей“.

Совершенно другой вопросъ, конечно, тотъ, можетъ ли увеличеніе, или же, вѣрнѣе, усложненіе нашихъ потребностей привести къ кажущемуся вздорожанію, въ частности—къ вздорожанію средствъ потребленія. Какъ извѣстно, каждый отдѣльный предметъ долженъ тѣмъ дороже обходиться въ розничной продажѣ, чѣмъ бо̀льшій требуется для него ассортиментъ. Если поэтому, съ ростомъ благосостоянія, съ усовершенствованіемъ путей сообщенія и образованіемъ крупныхъ городовъ, наши потребности дифференцируются, то является естественнымъ, что цѣна многихъ, сбываемыхъ въ небольшихъ количествахъ предметовъ, вслѣдствіе требованія большаго ассортимента, теперь должна быть въ розничной продажѣ выше,

чѣмъ въ предыдущее время. Въ быстро развивающихся крупныхъ городахъ и промышленныхъ центрахъ этотъ эффектъ, можетъ быть, и парализуется въ большей своей части успѣхами развитія и организаціи торговли. Тѣмъ не менѣе, мы имѣемъ здѣсь вполнѣ понятное объясненіе того увеличенія разницы между оптовыми и розничными цѣнами, которое замѣчается уже во многихъ мѣстахъ.

Но каковы бы ни были причины чрезмѣрнаго спроса на блага, ясно, что онѣ могутъ проявиться только при помощи кредита. Если бы для удовлетворенія нашихъ увеличившихся потребностей, для нашихъ новыхъ дѣловыхъ предпріятій, для воспитанія необычайно многочисленнаго потомства, мы должны были бы черпать средства только въ нашемъ собственномъ доходѣ, то съ самаго начала ясно, что спросъ на блага вообще никогда не смогъ бы обогнать предложеніе. Ибо всякій доходъ—вытекаетъ ли онъ изъ труда или изъ капитала—есть одновременно также и хозяйственное предложеніе блага и представляетъ собою продажу какого-нибудь предмета или какого-нибудь труда. То, что одинъ продаетъ, другой долженъ покупать. Всеобщій спросъ на блага и всеобщее предложеніе благъ должны всегда уравновѣшивать другъ друга, поскольку мы остаемся въ сферѣ чисто денежнаго или натуральнаго хозяйства.

Совсѣмъ другое дѣло, когда мы вступаемъ въ эпоху кредитнаго хозяйства, когда для удовлетворенія нашихъ потребностей и для основанія новыхъ предпріятій, въ нашемъ распоряженіи оказываются не только нашъ реализованный доходъ и капиталъ, но нашъ будущій доходъ, наши еще непроданные продукты. Каждый, кто даетъ учитывать свои будущія поступленія, выступаетъ съ полученной такимъ образомъ суммой какъ покупатель, а не какъ продавецъ. Всякое предвосхищеніе будущаго дохода, начиная съ не вполнѣ покрытой банкноты и кончая варрантомъ, чекомъ и векселемъ, обозначаетъ

поэтому спросъ безъ одновременнаго предложенія, указываетъ на то, что всеобщій спросъ на блага опередилъ предложеніе.

Изъ какихъ потребностей вытекаетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ это явленіе, безразлично. Важно то, что мы не можемъ оплачивать ни одной изъ нашихъ потребностей иначе, какъ или изъ средствъ нашего дохода, или изъ тѣхъ средствъ, которыя мы получаемъ въ кредитъ. Кредитъ же есть указаніе на будущій доходъ, на блага, которыя еще не фигурируютъ во „всеобщемъ предложеніи благъ“.

Изъ этого слѣдуетъ, что кредитъ можетъ служить точнымъ масштабомъ того, насколько всеобщій спросъ на товары опережаетъ предложеніе. Да въ большинствѣ случаевъ онъ и является нѣкоторымъ образомъ ничѣмъ инымъ, какъ опережающимъ предложеніе спросомъ. Если бы кредитъ всегда находился въ неподвижномъ отношеніи къ годовому доходу населенія, то такое превышеніе спроса надъ предложеніемъ было бы невозможно. Отношеніе между спросомъ и предложеніемъ должно вполнѣ точно соотвѣтствовать отношенію кредитнаго обращенія къ общему доходу производителей. Если во время высокой коньюнктуры кредитъ расширяется, то всеобщій спросъ на товары выростаетъ по отношенію къ спросу, наоборотъ, при низкой коньюнктурѣ онъ сжимается, и предложеніе товаровъ превышаетъ спросъ. Въ первомъ случаѣ цѣны повышаются, во второмъ падаютъ.

За доказательствами намъ не приходится далеко идти. Связь между расширеніемъ кредита и кризисами, между кризисами и цѣнами слишкомъ общеизвѣстна, чтобы требовалось для этого еще какое-нибудь доказательство по отношенію къ краткимъ, не превышающимъ 10-ти лѣтъ, коньюнктурнымъ цикламъ. Самъ Фишеръ пытался найти въ параллелизмѣ между высотою цѣнъ и кредитнымъ обращеніемъ наиболѣе вѣскій аргументъ для

своей теоріи. Ошибка его состоитъ въ томъ, что онъ ассимилируетъ вліяніе кредита въ денежномъ обращеніи, что онъ видитъ въ кредитѣ только средство обращенія, разжижжающее дѣйствіе денегъ, тогда какъ кредитъ, очевидно, въ первую очередь дѣйствуетъ не на предложеніе денегъ, а на общій спросъ на блага, который Фишеръ ошибочно предполагаетъ неизмѣннымъ. Не смотря на это, параллелизмъ между уровнемъ цѣнъ и важнѣйшими видами кредитнаго обращенія еще ярче, чѣмъ между уровнемъ цѣнъ и количествомъ денегъ (по даннымъ Фишера):

Количество денегъ:

Годы:	Въ обращеніи.	Всего.	Чеков. обращеніе.	Операціи Нью-Іоркскихъ разсчетныхъ палатъ.	Общій показатель цѣнъ.	Показатель цѣнъ сырыхъ товаровъ.
	Милліарды долларовъ.				Въ %.	
1896	0,87	(1,79)	97	28,9	60,3	84
1897	0,88	1,83	106	33,4	60,4	88
1898	0,96	1,94	127	42	63,2	94
1899	1,03	2,09	166	60,8	71,6	106
1900	1,17	2,25	165	52,6	76,5	**112**
1901	1,22	2,37	208	**79,4**	80,8	111
1902	1,26	2,45	**222**	76,3	**85,7**	**122**
1903	**1,38**	2,59	223	66	82,6	**123**
1904	1,37	2,68	233	68,6	82,6	120
1905	1,45	2,77	282	93,8	87,7	121
1906	1,59	2,97	**320**	**104,7**	**93,2**	126
1907	**1,63**	3,12	320	87,2	**93,2**	**133**
1908	1,63	**3,38**	300	79,3	90,3	125,5
1909	1,63	3,41	**364**	**103,6**	**100**	137
1910	1,64	?	**381**	?	**104**	140
1911	1,64	?	388	?	102,2	140

Сопоставленіе этихъ цифръ ясно показываетъ, что между уровнемъ цѣнъ и средствами кредитнаго обращенія (чеками и операціями расчетныхъ палатъ) существуетъ гораздо болѣе замѣтный параллелизмъ, чѣмъ между уровнемъ цѣнъ и количествомъ денегъ, и это, не смотря на то, что цифры о количествѣ денежнаго обращенія получены, благодаря тщательному изысканію нашего автора. Между чековымъ обращеніемъ и операціями разсчетныхъ палатъ въ С.-А.-С. Штатахъ существуетъ такой явный параллелизмъ, что Фишеръ счелъ даже возможнымъ опредѣлять размѣры чековаго обращенія на основаніи данныхъ объ операціяхъ разсчетныхъ палатъ.

Въ приведенной выше таблицѣ прежде всего бросается въ глаза, что кредитное обращеніе расширилось за разсматриваемый періодъ времени болѣе значительно, чѣмъ денежное обращеніе. Такимъ образомъ, обстоятельство это должно было весьма сильно вліять на уровень цѣнъ. Съ 1896 г. количество денегъ увеличилось, по подсчетамъ Фишера, меньше, чѣмъ вдвое, тогда какъ обращеніе чековъ и операціи разсчетныхъ палатъ увеличились въ 4 раза. Въ Европѣ эта противоположность выступила, вѣроятно, еще болѣе ярко, такъ какъ здѣсь количество денегъ, по общепризнанному мнѣнію, увеличилось въ обращеніи въ такой незначительной степени, что, въ виду колоссальнаго расширенія хозяйственныхъ оборотовъ, слѣдовало бы ожидать не повышенія, а паденія цѣнъ.

Особенно сильно замѣчается это въ теченіе пяти послѣднихъ лѣтъ, когда въ количествѣ обращающихся денегъ не произошло почти никакого измѣненія, а уровень цѣнъ поднялся на 8—10%.

Отдѣльныя данныя вышеприведенной таблицы еще убѣдительнѣе показываютъ намъ связь между кредитнымъ обращеніемъ и уровнемъ цѣнъ, равно какъ и отсутствіе непосредственной связи между цѣнами и количествомъ обращающихся денегъ. Операціи разсчетныхъ палатъ и чековое обращеніе достигаютъ относительно наивысшей своей точки въ годы 1901—1902, 1906 и 1909, тогда какъ уровень цѣнъ—въ 1902, 1906—1909 и 1909гг. Совершенно своеобразно состояніе количества денегъ во время этихъ періодовъ. Оно достигаетъ своей относительно, наивысшей точки въ 1903 и 1907 годы, т. е. не до, а послѣ годовъ наивысшаго уровня цѣнъ! Увеличеніе денегъ въ обращеніи является, стало быть, не какъ причина, а какъ слѣдствіе повышенія уровня товарныхъ цѣнъ! Но и этотъ, нѣсколько запоздалый параллелизмъ между денежнымъ обращеніемъ и уровнемъ товарныхъ цѣнъ большею частью исчезаетъ, когда мы замѣняемъ данныя Фишера оффиціальными цифрами, относящимися къ денежному и банкнотному обращенію въ С.-А.-С. Штатахъ (см. таблицу, 2-й столбецъ). Цифры эти за періодъ съ 1896 до 1908 гг. показываютъ довольно равномѣрный ростъ, а съ 1907 до 1908 гг. повышаются съ 3,12 до 3,38.

Для европейскихъ странъ провѣрка нашей теоріи особенно затрудняется тѣмъ, что здѣсь цѣны и кредитныя отношенія различныхъ странъ сильно вліяютъ другъ на друга, и у насъ не имѣется единой статистики, которая охватывала бы хозяйственную область, равную по своему пространству Соединеннымъ Штатамъ. Кромѣ того, въ континентальныхъ государствахъ чековое обращеніе, разсчетныя палаты далеко еще не пріобрѣли того значенія, какое они имѣютъ въ С.-А.-С. Штатахъ.

Тѣмъ не менѣе, и здѣсь цифры чековаго обращенія и операціи разсчетныхъ палатъ показываютъ бьющую въ глаза аналогію съ уровнемъ цѣнъ.

Вклады и текущіе счета въ англійскихъ банкахъ и операціи лондонской разсчетной палаты представлены въ слѣдующей таблицѣ:

Годы:	Вклады и текущіе счета (милл. фун. ст.): въ англійскомъ банкѣ:	въ акціонерныхъ банкахъ:	Операціи лондонской разсчетной палаты (милл. фун. ст.)
1839	—	—	954
1857	—	—	1.900
1868	—	—	3.425
1873	—	—	6.071
1878	—	—	4.992
1880	33,5	490—500	—
1883	—	—	5.929
1885	34	530—540	—
1888	—	—	6.912
1890	34	600—610	7.801
1895	37	650—670	7.593
1900	49	780—790	6.960
1905	53	790—800	12.288
1910	61	880—890	14.659
1911	56	920—930	14.614

Итакъ, до 1895 г. наблюдается явный застой и уже послѣ этого года, т. е. послѣ начала современнаго повышенія товарныхъ цѣнъ, происходитъ быстрое возрастаніе. Сумма операцій разсчетныхъ палатъ остается почти неизмѣненной, особенно въ періодъ между 1873 и 1894-мъ годами (6073 противъ 6332 мил.), а потомъ въ теченіе 15-ти лѣтъ увеличивается больше, чѣмъ вдвое.

То же мы наблюдаемъ и во Франціи, гдѣ операціи парижской разсчетной палаты развивались такимъ образомъ (съ 31 марта по 1-е апрѣля):

Годы.	милл. фр.
1872—73	1.600
1874—75	2.000
1880—81	4.081
1890—91	6.000
1894—95	6.144
1900—01	10.665
1905—06	17.855
1907—08	26.100
1910—11	34.000

Итакъ, въ періодъ паденія цѣнъ, т. е. въ 1881—1895 гг. операціи парижской разсчетной палаты испытали повышеніе лишь съ 4.000 до 6.000 милл. фр., а въ послѣдующіе затѣмъ 16 лѣтъ операціи эти возрасли съ 6.000 милл. фр. до 34.000 милл. фр. Одновременно съ этимъ доходъ съ чековыхъ сборовъ составлялъ (тыс. фр.):

Годы.	
1880	276
1885	317
1890	375
1895	493
1900	614
1905	817
1910	1.090

Приводить дальнѣйшія доказательства общеизвѣстнаго параллелизма между состояніемъ коммерческой дѣятельности и движеніемъ оптовыхъ цѣнъ нѣтъ особенной надобности. Какъ сторонники, такъ и противники фишеровской гипотезы куютъ изъ этого параллелизма стрѣлы для своихъ теорій; исходя изъ него, одни объясняютъ повышеніе товарныхъ цѣнъ увеличившеюся до-

бычею золота; другіе, напротивъ, въ этомъ параллелизмѣ видятъ доказательство того, что высокій уровень цѣнъ можетъ быть обусловленъ чрезвычайнымъ развитіемъ хозяйственной дѣятельности, независимо отъ роста добычи золота. Въ частности, ростъ кредитныхъ операцій въ Германіи, которая, какъ извѣстно, должна была въ 1870—1880 гг. форсировать свое промышленное развитіе, чтобы сравняться съ другими промышленными государствами, показалъ замѣтное повышеніе даже въ этотъ періодъ падающихъ цѣнъ. Для нашего тезиса это, однако, не имѣетъ большого значенія, ибо цѣны, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, выравниваются между отдѣльными странами, причемъ общее направленіе оптовыхъ цѣнъ исходитъ по вполнѣ понятнымъ причинамъ изъ лондонской биржи. Не смотря на это, и въ Германіи едва ли можно отрицать существованіе нѣкотораго параллелизма между движеніемъ цѣнъ, съ одной стороны, и развитіемъ кредита, движеніемъ государственныхъ займовъ и акціонернымъ учредительствомъ, съ другой. Такъ, напр., затраты на вексельный портфель составляли въ нѣмецкихъ банкахъ такія суммы (въ мил. марокъ):

Годы.	Въ имперскомъ рейхсбанкѣ.	Въ 6-ти крупныхъ берлинскихъ банкахъ.	Всего.
1875	444	80	524
1880	376	93	469
1885	434	223	657
1890	609	283	892
1898	837	492	1.329
1900	1.013	674	1.690
1904	966	902	1.868
1906	1.277	1.207	2.484

Количество вкладовъ во всѣхъ нѣмецкихъ частныхъ банкахъ выражалось:

Годы.	милл. мар.
1883	500
1897	1.082
1906	3.045

Очевидно, ростъ вкладной операціи съ 1883 г. по 1897 г. лишь удвоился, тогда какъ въ теченіе 9-ти лѣтъ, т. е. съ 1897 г. по 1906 г., вклады увеличились въ три раза. Параллелизмъ съ 1896 г., отмѣченнаго, какъ начало повышенія цѣнъ, устанавливается самъ собою.

Здѣсь мы должны установить строгое различіе между двумя рѣзко отличающимися другъ отъ друга функціями кредита, смѣшеніе которыхъ приводило въ другихъ случаяхъ—напр., въ теоріи кризисовъ—къ печальнымъ недоразумѣніямъ. То, что охватывается неяснымъ понятіемъ кредита, выражаетъ, во-первыхъ, перенесеніе покупательной силы съ одного лица на другое, а во-вторыхъ, растяженіе покупательной силы, расширеніе общей покупательной силы народа вслѣдствіе кредитированія частей будущаго имущества.

Когда банкъ производитъ выпуски банкнотъ, имѣющихъ покрытіе въ наличныхъ запасахъ золота или въ вкладахъ золотомъ, то этимъ онъ также мало увеличиваетъ общую покупательную силу населенія, какъ если бы онъ передавалъ однимъ сбереженія другихъ. Совершенно другое дѣло, если обращеніе банкнотъ превышаетъ наличные запасы, если банкъ учитываетъ вексель или открываетъ кредитъ безъ соотвѣтствующаго количества золота. Тогда онъ, дѣйствительно, создаетъ новую покупательную силу, новый спросъ на блага, которому не соотвѣтствуетъ одновременное предложеніе благъ.

Равнымъ образомъ, до нѣкоторой степени можетъ также увеличить всеобщій спросъ на блага въ населеніи и неэкстенсивный кредитъ простое усовершенствованіе передачи покупательной силы. Здѣсь уже рѣчь идетъ не о предвосхищеніи будущаго дохода, а о болѣе быстрой

реализаціи настоящаго и прошлаго дохода. Каждое усовершенствованіе кредита имѣетъ своимъ послѣдствіемъ ускореніе денежнаго обращенія и товарнаго оборота, которые ставятъ насъ въ возможность оставлять за собою меньшія части своего дохода, быстрѣе пускать его обратно въ оборотъ, превратить его въ спросъ на блага.

Вліяніе расширенія кредита на спросъ зависитъ отъ быстроты развитія общаго производства товаровъ, отъ темпа хозяйственнаго развитія вообще. Расширеніе всеобщей покупательной силы путемъ экстенсивнаго кредита возможно только потому, что будущій доходъ б о л ь ш е настоящаго, или поскольку самъ кредитъ доставляется въ повышающемся размѣрѣ. Если отношеніе его къ общему доходу останавливается, а доходъ сокращается, то кредитъ не увеличитъ общую покупательную силу, но, наоборотъ, сократитъ ее, такъ какъ учтенныя будущія части дохода не вполнѣ замѣнятъ уже затраченный настоящій доходъ.

Не входя здѣсь въ разсмотрѣніе психологическихъ факторовъ образованія цѣнъ, мы можемъ вкратцѣ резюмировать все вышесказанное въ слѣдующія положенія.

1) Извѣстный параллелизмъ между добычею золота и уровнемъ цѣнъ несомнѣнно существуетъ, но ничто не позволяетъ намъ строить заключеніе о простомъ причинномъ соотношеніи между обоими явленіями. Параллельно съ ростомъ добычи золота идетъ, — въ частности въ нашъ періодъ вздорожанія — совершенно аналогичный ростъ большинства другихъ отраслей производства, общей промышленной дѣятельности, благосостоянія и к р е д и т а, которые вотъ уже 16 лѣтъ, какъ испытываютъ глубокія и трудно измѣримыя измѣненія, такъ что вліяніе количества золота совершенно исчезаетъ въ сравненіи съ этими неизвѣстными величинами, входящими, какъ составныя, въ общій хозяйственный оборотъ (Verkehrsgleichung).

2) Но, если бы даже, при р а в е н с т вѣ остальныхъ факторовъ уравненія, былъ бы доказанъ параллелизмъ между количествомъ золота и уровнемъ цѣнъ,—что, какъ мы видѣли, можно сказать, исключается a priori—то и тогда остался бы неразрѣшеннымъ вопросъ о характерѣ этого вліянія, и мы, при лучшемъ желаніи, не могли бы сказать, представляетъ ли собой одно изъ обоихъ явленій п р и ч и н у другого, или же оба представляютъ собой дѣйствіе неизвѣстнаго третьяго.

3) По всей видимости, добыча золота играетъ въ этомъ процессѣ, ведущемъ къ измѣненію уровня цѣнъ, только роль возбудителя и нисколько не отличается въ этомъ отношеніи отъ большинства другихъ отраслей производства, которыя, какъ и производство золота, создаютъ новый капиталъ, стимулируютъ предпринимательскую дѣятельность и оживляютъ торговлю и обмѣнъ.

4) Правильно въ количественной теоріи преимущественно лишь то, что цѣнность денегъ,—какъ и всякая цѣна товаровъ—опредѣляется соотношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ; но какой спросъ и какое предложеніе имѣется въ виду, объ этомъ всѣ наши прежнія теоріи оставляютъ насъ въ неизвѣстности. Что здѣсь рѣчь идетъ не просто о спросѣ и предложеніи золота, должно было бы явствовать уже изъ того, что въ каждой цѣнѣ спросу на золото противостоитъ и спросъ на товары, а предложенію золота—предложеніе товаровъ, и ничто не позволяетъ намъ предполагать, что общій спросъ на товары во всякое время уравновѣшивается общимъ предложеніемъ золота, какъ это предполагаетъ количественная теорія.

5) Но и предположеніе, будто каждая цѣна одинаково сильно зависитъ отъ мѣновой цѣнности золота и покупаемыхъ товаровъ, становится несостоятельнымъ, если мы примемъ въ соображеніе, что деньги на практикѣ играютъ собственно только роль посредника между предлагаемымъ и искомымъ товаромъ, и что при обсужденіи какой-нибудь цѣны нами руководитъ не представленіе о

внутренней цѣнности золота, а представленіе о потребительной цѣнности товаровъ, которые можно получить за эти деньги на основаніи установившейся скалы цѣнъ. Когда мы отдаемъ золото за купленный товаръ, то мы думаемъ не о промышленной или денежной потребительной цѣнности желтаго металла, а о покупательной силѣ, которою это золото обладаетъ.

6) Къ этому присоединяется еще то, что въ послѣднія десятилѣтія циркуляція денегъ пріобрѣла—вслѣдствіе измѣнчивой скорости оборота денегъ, развитія кредита и быстраго появленія и исчезновенія многихъ суррогатовъ золота,—такую эластичность, что она почти безгранично приспособляется къ потребностямъ хозяйственной дѣятельности. Очевидно, денежное обращеніе является скорѣе слѣдствіемъ, чѣмъ причиною происходящихъ измѣненій въ области цѣнъ и хозяйственнаго оборота.

7) Покупательная сила данной страны опредѣляется, такимъ образомъ, не количествомъ имѣющихся денежныхъ средствъ, а потребительной емкостью товарнаго рынка страны,—въ конечномъ итогѣ къ ней и приспособляются средства денежнаго обращенія.

8) Увеличеніе денегъ въ обращеніи можетъ только тогда оказывать вліяніе на уровень цѣнъ, если добыча новаго золота, прежде чѣмъ поступить въ обращеніе, уже оказала то или иное воздѣйствіе на хозяйственный оборотъ. Во всякомъ другомъ случаѣ приращеніе денежныхъ средствъ неизбѣжно должно будетъ или замедлять скорость своего оборота или вытѣснять изъ употребленія другія платежныя средства.

9) Главную причину общихъ колебаній цѣнъ слѣдуетъ искать въ колебаніяхъ общаго спроса на товары по отношенію къ общему предложенію товаровъ.

Общій спросъ на товары опредѣляется доходомъ населенія, и усиленіе спроса надъ предложеніемъ товаровъ возможно только тогда, когда населеніе можетъ тратить *больше* имѣющагося у него дохода. Но единственнымъ условіемъ для этого является кредитъ, особенно же „непокрытый“ кредитъ, расширяющій покупательную силу и позволяющій намъ, не ограничивая кредитора, предвосхищать будущія части дохода, употреблять ихъ какъ покупательную силу.

10) Но и всякій неэкстенсивный кредитъ, всякое перенесеніе покупательной силы и кредита на должника повышаетъ общій спросъ на товары, такъ какъ при этомъ условіи ускоряется циркуляція капиталовъ и создается возможность находить для излишковъ доходовъ болѣе продуктивное помѣщеніе.

11) Только этимъ можетъ быть объяснено, почему увеличившаяся промышленная дѣятельность сопровождается общимъ повышеніемъ цѣнъ. Само по себѣ „производство“ не можетъ вызвать повышенія цѣнъ, такъ какъ оно въ первую очередь является *предложеніемъ товаровъ*, причемъ оно расширяетъ объемъ товаровъ по отношенію къ наличному запасу денежныхъ средствъ. Для того, чтобы дѣйствовать въ направленіи повышенія цѣнъ, усиленное предложеніе должно необходимо вызвать еще болѣе сильное увеличеніе спроса, и требуется, чтобы многочисленныя предпріятія сначала потребляли больше, чѣмъ производили.

12) Однако, это возможно лишь поскольку кредитъ расширяетъ общую покупательную силу хозяйствующихъ лицъ, поскольку будущія части дохода учитываются и употребляются вмѣсто наличныхъ денегъ, или, поскольку уже имѣющіеся въ наличности доходы пускаются въ оборотъ быстрѣе, чѣмъ раньше. Кредитъ является, такимъ образомъ, мѣриломъ всеобщаго спроса на товары, который опять-таки является синонимомъ усилившейся промышленной и предпринимательской дѣятельности.

13) Параллелизмъ между уровнемъ цѣнъ и добычею золота очень легко объясняется изъ параллелизма между

запасами золота и кредитомъ. Сократитъ ли новое золото покупательную силу уже имѣющагося въ наличности золота—это вопросъ не количественный, а психологическій и вполнѣ зависитъ отъ того, можетъ ли или не можетъ хозяйство поглотить данное количество оборотныхъ средствъ при помощи оживленной предпріимчивости и многихъ ждущихъ своей эксплоатаціи изобрѣтеній, усовершенствованій и т. д. До сихъ поръ это почти всегда имѣло мѣсто. Усиленное предложеніе средствъ платежа автоматически вызывало еще болѣе сильный спросъ: золото безъ остатка поглощалось и не испытывало никакого уменьшенія своей покупательной силы.

14) Количество золота не опредѣляетъ размѣры общаго спроса на товары. Оно приспособляется къ нему (въ силу скорости своего обращенія и т. д.) и является только выраженіемъ ежеминутно мѣняющейся общей покупательной силы хозяйствующихъ единицъ.

Для очень долгихъ, охватывающихъ столѣтія періодовъ, для которыхъ мы можемъ разсматривать отношеніе между общимъ спросомъ и предложеніемъ товаровъ, какъ нѣчто постоянное, фишеровская гипотеза сохраняетъ (за нѣкоторыми исключеніями) свое полное значеніе. Однако, чѣмъ короче данный періодъ движенія цѣнъ, тѣмъ менѣе имѣютъ мѣсто факторы, относящіеся къ денежному обращенію,—здѣсь они должны отступать на задній планъ передъ факторами, взятыми изъ области кредита и спроса на товары. Наконецъ, колебанія цѣнъ вверхъ и внизъ, происходящія во времена кризисовъ, отнюдь не могутъ быть объяснены съ точки зрѣнія количественной теоріи денегъ, такъ какъ въ это время спросъ на товары не находится ни въ какой связи съ количествомъ обращающейся золотой монеты.

Перев. С. Маріолинъ.

Жанъ Лескюръ.

Всеобщее повышеніе и пониженіе цѣнъ.

Съ самыхъ давнихъ поръ,—уже въ продолженіе вѣковъ,—кривая цѣнъ то повышается, то понижается, и эти волны (амплитуды) колебанія цѣнъ теряются въ глубинѣ временъ. Экономисты съ самыхъ давнихъ временъ доискивались причинъ этихъ колебаній. Съ самаго начала обнаружились при этомъ двѣ рѣзко противоположныя точки зрѣнія; одни приписывали причину измѣненія цѣнъ измѣненіямъ количества денегъ,—откуда и ведетъ свое названіе количественная теорія; другіе—условіямъ спроса и предложенія. Обѣ эти теоріи до сихъ поръ все еще оспариваютъ одна другую.

Впрочемъ, съ теченіемъ времени проблема эта усложнилась. Ибо въ современномъ мѣновомъ хозяйствѣ денежную цѣну имѣютъ не только товары, но также и всѣ услуги, доставляемыя трудомъ, капиталомъ, землею и всякаго рода недвижимостью. И теорія, разсматривающая причины всеобщаго измѣненія цѣнъ, должна разсматривать не только движеніе цѣнъ на товары, но также и движеніе цѣнъ на все то, что принято теперь называть производительными услугами: теорія колебанія цѣнъ должна быть въ то же время также и теоріей заработной платы, прибыли, процента на капиталъ, земельной ренты.

Именно въ этомъ болѣе всеобъемляющемъ пониманіи мы и выдвигаемъ нашу проблему. Это не только логическая предпосылка; это, по нашему мнѣнію, также и единственный вѣрный путь къ разрѣшенію вопроса. Могутъ ли, дѣйствительно, измѣненія цѣнъ на товары оставаться безъ вліянія на уровень дохода и, наоборотъ, могутъ-ли измѣненія уровня доходовъ оставаться безъ вліянія по отношенію къ цѣнамъ товаровъ? Замѣтимъ, кстати, что это расширеніе предмета нашего изслѣдованія само собою вызываетъ и дальнѣйшее его расширеніе: ниже мы увидимъ, что періоды всеобщаго повышенія и всеобщаго пониженія цѣнъ представляютъ собою уже не только періоды простого колебанія цѣнъ, но также и періоды экономическаго прогресса или, наоборотъ, упадка и застоя,—смотря по тому, идетъ ли рѣчь о всеобщемъ повышеніи или о всеобщемъ пониженіи цѣнъ. И этотъ простой вопросъ о всеобщихъ измѣненіяхъ цѣнъ выяснитъ намъ также и этапы экономическаго прогресса. Перейдемъ, однако, къ болѣе точному опредѣленію нашей проблемы.

Мы разсмотримъ эту проблему во всей ея полнотѣ, поскольку она выразилась во второй половинѣ XIX и въ началѣ XX вѣковъ. Въ такой постановкѣ она уже достаточно обширна и сложна. Многимъ можетъ показаться, что она слишкомъ обширна и сложна. Но только въ такой широкой постановкѣ и возможно ея разрѣшеніе. Наконецъ, такая постановка допускаетъ и наибольшую точность, ибо,—къ чести политической экономіи — слѣдуетъ замѣтить, что, если наша проблема еще не разрѣшена, то она во всякомъ случаѣ уже настолько разработана, что допускаетъ вполнѣ ясную формулировку. Самое существованіе періодовъ повышенія и пониженія цѣнъ уже не оспаривается въ настоящее время экономистами. Изъ

этихъ періодовъ одни особенно длинны: продолжительность ихъ доходитъ до четверти вѣка; другіе слишкомъ кратки: ихъ теченіе ограничивается однимъ какимъ-нибудь пятилѣтіемъ [1]).

Мы будемъ здѣсь касаться только первыхъ. Ибо насъ интересуетъ именно это,—столь волнующее въ настоящее время,—явленіе всеобщаго повышенія цѣнъ, которое началось съ 1896 года и продолжается до нашихъ дней. Но для болѣе полнаго выясненія этой проблемы представляется полезнымъ, если не необходимымъ, разсмотрѣть и предыдущіе періоды. Жизнь представляетъ собою непрерывную цѣпь подобій и контрастовъ. Именно этими подобіями, или, если угодно, общностью и занимается главнымъ образомъ наука. Но предметомъ науки могутъ быть также и контрасты, ибо контрастъ самъ собою превращается въ родъ пособія, если онъ раскрываетъ въ обратномъ смыслѣ тѣ же черты даннаго явленія. Въ этомъ отношеніи крайне поучительными являются вторая половина XIX и начало XX вѣковъ. Ибо съ 1850 до 1873 года мы замѣчаемъ всеобщее повышеніе цѣнъ, съ 1873 до 1896 года—всеобщее пониженіе цѣнъ, а съ 1896 года до нашихъ дней—опять всеобщее повышеніе цѣнъ. Прибавимъ, что подъ всеобщимъ повышеніемъ и всеобщимъ пониженіемъ цѣнъ мы подразумѣваемъ не только повышеніе и пониженіе цѣнъ на товары, но также и повышеніе и пониженіе цѣнъ на производительныя услуги, равно какъ и повышеніе и пониженіе доходовъ [2]).

---

[1]) Позволимъ себѣ сослаться въ этомъ вопросѣ на нашъ трудъ: „О всеобщихъ и періодическихъ кризисахъ перепроизводства". 2-ое изд. Парижъ, 1911 г.; тамъ же указана и библіографія по этому вопросу.

[2]) Экономическая депрессія 1873—1896 года вызвала цѣлый рядъ изслѣдованій по этому вопросу. См. особенно Denis: La dépression économique et sociale et l'histoire des prix (Денисъ: Экономическая и соціальная депрессія и исторія цѣнъ), Брюс-

Установимъ раньше всего сами эти измѣненія цѣнъ на товары и на производительныя услуги.

Числа-показатели всякаго рода: число-показатель Зауэрбека, Зетбера, Фовилля, Марша, Экономической реформы, Фразера (благородное соревнованіе побудило

сель, 1895 г. и труды, которые онъ цитируетъ на стр. 213—233: de Foville: La théorie quantitative et les prix (Фовиль: количественная теорія и цѣны) въ Economiste français 2-oe Мая 1896 г. Послѣдній періодъ повышенія цѣнъ естественно привелъ къ цѣлому ряду изслѣдованій противоположнаго характера о причинахъ повышенія цѣнъ: Dalla Volta, Nuovo Oro, Firenze 1896 г., стр. 59; Lexis V° Preis (Лексисъ: Цѣна) въ Conrads Handwörterbuch; Dechene: Influence de la monnaie et du crédit sur les prix (Дешеснъ: Вліяніе денегъ и кредита на цѣны) въ Revue economique politique 1904 г.; J. Fischer: The purchasing power of money (И. Фишеръ: Покупательная сила денегъ) и рядъ новѣйшихъ изслѣдованій: Levasseur: les périodes de l'histoire des prix en France au XIX et au XX siècles (Левассеръ: Историческіе періоды цѣнъ въ XIX и XX вѣкахъ) Revue économique internationale, Ноябрь, 1910 г.; Leroy Beaulieu: la hausse actuelle des prix et leurs variations depuis quarante ans (Леруа Болье: Современное повышеніе цѣнъ и измѣненія ихъ за послѣдніе сорокъ лѣтъ), Economiste français 11 іюня, 1910 г., Y. Guyot: La protection de l'or et les prix (Гюйо: Покровительство золоту и цѣны) въ Journal des économistes, ноябрь, 1911 г.; Blondel: le renchérissement général (Всеобщее вздорожаніе), Correspondant, Ноябрь, 1911 г.; докладъ Гюйо въ парижскомъ статистическомъ обществѣ и пренія по поводу этого доклада въ Journal statistique de Paris, 1912 г. стр. 107 и 130; Hooker: The course of prices 1890 — 1910. (Гукеръ: Движеніе цѣнъ въ 1890 — 1910 г.г.), въ Journal of the royal statistical society of London, декабрь, 1911 г. стр. 136 и выше; Ashley: Die Steigerung der Preise (Эшли: Повышеніе цѣнъ) въ Schmoller's Jahrbücher, 1911 г. стр. 215; Shellwien: Ergebniss einer Untersuchung über die Tendenz der Warenpreise (Шельвинъ: Результатъ изслѣдованія тенденціи товарныхъ цѣнъ) въ Jahrbücher für Nationalökonomie, Іюнь, 1911 г.; Schwarzwald: Goldproduction und Teuerung (Шварцвальдъ: Производство золота и вздорожаніе жизни) въ Handelsmuseum 7—21, Мартъ, 1912 г.

многихъ экономистовъ посвятить себя кропотливой работѣ для установленія чиселъ-показателей товарныхъ цѣнъ) въ точности освѣдомляютъ насъ о движеніяхъ цѣнъ на товары. Всего удивительнѣе то, что эти числа-показатели, хотя и установленные на самыхъ различныхъ концахъ міра и даже съ нѣкоторыми измѣненіями въ установкѣ самого числа-показателя, показываютъ тѣмъ не менѣе одинаковые результаты [1]). Они позволяютъ раньше всего утверждать, что экономическій міръ переживалъ уже длительный періодъ всеобщаго повышенія цѣнъ,—съ 1850-го до 1873-го года, длительный періодъ пониженія цѣнъ—съ 1873-го до 1896-го года, и періодъ повышенія цѣнъ съ 1896-го года до нашихъ дней. Этотъ фактъ констатировался уже неоднократно. Несомнѣнно, что кривая цѣнъ не показываетъ непрерывнаго движенія вверхъ или внизъ, а прерывается съ болѣе краткими періодами повышенія или пониженія. Но сквозь эти незначительныя отступленія въ ту или иную сторону можно различить господствующую тенденцію къ повышенію или пониженію цѣнъ. (См. рис. 1).

Выяснивъ нашу проблему, — поскольку она касается цѣнъ на товары, перейдемъ къ разсмотрѣнію ея отношенія къ движенію доходовъ: прибыли,—процента на капиталъ,—земельной ренты,—заработной платы. Мы не можемъ съ одинаковой точностью опредѣлить движеніе каждаго дохода: точнѣе всего мы можемъ это сдѣлать для двухъ главныхъ доходовъ—для прибыли и для процента на капиталъ — и съ приблизительною точностью для двухъ остальныхъ: для прибыли и для заработной платы.

О движеніи прибыли съ достаточною достовѣрностью освѣдомляетъ насъ статистика дивидендовъ, выдаваемыхъ

---

[1]) См. Dolleans: La monnaie et les prix. (Доллеансъ: Деньги и цѣны) въ Questions monétaires contemporaines, 1906.

акціонерными обществами. Кривая дивидендовъ слѣдуетъ по тому же пути, какъ и кривая цѣнъ. И въ кривой дивидендовъ мы видимъ то же направленіе всеобщаго повышенія или всеобщаго пониженія, какъ и въ кривой

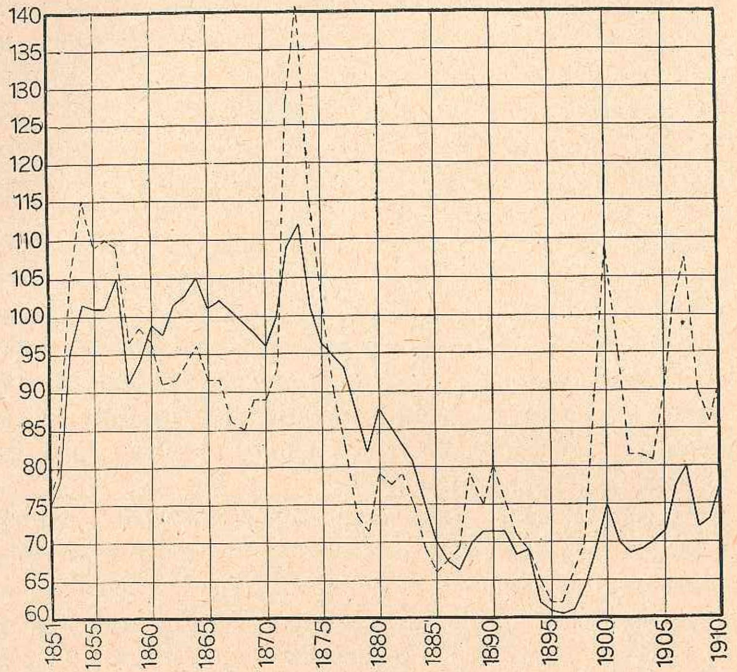

Рис. I. Кривая числа-показателя Заурбэка (1851—1910).

——— Всеобщая средняя товарныхъ цѣнъ.
----- Средняя цѣна ископаемыхъ минераловъ (угля, желѣза, чугуна, мѣди).

товарныхъ цѣнъ. Мы собрали данныя о дивидендахъ, выдаваемыхъ Французскимъ Банкомъ (Banque de la France), французскими кредитными обществами, главнѣйшими предпріятіями металлургической, каменноугольной, химической и судостроительной промышленности, и оказалось,

что всѣ эти общества съ поразительной согласованностью выдаютъ наиболѣе высокіе дивиденды въ періодъ съ 1850-го — 1873-го года. Дивиденды всюду понижаются между 1873-мъ и 1896-мъ годами, а съ 1896-го года кривая дивидендовъ снова начинаетъ повышаться. Мы нарочно выбрали Францію предметомъ нашего изслѣдованія, такъ какъ во всѣхъ отрасляхъ промышленности тамъ имѣются очень старыя общества.

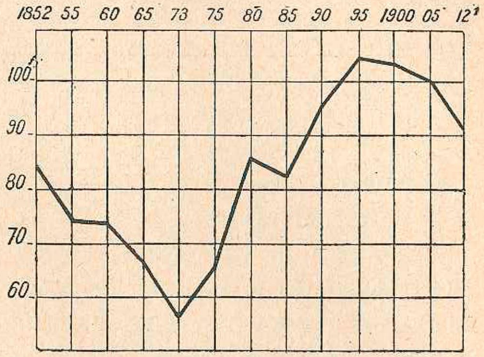

Рис. II. Наиболѣе высокій курсъ 3%-ной ренты [1]).

Что касается высоты процента, то мы обладаемъ здѣсь еще болѣе достовѣрными данными въ курсѣ фондовыхъ бумагъ, особенно государственныхъ фондовъ, и въ статистикѣ учетнаго процента. Періоды всеобщаго повышенія цѣнъ являются періодами пониженія курса государственныхъ бумагъ, а это свидѣтельствуетъ о повышеніи процента на капи-

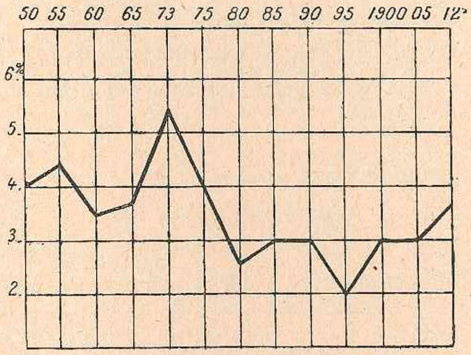

Рис. III. Средній % дисконта французскаго банка [1]).

[1]) Курсъ къ 1-му Апрѣля 1912 г.

талъ. Они являются также періодами повышенія учетнаго процента. Періоды всеобщаго пониженія цѣнъ являются періодами повышенія государственныхъ бумагъ, а, слѣдовательно, и пониженія процента на капиталъ. Они являются также періодами пониженія учетнаго процента. Мы могли прослѣдить этотъ процессъ въ трехъ крупныхъ государствахъ—во Франціи, въ Англіи и въ Германіи. Данныя эти абсолютно согласуются. Процентъ на капиталъ всюду повышается въ періодъ повышенія цѣнъ и сокращается въ періодъ пониженія цѣнъ (См. рис. I) [1]).

О движеніи заработной платы мы, конечно, не можемъ получить такихъ же точныхъ данныхъ, какъ о движеніи прибыли и процента на капиталъ. Тѣмъ же менѣе, многіе статистики собрали такой значительный матеріалъ по этому вопросу, что они сумѣли установить кривую движеній заработной платы и даже выразили эти результаты въ числѣ-показателѣ. Изъ этихъ чиселъ-показателей заслуживаетъ особеннаго довѣрія число-показатель заработной платы въ Англіи, установленное Вудомъ. Это число-показатель показываетъ быстрый ростъ заработной платы съ 1850-го до 1874-го года, пониженіе или стаціонарное состояніе ея съ 1874-го до 1896 года, быстрое повышеніе съ 1896 года вплоть до нашихъ дней [1]).

Статистика земельной ренты оказывается еще нѣсколько болѣе трудной, особенно для Франціи, страны мелкой собственности, гдѣ такъ мало распространено фермерство, и гдѣ, въ силу этого, отсутствуетъ наилучшій статистическій показатель земельной ренты. Слѣдуетъ ли, однако, считать эту трудность непреодолимой? Для періода съ 1850 до 1892-го года мы обладаемъ для Франціи однимъ документомъ, безъ сомнѣнія, далеко не безукоризненнымъ съ точки зрѣнія статистической точности, но тѣмъ не менѣе удовлетворительнымъ для интересующаго насъ вопроса, т. е. для вопроса о движеніяхъ земельной ренты: это—оцѣнка доходовъ земель-

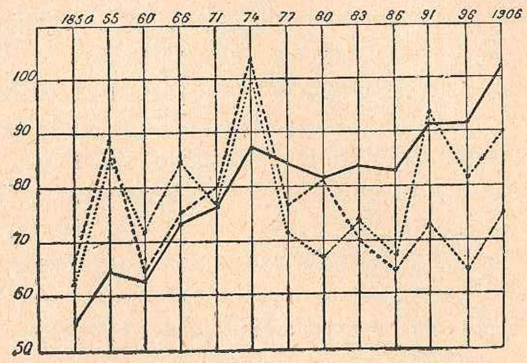

Рис. IV. Числа-показатель заработной платы въ Англіи. (1900 = 100).
——— Показатель всеобщей заработной платы.
..... Показатель заработной платы въ каменноугольныхъ копяхъ.
---- Показатель заработной платы въ желѣзнодорожной промышленности.

[1]) См. также Wallich: Beiträge zur Geschichte des Zinsfusses von 1800 bis zur Gegenwart (Валлихъ: Изъ исторіи процента на капиталъ съ 1800-го года до нашихъ дней), въ Jahrbuch der National-ökonomie 1911, стр. 289, и слѣд. A. Macdonald.—The rate of interests ince 1844 (Макдональдъ: Уровень процента съ 1844-го) въ Journal of the royal statistical society of London, мартъ 1912 стр. 361 и слѣд. R. A. Lehfeldt: Public Loans and the modern theory of interests (Лефельдъ: Государственные займы и современная теорія процента на капиталъ) въ Economic Journal мартъ, 1912, стр. 16 и слѣд.; A. Stockbrocker: The depreciation of home investments, Economic Journal іюнь 1912 стр. 219 и слѣд.

[1]) Особенный интересъ числа-показателя Вуда состоитъ въ томъ, что авторъ для установленія своего числа-показателя принимаетъ во вниманіе раньше всего тарифъ заработной платы, а потомъ пополняетъ его статистикою занятыхъ рабочихъ.

ной собственности, которая производится каждые десять лѣтъ французскими земельными анкетами. Эти данныя мы можемъ пополнить еще и нѣкоторыми другими фискальными оцѣнками. Въ 1851-мъ году чистый доходъ съ незастроенной земельной площади опредѣлялся въ 1905 милліоновъ франковъ, а вся капитализированная цѣнность ея въ 63 милліарда франковъ. По оцѣнкѣ 1879-го года доходъ опредѣляется въ 2645 милліоновъ франковъ, а капитализированная цѣнность земли въ 91 съ половиною милліарда. Земельная анкета 1892-го года установила только 2638 милліоновъ франковъ чистаго дохода при общей капитализаціи земли въ 77 милліардовъ. Въ послѣднемъ же періодѣ все, наоборотъ, указываетъ на повышеніе арендной платы, а, слѣдовательно, и земельной ренты. По послѣднему проекту подоходнаго налога, земельная рента во Франціи оцѣнивается въ 2700 милліоновъ,—цифра, на самомъ дѣлѣ преувеличенная, однако, ростъ земельной ренты не подлежитъ никакому сомнѣнію [1]).

Это подтверждается еще и другимъ статистическимъ показателемъ, искренность котораго хотя и можетъ быть подвергнута сомнѣнію, но который имѣетъ безспорный интересъ для нашего вопроса: мы подразумѣваемъ данныя о ежегодномъ налогѣ съ наслѣдства. Между 1875-мъ и 1895-мъ годами цѣнность объявленной недвижимости

[1]) См. Germain—Martin et Paul Martenot. La côte-d'or, 1910 стр. 108; D. Zolla: La hausse des produits agricoles, Revue des deux Mondes 1911, T. V стр. 822—825; De Lavergne и Paul Henry: La richesse de la France 1908 стр. 178, Annuaire Statistique 1909, стр. 94; Edmond Théry: La fortune de la France, 1911 стр. 65 и слѣдующія; см. также: Le mouvement des mutations immobilières à titre onéreux de 1826 à 1895 d'après les comptes des finances. Bulletin de statistique et de législation comparée (Отчетъ) стр. 157 и слѣд. и особенно діаграмма на стр. 166.

остается совершенно или почти стаціонарной, не смотря на быстрый ростъ цѣнности застроенной земли. А съ 1896-го года эта цѣнность поднялась на 600 милліоновъ, и это повышеніе цѣнности обусловливается повышеніемъ цѣнности сельской недвижимости, о чемъ свидѣтельствуютъ оффиціальные отчеты, въ которыхъ данныя о цѣнности объявленныхъ наслѣдствъ группируются по различнымъ категоріямъ недвижимой собственности (къ сожалѣнію, только отчеты эти публикуются нерегулярно). Изъ отчетовъ этихъ видно, что, тогда какъ въ 1899 году цѣнности сельской недвижимости составляли только 1.454.208.534 франка, она составляетъ въ 1906-мъ году уже 1.532.275.651 франкъ. Съ этими данными вполнѣ согласуется также и анкета Томсона о земельной рентѣ въ Англіи. И въ Англіи мы замѣчаемъ тѣ же явленія, что и во Франціи: повышеніе ренты съ 1850-го до 1873-го года, потомъ пониженіе ренты приблизительно до 1896-го года, и, наконецъ, съ 1896-го года опять повышеніе ренты, которое продолжается до нашихъ дней.

Все это позволяетъ намъ установить тенденцію или даже законъ: прибыль, проценты на капиталъ, земельная рента, заработная плата мѣняются въ томъ же направленіи, какъ и цѣны на товары. Періоды всеобщаго повышенія цѣнъ на товары являются періодами повышенія цѣнъ на производительныя услуги и, наоборотъ, періоды всеобщаго пониженія цѣнъ на товары являются въ то же время и періодами всеобщаго пониженія цѣнъ на производительныя услуги [1]).

[1]) Интересно было бы провѣрить этотъ законъ и для краткихъ періодовъ, ибо онъ дѣйствуетъ также и въ краткіе періоды, но это вышло бы изъ рамокъ нашего изслѣдованія.

Таковы факты. Какъ объяснить ихъ? Правда, экономисты, которые предшествовали намъ на этомъ пути, занимались главнымъ образомъ только изслѣдованіемъ товарныхъ цѣнъ. Но, въ сущности, всѣ положенія, которыя они построили для объясненія движенія цѣнъ на товары, можно было бы безъ всякой погрѣшности распространить и на производительныя услуги.

Съ этою оговоркою мы можемъ различать двѣ противоположныя теоріи: одна исходитъ изъ измѣненія количества денегъ, другая—изъ условій спроса и предложенія. Измѣненія количества денегъ, измѣненія условій спроса и предложенія и—позволимъ себѣ прибавить—также и производительныхъ услугъ, — таковы лозунги, вокругъ которыхъ раздѣляются въ настоящее время симпатіи экономистовъ, — не считая эклектиковъ, т. е. тѣхъ, которые допускаютъ одновременное дѣйствіе какъ количества денегъ, такъ и спроса и предложенія.

А. Количественная теорія.

Когда количество денегъ увеличивается, то деньги обезцѣниваются. Такъ какъ цѣна представляетъ собою отношеніе между цѣною товаровъ и цѣною денегъ, то само собою разумѣется, что пониженіе цѣнности денегъ влечетъ за собою повышеніе цѣнъ товаровъ, и притомъ всѣхъ цѣнъ. И опять-таки, если количество денегъ уменьшается, то цѣнность денегъ повышается; цѣны, всѣ цѣны падаютъ. Это и есть теорія, хорошо извѣстная подъ именемъ количественной теоріи [1]).

[1]) См. Barrault; Le sens et la portée des theories quantitatives de la monnaie, Revue d'histoire des doctrines économiques 1910 стр. 373 и слѣд. (Барро: Значеніе и смыслъ количественной теоріи денегъ въ „Историческомъ обозрѣніи экономическихъ теорій“).

Теорія эта ссылается не только на опытъ XIX-го вѣка, но также и на опытъ многихъ вѣковъ, вплоть даже до высокихъ цѣнъ XVI-го вѣка. Мы не послѣдуемъ за нею по этому слишкомъ смѣлому пути. Впрочемъ, окончательное подтвержденіе вѣрности своей теоретической гипотезы сторонники количественной теоріи видятъ въ хозяйственной исторіи съ XIX-го и начала XX-го вѣка. Этой эпохою мы и ограничимся въ дальнѣйшемъ разсмотрѣніи. Періоды всеобщаго повышенія цѣнъ въ точности совпадали съ періодами увеличенія количества благородныхъ металловъ, исполняющихъ функцію денегъ: періоды пониженія цѣнъ—съ періодами сокращенія количества этихъ благородныхъ металловъ.

Согласно этой теоріи, въ основѣ всеобщаго повышенія цѣнъ, имѣвшаго мѣсто съ 1850-го до 1873-го года, лежитъ открытіе золотыхъ розсыпей въ Австраліи и въ Калифорніи; открытіе золотыхъ розсыпей въ Трансваалѣ является причиною современнаго повышенія цѣнъ, а всеобщее пониженіе цѣнъ, продолжавшееся съ 1873-го до 1896-го года, объясняется начавшимся съ 1870-го года сокращеніемъ производства золота и постепеннымъ выведеніемъ серебра изъ валюты. Аргументы эти слишкомъ хорошо извѣстны, и мы не будемъ поэтому больше останавливаться на нихъ [1]).

Мы переходимъ непосредственно къ критикѣ этого ученія. Раньше всего теоретически недопустимо выводить паденіе цѣнъ изъ увеличенія количества золота: увеличеніе предложенія денегъ можетъ быть компенсировано одновременнымъ увеличеніемъ спроса на деньги. Мы скоро воспользуемся еще этимъ аргументомъ. Теперь же мы хотѣли бы изложить классическія возра-

[1]) См. I. Fischer ibidem: Deschesne, Ashley, Hooker ibidem, Gide: Cours d'economie politique. (Жидъ: Курсъ политической экономіи), 2-ое изданіе, ст. 249.

женія, которыя выставлялись противъ количественной теоріи [1]).

Раньше всего указывали на то, что, если бы всеобщее измѣненіе цѣнъ зависѣло отъ денегъ, то оно всегда одновременно и съ одинаковой силой охватывало бы всѣ товары. На самомъ же дѣлѣ ничего подобнаго нѣтъ. Затѣмъ указывали еще и на то, что, рядомъ съ металлическими деньгами, существуютъ еще и денежные суррогаты, которые въ состояніи исполнять функцію металлическихъ денегъ; на то, что измѣненія скорости обращенія денегъ въ состояніи исправлять дѣйствіе измѣненія количества денегъ и, наконецъ, главнымъ образомъ на то, что всѣ статистическія доказательства, приводимыя сторонниками количественной теоріи, не обладаютъ особенной точностью. Ибо въ періодъ съ 1850 по 1873-го года, производство золота падало въ теченіе пяти лѣтъ раньше, чѣмъ обозначилось пониженіе цѣнъ; въ періодъ съ 1896-го до 1912-го года повышеніе цѣнъ начинается съ 1896-го года, а увеличеніе производства золота — только съ 1898-го года. Что же касается ссылки на незначительное увеличеніе производства золота, имѣвшее мѣсто между 1891-мъ и 1896-мъ годами, то увеличеніе это начинается уже съ 1886-го года, а между тѣмъ съ 1886-го до 1896-го года цѣны продолжаютъ понижаться. Наконецъ, даже въ періодъ съ 1873-го до 1896-го года, не смотря на частичное выведеніе серебра изъ валюты и на уменьшеніе производства золота, денежные запасы не уменьшаются. Напротивъ того, они увеличились, правда, медленнѣе, но все же увеличились. Противъ этого возражаютъ, что увеличился также и объемъ товаровъ и труда. Но это возраженіе слѣдовало бы лучше отнести къ періоду всеобщаго повышенія цѣнъ, когда, дѣйствительно, имѣло мѣсто такое увеличеніе объема товаровъ и труда,— какъ мы увидимъ позже, что и послужитъ намъ потомъ аргументомъ противъ количественной теоріи.

[1]) Nogaro: Le rôle de la monnaie dans le commerce international et la theorie quantitative. (Ногаро: Роль денегъ въ интернаціональной торговлѣ и количественная теорія) 1905.

Теперь же мы должны приступить къ изложенію и критикѣ современнаго наиболѣе блестящаго выраженія количественной теоріи; мы говоримъ о теоріи Ирвинга Фишера. Принимая во вниманіе классическія возраженія, выставленныя противъ этого ученія, знаменитый экономистъ пытается поставить количественную теорію на болѣе широкій базисъ, который онъ полагаетъ также и болѣе солиднымъ. По Фишеру, количество денегъ опредѣляется не только количествомъ металлическихъ денегъ, то также и количествомъ денежныхъ суррогатовъ, находящихся въ обращеніи, и не только количествомъ всѣхъ этихъ средствъ обращенія, но также и скоростью ихъ обращенія.

Авторъ приходитъ такимъ образомъ къ слѣдующей формулѣ. Цѣна P равняется $\frac{MV+M'V'}{T}$, т. е. количеству денегъ и денежныхъ суррогатовъ, помноженному на скорость ихъ обращенія и раздѣленному на объемъ мѣновыхъ актовъ. Правда, это уже не старая формула $P=\frac{M}{T}$, но Фишеръ предупреждаетъ это возраженіе: да, несомнѣнно, но новая формула ближе подходитъ къ дѣйствительности, чего нельзя сказать о старой. Ибо, по мнѣнію Фишера, количество денежныхъ суррогатовъ, находящихся въ обращеніи, зависитъ отъ количества металлическихъ денегъ. И косвеннымъ образомъ факторъ— количество благородныхъ металловъ—снова получаетъ въ этой теоріи то огромное значеніе, которое приписываютъ ему сторонники старой формулы количественной теоріи [1]).

[1]) Fisher, ibidem стр. 307—311.

Изложивъ свою логическую конструкцію, Ирвингъ Фишеръ переходитъ къ ея статистическому обоснованію. При помощи научныхъ статистическихъ изысканій, онъ изучаетъ свою проблему на протяженіи исторіи и особенно подробно останавливается на нашей эпохѣ. Убѣдительны ли эта теорія и ея статистическое обоснованіе? Мы полагаемъ, что Ирвингъ Фишеръ ошибается, когда онъ вводитъ въ количество денегъ гетерогенные факторы: денежные суррогаты и скорость обращенія денегъ. Въ дѣйствительности же, количество денежныхъ суррогатовъ, находящихся въ обращеніи, опредѣляется объемомъ товаровъ и капиталовъ, находящихся въ обращеніи. Какая связь существуетъ на самомъ дѣлѣ между чековымъ обращеніемъ, банкнотами, векселями какой-нибудь страны и ея металлическимъ запасомъ?

Металлическія деньги служатъ—самое большее—только базисомъ этого обращенія, и, когда это обращеніе усиливается, долженъ увеличиваться и самый металлическій запасъ. Но расширеніе металлическаго базиса является здѣсь слѣдствіемъ, а не причиной. Больше того: расширеніе этого металлическаго базиса создаетъ новый спросъ на металлъ и препятствуетъ обезцѣненію металла посредствомъ перепроизводства. Но, если количество денегъ, находящихся въ обращеніи, зависитъ отъ объема мѣновыхъ актовъ, а не отъ металлическаго запаса, то этимъ самымъ формула Ирвинга Фишера наталкивается еще на одно серьезнѣйшее возраженіе: числитель его дроби содержитъ въ себѣ факторъ, чуждый количеству денегъ и отличный отъ него. То, что мы сказали о количествѣ денежныхъ суррогатовъ, еще съ бо́льшимъ основаніемъ можетъ быть отнесено и къ скорости денежнаго обращенія; факторы V и V′ также зависятъ отъ объема мѣновыхъ актовъ, а не отъ количества денегъ, и поэтому формула Фишера и ея фактическое обоснованіе [1]) теряютъ свою убѣдительность; онъ сознательно или безсознательно пользуется факторами, независимыми отъ количества денегъ и тѣсно зависимыми отъ объема мѣновыхъ актовъ. Не сводятся ли въ такомъ случаѣ измѣненія цѣнъ къ измѣненіямъ мѣнового обращенія и даже къ игрѣ закона спроса и предложенія товаровъ и труда? Вотъ вопросъ, который долженъ былъ бы остановить вниманіе Ирвинга Фишера. И факты показали бы ему, что періоды повышенія цѣнъ являются въ дѣйствительности періодами наиболѣе интенсивнаго мѣнового обращенія и быстраго экономическаго развитія, а періоды пониженія цѣнъ—періодами застоя и даже упадка промышленности и торговли. Быстрый ростъ производства, особенно горнаго и металлургическаго производства, быстрое развитіе внѣшней торговли и кредита во всѣхъ его видахъ: учета, открытаго кредита, эмиссіи бумагъ,—увеличеніе всеобщаго дохода,—вотъ что мы замѣчали съ 1850-го до 1873-го и съ 1896-го до 1912-го года. Въ періодъ съ 1873 до 1875-го года выступаютъ, напротивъ, совершенно противоположныя явленія. Нельзя ли вывести изъ этого обстоятельства еще одинъ аргументъ противъ утвержденія сторонниковъ количественной теоріи,—что увеличеніе количества денегъ влечетъ за собою обезцѣненіе денегъ? Вѣдь увеличеніе мѣнового обращенія и спроса на деньги должно нейтрализовать дѣйствіе увеличенія количества и усиленія предложенія денегъ. И не такъ ли оно было, дѣйствительно, въ оба періода съ 1850 до 1873-го и съ 1895-го до 1912-го года [2])? Не уничтожило ли сокраще-

[1]) Обоснованіе къ тому же частичное. См. Ирвингъ Фишеръ ibid. стр. 292—296. Между цѣнами, вычисленными на основаніи формулы $\frac{MV + M'V'}{T}$ и дѣйствительными цѣнами, нѣтъ абсолютной согласованности.

[2]) Для послѣдняго періода см. мою статью: Объ увеличеніи производства золота и всеобщемъ повышеніи цѣнъ. Revue 1911, стр. 729 и слѣд.

ніе мѣнового обращенія съ 1873 до 1876 года предполагаемаго вліянія замедленія производства золота и выведенія серебра изъ валюты? Больше того: какъ объясняетъ количественная теорія то, что рядомъ съ, правда, болѣе медленнымъ, но несомнѣннымъ ростомъ количества денегъ и одновременнымъ сокращеніемъ объема торговли, въ періодъ между 1873-мъ и 1896-мъ годами цѣны тѣмъ не менѣе падали [1])? Логически они должны были бы повышаться.

И мы можемъ такимъ образомъ разрѣшить принципіальный вопросъ большой важности. Мы можемъ, дѣйствительно, установить, что періоды повышенія цѣнъ являются въ то же время и періодами быстраго экономическаго развитія, а періоды пониженія цѣнъ—періодами сокращенія, застоя или очень медленнаго прогресса. И неужели сила золота такъ ужъ велика, что отъ его производства зависитъ также и весь ходъ экономическаго развитія? Въ такомъ случаѣ меркантилисты не такъ уже были неправы. Золото, стало быть, вполнѣ заслуживаетъ того мѣста, которое они отвели ему среди другихъ богатствъ. И по странной ироніи судьбы та самая количественная теорія, которая съ Рикардо во главѣ выступала, какъ наиболѣе опасная противница меркантилизма, становится въ настоящее время чуть ли не наилучшей его опорой! Увеличеніе производства золота разсматривается, какъ сигналъ всеобщаго экономическаго оживленія.

---

[1]) Главныя страны Европы:

	Запасы золота	Запасы серебра
	(въ мил. марокъ).	
1880	10941	5845
1885	11905	6779
1892	13797	8033

По Нейману и Юрашеку, ibid. стр. 564.

Сторонники количественной теоріи могутъ, правда, выставить противъ нашего возраженія одинъ аргументъ, который, на первый взглядъ, можетъ показаться очень соблазнительнымъ. Каждый періодъ увеличенія производства золота, являясь періодомъ всеобщаго повышенія цѣнъ, является въ то же время также и періодомъ всеобщаго повышенія прибылей, ибо прибыль опредѣляется разницей между продажною цѣною и издержками производства. Такъ какъ прибыль играетъ въ современномъ обществѣ роль двигателя всего экономическаго механизма, то понятно, что періоды всеобщаго повышенія цѣнъ являются также и періодами экономическаго прогресса и всеобщаго оживленія, ибо всѣ цѣны повышаются. Противоположное можно сказать про періоды пониженія цѣнъ. Таковъ тезисъ. Онъ соблазнителенъ по своей стройности и по своей простотѣ. По причинѣ этой простоты, мы даже желали бы, чтобы онъ былъ вѣренъ. Въ нашемъ распоряженіи оказался бы тогда драгоцѣнный барометръ, строгая точность котораго уподоблялась бы точности механизма; статистика производства благородныхъ металловъ, исполняющихъ функцію денегъ, т. е. для нашего времени статистика производства золота, служила бы тогда точнѣйшимъ барометромъ состоянія промышленности.

Но, къ сожалѣнію, этотъ тезисъ отвергается какъ логикой, такъ и фактами экономической дѣйствительности. Логикой потому, что вліяніе производства золота должно было бы одинаково отражаться какъ на цѣнахъ товаровъ, такъ и на цѣнахъ производительныхъ услугъ. Но тогда, слѣдовательно, не могла бы повыситься и прибыль, которая и опредѣляется разницею между издержками производства и продажною цѣною. Повышеніе цѣнъ на товары математически нейтрализировалось бы повышеніемъ цѣнъ на производительныя услуги. Гдѣ же тогда оказался бы мотивъ оживленія, разъ при-

быль оставалась бы неизмѣненной? Но, съ другой стороны, мы, дѣйствительно, видѣли, что періоды повышенія цѣнъ именно и являются періодами повышенія прибыли, оживленія производства: стало быть, то, что казалось аргументомъ количественной теоріи, обращается противъ нея же.

Къ тому же, для того, чтобы тезисъ этотъ оказался вѣрнымъ, требуется, чтобы періоды повышенія цѣнъ въ точности совпадали со стадіями увеличенія производства золота. На самомъ же дѣлѣ ничего подобнаго нѣтъ (какъ мы имѣли случай показать выше. И, слѣдовательно, остается въ силѣ нашъ прежній вопросъ: не являются ли измѣненія цѣнъ слѣдствіемъ, — не измѣненія количества денегъ, — а измѣненія мѣнового обращенія и игры спроса и предложенія? И не ограничивается ли значеніе развитія производства золота, которое далеко не можетъ быть причиною этихъ явленій экономическаго развитія, только тѣмъ, что оно доставляетъ одинъ изъ необходимыхъ элементовъ этого развитія, а именно-металлическій базисъ? Къ разсмотрѣнію этого вопроса мы должны теперь перейти. Разрушивъ, мы должны начать созидать.

В. Зависимость цѣнъ отъ закона спроса и предложенія.

Слѣдуя методу, котораго придерживаются сторонники количественной теоріи, мы начнемъ сначала съ теоретическаго изложенія нашей доктрины, которую мы потомъ попытаемся провѣрить на фактахъ. Исходною точкою нашей гипотезы служитъ явленіе существенной важности, а именно—общая солидарность между цѣнами на товары и цѣнами на производительныя услуги и отраженнымъ образомъ также и между цѣнами на всѣ товары и цѣнами на всѣ производительныя услуги. Распредѣляется

то, что производится: каждому повышенію цѣнности производства соотвѣтствуетъ повышеніе дохода производителей. И, наоборотъ, каждому уменьшенію цѣнности производства соотвѣтствуетъ уменьшеніе доходовъ. Если цѣнность производства какой-нибудь отрасли производства увеличивается, то тѣмъ самымъ увеличиваются также и доходы этого предпріятія. Это повышеніе выражается въ повышеніи прибыли, заработной платы и процентовъ на капиталъ. Если оно приведетъ къ повышенію прибыли, то возникнутъ новыя предпріятія: повысится спросъ на капиталъ, на рабочія руки. Съ повышеніемъ же спроса на рабочія руки и капиталъ повысятся и заработная плата и проценты на капиталъ. Но тѣмъ самымъ повысится также и спросъ на другіе товары. Совершенно безразлично при этомъ, будутъ ли эти доходы сбережены или непосредственно потреблены. Адамъ Смитъ окончательно доказалъ, что сбереженіе представляетъ собою явленіе, вліяніе котораго имѣетъ значеніе только для направленія потребленія, а не для его размѣра. Цѣны на товары повышаются. То же самое происходитъ и съ доходомъ производителей этихъ товаровъ. И повышеніе мало-помалу распространяется концентрическими кругами. Если повышеніе распространяется только на цѣны, не вызывая увеличенія производства, то оно будетъ менѣе интенсивнымъ. Но, если повышеніе цѣнъ соединяется съ увеличеніемъ производства, то одно повышеніе будетъ съ живѣйшей интенсивностью порождать другое. И мы приходимъ, такимъ образомъ, къ слѣдующей теоретической формулѣ. Всякое повышеніе цѣнъ въ какой-нибудь отрасли производства превращается въ повышеніе доходовъ, а повышеніе доходовъ, съ своей стороны, ведетъ къ увеличенію доходовъ въ другихъ отрасляхъ производства. Это явленіе удваиваетъ свою интенсивность, если оно соединяется съ явленіемъ роста производства.

И мы можемъ теперь свести наше ученіе къ фор-

мулѣ, родственной формулѣ Сэ: цѣнности обмѣниваются на цѣнности. Каждая новая цѣнность вызываетъ соотвѣтствующій новый спросъ. Тѣмъ не менѣе, въ отличіе отъ Сэ, мы не говоримъ, что продукты обмѣниваются на продукты, т. е. что всякое увеличеніе производства вызываетъ соотвѣтствующее увеличеніе спроса, а говоримъ, что цѣнности обмѣниваются на цѣнности, ибо можетъ случиться, что увеличившееся производство будетъ имѣть меньшую цѣнность, чѣмъ прежнее производство. Въ этомъ отношеніи типичными являются продукты земледѣлія: пониженіе ихъ мѣновой цѣнности опережаетъ увеличеніе произведеннаго количества. То же самое можно сказать и о многихъ другихъ товарахъ. Размѣры спроса опредѣляются не размѣрами производства, а иными факторами: они опредѣляются интенсивностью потребности. И, слѣдовательно, явленіе пониженія и повышенія цѣнъ болѣе сложно, чѣмъ предполагалъ Сэ, знаменитая формула котораго сводится въ общемъ къ тому, чтобы сравнить спросъ съ предложеніемъ, сдѣлать предложеніе масштабомъ спроса. Установимъ, что спросъ есть особый факторъ, оказывающій самостоятельное вліяніе на опредѣленіе цѣнностей. И вспомнимъ при этомъ, что съ точки зрѣнія равновѣсія слѣдуетъ разсматривать цѣнность мѣнового обращенія, а не количество его. И съ этою оговоркою мы можемъ повторить: цѣнности обмѣниваются на цѣнности. Если та или другая отрасль производства или тотъ или другой факторъ производства показываетъ тенденцію къ повышенію, то экономическое равновѣсіе въ общемъ тоже будетъ стремиться къ соотвѣтствующему повышенію и наоборотъ.

Но тутъ выступаетъ одно возраженіе. Мы говоримъ, что цѣнности обмѣниваются на цѣнности. Слѣдовательно, увеличеніе производства не можетъ привести къ увеличенію цѣнности. Ибо только существующія цѣнности могутъ уравновѣшивать новыя цѣнности, созданныя вслѣдствіе увеличенія производства. Вспомнимъ, что ничто не исчезаетъ, и ничто не возникаетъ изъ ничего. Въ механизмѣ экономическаго равновѣсія количественное увеличеніе производства не можетъ вызвать соотвѣтствующаго увеличенія цѣнности. Возраженіе это было бы серьезнымъ, если бы оно было состоятельнымъ. Ибо ему противорѣчатъ факты,—высшій въ данномъ случаѣ судья. И, если измѣненія цѣнъ на товары или на производительныя услуги не могутъ быть обусловлены измѣненіями ихъ мѣновой цѣнности, то они могутъ быть обусловлены только измѣненіями цѣнности денегъ. Однако, нетрудно разбить это возраженіе. Пусть въ данный моментъ X является существующею цѣнностью, какимъ же образомъ увеличеніе производства можетъ привести къ тому, чтобы образовалось X + q цѣнности? Чтобы понять это явленіе, слѣдуетъ освободиться отъ статической точки зрѣнія и стать на точку зрѣнія динамическую. Тогда мы увидимъ, что количество цѣнности X можетъ породить и бо́льшее количество X + q. Въ самомъ дѣлѣ, пусть X является количествомъ цѣнностей въ началѣ какого-нибудь года. Извѣстное количество цѣнностей начинаетъ обмѣниваться на извѣстное количество другихъ. Если среди этихъ цѣнностей прибавляются новыя, возникшія вслѣдствіе увеличенія производства, то эти новыя цѣнности выступятъ на рынокъ въ качествѣ новаго спроса. И, слѣдовательно, къ концу года общая цѣнность производства легко можетъ достигнуть суммы X + q.

И вотъ какимъ образомъ мы можемъ объяснить, что періоды увеличенія предложенія, т. е. производства, могутъ быть періодами повышенія цѣнъ. Какъ только въ той или иной отрасли производства начинается повышеніе цѣнъ, то сейчасъ же въ этой отрасли производства начинаютъ повышаться доходы и особенно прибыль. Сумма производства увеличивается. Цѣнность производства повышается. Вслѣдствіе этого данная отрасль про-

изводства испытываетъ повышеніе своей покупательной силы. Соотвѣтственно этому появляется и бо̀льшій спросъ на другіе товары. Цѣны на эти товары повышаются. Аналогичное явленіе повторяется въ отрасляхъ производства этихъ товаровъ: прибыль растетъ, производство расширяется. И такъ мало по малу повышеніе порождаетъ повышеніе. Путемъ безчисленныхъ вліяній и взаимодѣйствій, повышеніе цѣнъ, начавшееся въ какой-нибудь отрасли производства, распространяется все дальше и дальше, пока дѣйствіе этого повышенія не возвращается обратно къ той отрасли производства, которая была центромъ зарожденія и исходною точкою этого повышенія. И вотъ почему, дѣйствительно, періоды повышенія цѣнъ являются въ то же время также и періодами увеличенія производства. Вотъ почему также, не смотря на это увеличеніе производства, цѣны въ то же время повышаются. Спросъ въ эти періоды предупреждаетъ предложеніе. Для анализа явленій цѣнности — въ ихъ динамикѣ — мы должны поэтому учитывать не только предложеніе, но и спросъ. Расширеніе одного только предложенія зависитъ отъ спеціальныхъ явленій производства: вытекая, напримѣръ, изъ увеличенія технической производительности, оно можетъ быть факторомъ пониженія цѣнъ. Но, если оно исходитъ изъ увеличенія спроса, то оно будетъ сопровождаться повышеніемъ цѣнъ, не смотря на техническія усовершенствованія.

Намъ остается теперь провѣрить нашу гипотезу на фактахъ. Въ періодъ съ 1850 до 1873 года экономическое равновѣсіе склонялось къ повышенію цѣнъ подъ дѣйствіемъ развитія желѣзныхъ дорогъ, въ періодъ съ 1895 года до нашихъ дней—подъ дѣйствіемъ возникновенія новыхъ отраслей промышленности: электрической, автомобильной промышленности. Въ періодъ съ 1873 до 1895 года мы замѣчаемъ обратное явленіе: духъ предпріимчивости слабѣетъ, цѣны понижаются. Намъ возразятъ: не обязано ли само ослабленіе предпріимчивости именно этому пониженію цѣнъ? Мы должны поэтому показать, что пониженіе цѣнъ имѣетъ своимъ началомъ ослабленіе духа предпріимчивости, а не наоборотъ. Однако, само собою разумѣется, что повышеніе и пониженіе цѣнъ различно въ разныхъ отрасляхъ промышленности. Оно зависитъ отъ спроса и предложенія въ каждой изъ нихъ:

а) Въ періодъ съ 1850 до 1873 года мы видимъ быстрое и интенсивное строительство желѣзныхъ дорогъ какъ въ Англіи, такъ и во Франціи, какъ позднѣе и въ Германіи. Повышенная прибыль, получаемая въ этой отрасли производства, стимулируетъ дальнѣйшія сооруженія. Появленіе этой новой отрасли дѣятельности имѣетъ своимъ послѣдствіемъ сильный спросъ на капиталъ и на трудъ. Начинается быстрое развитіе горной и металлургической промышленности, и все же Франція оказывается не въ состояніи сама удовлетворять своему растущему спросу, и торговыми договорами 1860 года начинаетъ поощрять англійскій ввозъ. Въ то же время увеличивается и спросъ на рабочія руки, на капиталъ: заработная плата, проценты на капиталъ повышаются. Повышается и спросъ на съѣстные припасы, на продукты тексильной промышленности. Сельское хозяйство, всѣ отрасли тексильной промышленности должны расширять свое производство, отсюда новый спросъ на рабочія руки, на капиталъ, на металлургическіе продукты. Англія отмѣняетъ всѣ пошлины на хлѣбъ, который она перестаетъ производить въ достаточномъ количествѣ, чтобы посвятить себя интересамъ своего растущаго промышленнаго населенія. Народонаселеніе увеличивается, и это увеличившееся населеніе находитъ себѣ производительное занятіе въ промышленности и въ торговлѣ. Импульсъ, данный желѣзными дорогами, передается всѣмъ отраслямъ экономической дѣятельности: промышленности, торговлѣ,

банкамъ, земледѣлію, и, въ силу извѣстнаго закона кругового обращенія экономическихъ явленій, желѣзныя дороги начинаютъ въ свою очередь пользоваться этимъ развитіемъ другихъ отраслей производства, которому они сами дали первый толчекъ. Спросъ на товары и факторы производства имѣетъ въ этомъ періодѣ тенденцію превышать предложеніе. Вотъ почему этотъ періодъ является періодомъ быстраго повышенія цѣнъ на товары и на производительныя услуги, періодомъ повышенія доходовъ: прибыли, заработной платы, процента на капиталъ, земельной ренты. Но само собою разумѣется, что интенсивность спроса различна въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и, если мы обратимся къ статистикѣ, то увидимъ, что повышеніе цѣнъ было особенно интенсивнымъ въ горной и металлургической промышленности и въ промышленности, занятой изготовленіемъ средствъ производства: рельсовъ, вагоновъ, локомотивовъ, паровыхъ машинъ, ткацкихъ станковъ.

Въ эпохи экономическаго расцвѣта спросъ на капиталы разростается очень быстро. И, наоборотъ, расширеніе предложенія встрѣчаетъ на пути своемъ цѣлый рядъ затрудненій: открытіе рудниковъ, прорытіе колодцевъ, сооруженіе доменныхъ печей. Слѣдуетъ, однако, признать, что дѣйствіе этого фактора бываетъ слабѣе въ длинные, чѣмъ въ короткіе періоды. Съ своей стороны, повышаются доходы производителей: номинальные доходы—вслѣдствіе всеобщаго повышенія цѣнъ, реальные доходы—вслѣдствіе всеобщаго увеличенія производства. Однако, раньше, чѣмъ говорить о вліяніи увеличенія производства на цѣны производительныхъ услугъ и на высоту прибыли, необходимо сдѣлать одну существенную оговорку. Вліяніе это будетъ равномѣрнымъ для всѣхъ отраслей производства, поскольку рѣчь идетъ о факторѣ производства, по существу своему подвижномъ, напр., о капиталѣ: повышеніе процента на капиталъ

всюду одинаково. Мы говоримъ, разумѣется, о чистомъ процентѣ и о процентѣ номинальномъ. Вліяніе это будетъ, напротивъ, неравномѣрнымъ при отсутствіи этой подвижности, поэтому оно будетъ неравномѣрнымъ раньше всего для прибыли. Прибыль опредѣляется, какъ разница между издержками производства и продажною цѣною. Одинъ изъ факторовъ издержекъ производства, процентъ, одинаковъ для всѣхъ продуктовъ. Повышеніе же цѣнъ на товары различно для разныхъ товаровъ. Стало быть, повышеніе прибыли неодинаково въ различныхъ отрасляхъ производства. Впрочемъ, эта разница высоты прибыли можетъ быть ослаблена разницею въ измѣненіяхъ заработной платы. Подвижность предложенія рабочихъ рукъ ограничена самымъ характеромъ человѣческаго труда. Нѣкоторыя затрудненія—издержки переѣзда съ мѣста на мѣсто, трудности перехода отъ одной профессіи къ другой—препятствуютъ равномѣрному распространенію дѣйствія прогрессирующаго спроса. Вотъ почему повышеніе заработной платы было въ разсматриваемомъ періодѣ неодинаковымъ: оно было особенно сильнымъ въ каменноугольной и металлургической промышленности. Точно такъ же повышеніе земельной ренты было въ сельскомъ хозяйствѣ несравненно ниже, чѣмъ въ горныхъ владѣніяхъ. Какъ бы то ни было, все это показываетъ, что измѣненіе цѣнъ, какъ на товары, такъ и на производительныя услуги, диктуется закономъ спроса и предложенія, а не обезцѣненіемъ денегъ. Наконецъ, и самое повышеніе не одинаково для всѣхъ доходовъ: будучи особенно значительнымъ для прибыли, оно менѣе значительно для заработной платы и для процента на капиталъ. Повышеніе цѣнъ на товары въ дѣйствительности предшествуетъ, возвѣщаетъ и диктуетъ повышеніе цѣнъ на производительныя услуги. Слѣдуетъ еще замѣтить, что дѣйствіе повышенія предложенія, явившагося какъ слѣдствіе техническихъ усовершенствова-

ній, можетъ быть нейтрализовано вліяніемъ быстро растущаго спроса; разсматриваемый періодъ былъ періодомъ значительныхъ техническихъ усовершенствованій, напр., въ металлургіи (процессъ Бессемера, введенный въ 1856-мъ году; процессъ Мартина, введенный въ 1865-мъ году) и, тѣмъ не менѣе, интенсивность спроса нейтрализируетъ возможность пониженія цѣнъ, котораго можно было бы ожидать въ результатѣ всѣхъ этихъ усовершенствованій. Аналогичныя явленія мы замѣчаемъ также и въ періодъ съ 1895-го года до нашихъ дней.

b) Но раньше, чѣмъ приступить къ изученію этихъ явленій, мы должны попытаться точнѣе опредѣлить причину пониженія цѣнъ на товары и на производительныя услуги, которое имѣло мѣсто между 1873-мъ и 1895-мъ годами. Въ противоположность предшествующему періоду, въ этомъ періодѣ предложеніе имѣетъ тенденцію превышать спросъ и въ двухъ главнѣйшихъ отрасляхъ производства: въ горной и металлургической промышленности съ одной стороны и въ производствѣ хлѣбовъ—съ другой.

Около 1873-го года закончилась постройка наиболѣе производительныхъ желѣзнодорожныхъ путей въ Англіи и во Франціи. Начинается, слѣдовательно, пріостановка сооруженія желѣзныхъ дорогъ; если же и приступаютъ къ постройкѣ новыхъ линій, то лишь при условіи пониженія издержекъ ихъ сооруженія и эксплоатаціи. Безъ этого условія нѣтъ никакой прибыли, никакой предпріимчивости. Это та эпоха, когда крупныя французскія желѣзнодорожныя кампаніи отказываются приступать къ сооруженію новыхъ линій, и ихъ мѣсто должно занять государство (проектъ Фрейсине въ 1879-мъ году), по крайней мѣрѣ до 1883-го года (когда заключаются конвенціи, на основаніи которыхъ частныя кампаніи берутъ на себя заботу объ увеличеніи французской желѣзнодорожной сѣти при условіи, что правительство гарантируетъ доходъ этихъ непроизводительныхъ желѣзныхъ дорогъ). Въ Англіи проведеніе желѣзнодорожной сѣти закончилось приблизительно къ 1866-му году. Тогда какъ между 1850-мъ и 1873-мъ годами производится полное оборудованіе новой желѣзнодорожной сѣти, съ 1873-го года ограничиваются лишь содержаніемъ уже проведенной желѣзнодорожной сѣти. Это является показателемъ уменьшенія спроса на продукты горной и металлургической промышленности. Превосходный статистическій трудъ Неймана Спаларта и Юрашека: Übersichten der Weltwirtschaft (обозрѣніе мірового хозяйства) позволяетъ намъ установить интересные факты. Въ разсматриваемый періодъ потребленіе рельсъ въ Англіи, во Франціи и Германіи уменьшается или остается стаціонарнымъ. То же самое относится и ко всему матеріалу желѣзныхъ дорогъ, которыя являются главнымъ рынкомъ желѣзодѣлательной промышленности. Производство рельсъ сокращается во Франціи (за исключеніемъ приблизительно 1882-го года, когда приведенъ былъ въ исполненіе проектъ Фрейсине); оно остается стаціонарнымъ въ Германіи и въ Англіи. Впрочемъ, и въ Англіи оно сократилось бы, если бы не развитіе экспорта.

Одновременно съ этимъ сокращеніемъ спроса, замѣчается быстрое увеличеніе производительности желѣзодѣлательной промышленности. Съ открытіемъ Томаса въ 1879-мъ году начинается утилизація богатыхъ лотарингскихъ залежей фосфорной руды. Всѣ условія соединились здѣсь для пониженія цѣнъ: стаціонарный спросъ, усиленное производство при сокращенныхъ издержкахъ. То же самое относится и къ каменному углю: потребленіе его лишь очень медленно возрастаетъ, а въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства, особенно же въ металлургическомъ производствѣ, потребленіе угля даже сократилось. И въ то же время производство угля усиливается. Германія приступаетъ къ эксплоатаціи своего богатаго

Рурскаго бассейна. Удивительно ли, что цѣны начинаютъ падать? То же явленіе замѣчается и въ производствѣ хлѣба. Спросъ остается стаціонарнымъ, такъ какъ промышленность не развивается. Въ то же время усовершенствованіе морскаго сообщенія ведетъ къ увеличенію предложенія хлѣба. Американскій, русскій и даже индійскій хлѣбъ конкуррируетъ въ Англіи, во Франціи и въ Германіи съ отечественнымъ производствомъ хлѣбовъ. Во Франціи сельское хозяйство переживаетъ сверхъ того и филоксерный кризисъ, который разоряетъ винодѣліе. Цѣны на хлѣбъ падаютъ, урожай винограда сокращается. Доходъ съ земледѣлія — заработная плата, рента—падаетъ, а мѣстами даже исчезаетъ. Во Франціи цѣнность урожая хлѣбовъ упала съ 3238 милліоновъ франковъ въ 1874-мъ году до 1633 милліона франковъ въ 1897-мъ году. Цѣнность продуктовъ винодѣлія колебалась въ 1873-мъ году около 1600 милліоновъ франковъ; она упала на 700 и 800 милліоновъ франковъ въ періодъ между 1885-мъ и 1895-мъ годами.

Кризисъ въ двухъ такихъ значительныхъ отрасляхъ производства, какъ горное и металлургическое, и послѣдующій за нимъ кризисъ земледѣлія и винодѣлія должны были отразиться на всѣхъ другихъ отрасляхъ производства. Пониженіе цѣнъ на товары и сокращеніе доходовъ должны были распространиться повсюду. И этимъ объясняется всеобщее пониженіе цѣнъ на товары и производительныя услуги и пониженіе прибыли, имѣвшія мѣсто въ разсматриваемомъ періодѣ. Сокращеніе спроса на капиталъ очень ясно видно изъ статистики эмиссіи бумагъ. О сокращеніи спроса на рабочія руки свидѣтельствуетъ развитіе эмиграціи и статистика нерабочихъ дней. [1]) Это, кстати, показываетъ намъ, какъ несостоятельно ученіе, которое видитъ въ одномъ увеличеніи народонаселенія причину повышенія спроса на земледѣльческіе продукты; требуется еще, чтобы это возрастающее населеніе нашло себѣ занятіе въ производствѣ.—И это сокращеніе спроса на капиталъ и на рабочія руки выражается въ пониженіи заработной платы, въ пониженіи процента. Стаціонарный спросъ, растущее предложеніе, вслѣдствіе техническихъ усовершенствованій и пробужденія новыхъ странъ,—вотъ причина всеобщаго пониженія цѣнъ въ періодѣ между 1873-мъ и 1896-мъ годами.

[1]) См. Annuaire statistique de la France, (Статистическій Ежегодникъ Франціи) 1910, Парижъ, 1911, стр. 162* и 163*.

Какъ въ періодъ между 1850-мъ и 1873-мъ годами повышеніе цѣнъ не охватывало одинаково всѣхъ отраслей производства, такъ точно не охватывало одинаково всѣхъ отраслей производства пониженіе цѣнъ періода 1873—1896-го года. Оно не было также одинаковымъ и для всѣхъ видовъ дохода. Особенно чувствительными для пониженія цѣнъ оказались горные и металлическіе продукты, а также хлѣба, тогда какъ мясо и текстильные продукты оказались менѣе затронутыми этимъ процессомъ. Мы уже указали на то, какимъ образомъ въ металлургическомъ производствѣ и въ производствѣ хлѣбовъ возникло глубокое несоотвѣтствіе между спросомъ и предложеніемъ. Въ этихъ отрасляхъ хозяйственной дѣятельности сокращеніе доходовъ было особенно сильно; здѣсь больше всего понижаются прибыль, рента и заработная плата.

Но пониженіе цѣнъ не было также одинаковымъ и для всѣхъ категорій дохода: прибыль оказалась категоріей, наиболѣе чувствительной къ пониженію цѣнъ. Впрочемъ, именно этимъ пониженіемъ прибыли въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства и объясняется экономическій упадокъ. Начало упадка исходитъ изъ сокращенія прибыли въ предпріятіяхъ желѣзныхъ дорогъ и изъ замедленія желѣзнодорожнаго строительства. Упадокъ выражается

также и въ уменьшеніи земельной ренты, которое произошло вслѣдствіе конкуренціи болѣе дешеваго хлѣба; покупательная сила и сбереженія земледѣльческаго населенія сократились. Только повышеніе спроса въ какой-нибудь крупной отрасли промышленности въ состояніи было остановить это длительное пониженіе цѣнъ. Такое повышеніе спроса началось около 1895-го года подъ вліяніемъ примѣненія электричества и бензинныхъ двигателей.

c) Какъ примѣненіе пара съ 1850-го года, такъ и примѣненіе электричества и бензинныхъ двигателей съ 1895-го года, открываютъ собою періодъ всеобщаго повышенія цѣнъ. Въ послѣднемъ періодѣ дѣйствіе это еще усиливается вслѣдствіе пробужденія новыхъ странъ,— Аргентины, Бразиліи, — куда направлялись въ періодъ депрессіи европейскіе эмигранты. Спросъ опять опередилъ предложеніе и, въ первую очередь, спросъ на продукты горной и металлургической промышленности: уголь, чугунъ, сталь, мѣдь.

Интенсивность спроса такъ сильна, что, не смотря на быстрое и значительное увеличеніе производства, т. е. предложенія [1]), цѣны въ то же время замѣтно и непрерывно растутъ. Кромѣ электрической промышленности (трамваевъ, двигателей, освѣщенія), развитіе которой связано было съ широкимъ потребленіемъ металлургическихъ продуктовъ, на повышеніе цѣнъ вліяли также и автомобильная промышленность, морскія сооруженія коммерческихъ и военныхъ судовъ, вызванныя развитіемъ строительнаго дѣла и, наконецъ, проведеніе сѣти

[1]) Это увеличеніе предложенія чугуна и стали обязано всеобщему примѣненію процесса Томаса, открытію залежей желѣзной руды въ области Великихъ Озеръ въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Брійѣ во Франціи.

иностранныхъ желѣзныхъ дорогъ; канадскихъ, аргентинскихъ, бразильскихъ [1]).

Неудивительно, что при этомъ такъ быстро и значительно развился спросъ на сталь и на мѣдь, и что цѣны повысились, не смотря на значительное увеличеніе производства и на введеніе всевозможныхъ техническихъ усовершенствованій въ производствѣ (всеобщее примѣненіе процесса Томаса, утилизація газа доменныхъ печей, какъ двигательной силы).

Но это повышеніе цѣнъ и увеличеніе производства привело къ созданію новыхъ промышленныхъ классовъ и новаго дохода: прибыли, процента на капиталъ, заработной платы. Спросъ на текстильные продукты, на продукты земледѣлія поднялся. Вмѣстѣ со спросомъ повысились также и цѣны, и опять,—точно такъ же, какъ и сорокъ лѣтъ тому назадъ,—начали говорить о быстромъ вздорожаніи жизни. Къ тому же теперь уже, не смотря на быстрый ростъ спроса, предложеніе лишь медленно повышалось. Больше того: въ Европѣ предложеніе, чуть ли даже не сократилось для нѣкоторыхъ продуктовъ и въ особенности для хлѣба, такъ какъ одна изъ крупнѣйшихъ странъ вывоза хлѣба, Соединенные Штаты, перестала вывозить вслѣдствіе заселенія своей территоріи. Правда, появились новыя страны экспорта хлѣба, изъ которыхъ главною является Аргентина. Но сомнительно, компенсируется ли пониженіе американскаго экспорта этимъ новымъ экспортомъ.

Повышеніе спроса, медленный ростъ или застой предложенія,— вотъ причина вздорожанія жизни. Поэтому можно судить, какъ несостоятельно объясненіе, которое

[1]) О развитіи желѣзнодорожной сѣти въ Аргентинѣ см. G. Lafon: L'évolution économique de la République Argentine (экономическая эволюція аргентинской республики) въ Journal des Economistes, іюнь 1912 и особенно карты на стр. 426.

приписываетъ причину вздорожанія жизни мѣрамъ протекціонизма. Мѣры протекціонизма могутъ развѣ только усилить это повышеніе цѣнъ, причина котораго кроется совсѣмъ въ другомъ, а именно въ повышеніи доходовъ: прибыли, процента, заработной платы, и въ увеличеніи народонаселенія въ торговыхъ и промышленныхъ городахъ [1]).

Несостоятельнымъ оказывается, стало быть, и другое объясненіе, которое приписываетъ причину повышенія цѣнъ повышенію заработной платы или увеличенію издержекъ производства, вытекающему изъ соціальнаго законодательства. Явленіе повышенія цѣнъ безконечно сложнѣе: оно коренится въ строгой солидарности между цѣнами на товары и на производительныя услуги и въ тѣсной солидарности цѣнъ на товары самыхъ разныхъ отраслей производства.

Экономическое оживленіе, начавшееся съ электрической и металлургической промышленности, отразилось на сельскомъ хозяйствѣ и на другихъ отрасляхъ производства. И кругъ закончился, когда оживленіе сельскаго хозяйства и всѣхъ другихъ отраслей производства опять передалось тѣмъ самымъ отраслямъ производства, которыя были исходною точкою повышательнаго движенія. Мы обладаемъ статистическими данными, которыя позволяютъ намъ съ достаточною точностью опредѣлить размахъ этого экономическаго оживленія, которое послужило причиною повышенія цѣнъ; данныя эти мы находили въ статистикѣ эмиссіи бумагъ, въ особенности промышленныхъ бумагъ и бумагъ кредитныхъ обществъ.

[1]) Для нѣкоторыхъ пограничныхъ городовъ или городовъ, расположенныхъ по близости отъ крупныхъ центровъ, слѣдуетъ учесть также и вліяніе улучшенія транспорта (скорости, тарифа). Впрочемъ, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ чисто мѣстными причинами. Повышеніе же цѣнъ всемірное явленіе. Поэтому мы ограничиваемся однимъ только указаніемъ на него.

Въ разсматриваемомъ періодѣ кривая дивидендовъ быстро подымается даже во Франціи, мы склонны были бы сказать—въ особенности во Франціи: наша страна, обдѣленная чернымъ углемъ, зато широко снабжена бѣлымъ углемъ (водяною силой).

Мы полагаемъ, что намъ удалось такимъ образомъ, хотя и кратко, но достаточно полно доказать ту гипотезу, на основаніи которой мы строили объясненіе всеобщаго повышенія цѣнъ. Повышеніе прибыли въ той или иной отрасли промышленности, развитіе новыхъ отраслей промышленности влекутъ за собою всеобщее повышеніе цѣнъ. И наоборотъ. Это проливаетъ нѣкоторый свѣтъ и на будущее направленіе движенія цѣнъ. Электрическая и автомобильная промышленность еще не исчерпали своего дѣйствія ни въ Америкѣ, ни въ Европѣ. Новыя страны еще недостаточно обслуживаются ими. До сихъ поръ недоступное для насъ огромное государство, Китай, открывается для цивилизаціи. Промышленный подъемъ еще не достигъ своей конечной точки. Можно поэтому предсказывать еще дальнѣйшее повышеніе цѣнъ на сталь, на мѣдь. Что касается угля, съ которымъ конкуррируетъ электричество, а въ послѣднее время и мѣдь, то здѣсь такое повышеніе цѣнъ менѣе вѣроятно. Можно ожидать также повышенія цѣнъ на съѣстные припасы. Какъ же обстоитъ дѣло съ предложеніемъ? Новые способы удобренія полей дали уже въ Европѣ все, что можно было отъ нихъ ожидать, и меньше всего можно разсчитывать на увеличеніе интенсивности земледѣлія въ Европѣ. Только новыя страны экспорта, какъ Аргентина, Канада, могутъ еще оказывать вліяніе на предложеніе хлѣбовъ. Но эти страны быстро населяются. Можетъ быть черезъ нѣкоторое время и они тоже сами начнутъ потреблять свои продукты, какъ это сдѣлали Соединенные Штаты. Однако, время это пока еще, кажется, далеко. И къ счастію, ибо въ противномъ случаѣ вздорожаніе

жизни шло бы въ слишкомъ ускоренномъ темпѣ. Всеобщее повышеніе цѣнъ, вѣроятно, еще будетъ продолжаться. [1]) Но, когда новыя отрасли промышленности исчерпаютъ все свое дѣйствіе, тогда, можетъ быть, или, вѣроятно, опять начнется періодъ всеобщаго пониженія цѣнъ.

Таковы выводы. Но раньше, чѣмъ докончить этотъ анализъ колебанія цѣнъ, мы считаемъ нужнымъ выяснить, въ какой степени наша теорія затрагиваетъ нѣкоторыя другія экономическія положенія.

Прежде всего для человѣчества не безразличенъ самый фактъ колебанія цѣнъ. Жалуются на повышеніе цѣнъ. Однако, повышенія цѣнъ являются періодами наиболѣе быстраго прогресса производства, т. е. дѣйствительнаго экономическаго прогресса. Безъ сомнѣнія, отъ вздорожанія пищи страдаютъ интересы лицъ, доходъ которыхъ фиксированъ, но эти лица составляютъ меньшинство. Доходъ же всего остального населенія прогрессивно возрастаетъ. И особенно повышаются доходы государства вслѣдствіе увеличенія поступленій съ налоговъ. Доходы стремятся придти въ равновѣсіе съ цѣнами. Безъ сомнѣнія, это требуетъ времени. Несомнѣнно также, что, въ зависимости отъ сбора урожая и случайностей сезона, реальный доходъ повышается быстрѣе или медленнѣе номинальнаго. Ибо цѣны на предметы первой необходимости быстро повышаются въ случаѣ плохого урожая. Но со временемъ равновѣсіе устанавливается. Повышаются не только номинальные, но и реальные доходы. Да иначе и не можетъ быть, разъ производство увеличивается еще быстрѣе, чѣмъ народонаселеніе. Особенно замѣчается это во Франціи, гдѣ количество народонаселенія остается стаціонарнымъ въ то время, какъ національное производство возрастаетъ. Поэтому, если потребители жалуются на вздорожаніе пищи и на увеличеніе своего расходнаго бюджета, то пусть они обратятъ вниманіе на другую сторону своего бюджета, на приходъ. Если имъ теперь приходится переживать тяжелое время вслѣдствіе плохого урожая, то они могутъ зато взирать на будущее съ надеждой. Тучныя коровы послѣдуютъ за тощими. Впрочемъ, развѣ всеобщее повышеніе цѣнъ на товары было бы возможно безъ повышенія спроса, т. е. дохода потребителей и ихъ покупательной силы?

Изъ этого мы видимъ также, насколько преувеличенными являются всѣ тѣ разсужденія, которыя приписываютъ свободной конкурренціи способность вызывать пониженія цѣнъ. И при свободѣ конкурренціи цѣны могутъ понижаться и повышаться. Польза свободной конкурренціи состоитъ скорѣе въ томъ, что она стимулируетъ и возбуждаетъ дѣятельность и иниціативу промышленниковъ и торговцевъ.

Точно такъ же нельзя объяснить всеобщее повышеніе цѣнъ существованіемъ трестовъ и монополій. Ибо они охватываютъ только опредѣленную область, ограниченную нѣкоторыми отраслями производства. И къ тому же монополіи только тамъ могутъ стать факторомъ повышенія цѣнъ, гдѣ состояніе спроса, а, слѣдовательно, и увеличеніе доходовъ позволяетъ это повышеніе цѣнъ.

Нельзя также объяснить колебанія цѣнъ закономъ паденія процента на капиталъ. Не имѣетъ отношеніе къ нашему вопросу также и знаменитый споръ между сторонниками свободы торговли и сторонниками протекціонизма о томъ, ведетъ ли свободная торговля къ удеше-

[1]) Между прочимъ, ближайшій періодъ будетъ для насъ крайне интересенъ, ибо производство золота какъ будто начинаетъ сокращаться, и, можетъ быть, мы тогда сумѣемъ констатировать, что сокращеніе производства золота можетъ тѣмъ не менѣе сопровождаться всеобщимъ повышеніемъ цѣнъ.

вленію, а протекціонизмъ къ вздорожанію жизни. Разсматривать нашу проблему подъ угломъ зрѣнія этихъ вопросовъ было бы до крайности узко—тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о проблемѣ всеобщаго движенія, т. е. о всемірномъ спросѣ и предложеніи товаровъ и факторовъ производства и о солидарности разныхъ отраслей производства,— когда рѣчь идетъ о явленіи, замѣчаемомъ въ каждой странѣ, все равно, господствуетъ ли въ ней протекціонизмъ или свобода торговли.

Наконецъ, не слѣдуетъ также утверждать, что рента и рабочая плата непрерывно стремятся къ повышенію. Онѣ могутъ въ разное время какъ повышаться, такъ и понижаться.

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію, что наша проблема всеобщаго повышенія и пониженія цѣнъ является выраженіемъ тѣсной солидарности, существующей между всѣми элементами экономической дѣятельности. Эту солидарность обыкновенно разсматривали съ точки зрѣнія статики; указывали на гармонію интересовъ земледѣлія и торговли, предпринимателей и рабочихъ. Вальрасъ опредѣлилъ экономическое равновѣсіе съ точки зрѣнія статики и показалъ солидарность между рынкомъ товаровъ и рынкомъ производительныхъ услугъ. Мы пытались опредѣлить ее съ точки зрѣнія динамики, и мы видѣли, какимъ образомъ развитіе одной какой-нибудь отрасли производства можетъ дать толчокъ всеобщему движенію производства и цѣнъ.

Возникновеніе новыхъ отраслей промышленности раньше всего знаменуется ростомъ спроса, цѣнъ и доходовъ въ центральной отрасли капиталистическаго производства, въ горной и металлургической промышленности. Волна промышленнаго оживленія передается отъ этихъ отраслей къ сосѣднимъ отраслямъ промышленности и къ земледѣлію и, совершая такимъ образомъ свой кругъ, возвращается обратно къ первымъ, породившимъ

ее, отраслямъ производства. Непрерывный ростъ произведенныхъ цѣнностей въ различныхъ отрасляхъ производства и одновременный ростъ доходовъ производителей, возрастаніе спроса на товаръ и увеличеніе сбереженій населенія ведутъ къ всеобщему и быстрому подъему производства и цѣнъ. Но физіономія промышленности совершенно измѣнится, когда эти новыя отрасли промышленности пройдутъ періодъ своего основанія. Цѣнность обмѣнивается на цѣнность. Каждое увеличеніе цѣнности въ той или иной отрасли отражается на другихъ отрасляхъ производства, и наоборотъ. Экономическій міръ приводится, такимъ образомъ, въ движеніе силою изобрѣтенія, появленіемъ новыхъ потребностей, возникновеніемъ новыхъ отраслей промышленности. Всѣ эти силы безпрерывно измѣняютъ центръ тяготѣнія экономической жизни, равновѣсіе которой всегда устанавливается подъ эгидою дѣйствія закона спроса и предложенія. Отсюда вытекаютъ и явленія всеобщаго повышенія и пониженія цѣнъ.

Перев. С. Маріолинъ.

Артуръ Зальцъ.

Вздорожаніе хлѣба на міровомъ рынкѣ.

Въ концѣ 40-хъ и въ началѣ 50-хъ годовъ, вслѣдствіе продолжительныхъ неурожаевъ и болѣзни главнѣйшихъ полевыхъ злаковъ, въ Европѣ господствовалъ всеобщій кризисъ народнаго хозяйства, а въ странахъ съ нецѣлесообразнымъ распредѣленіемъ земельной собственности, особенно въ южной Германіи и въ Ирландіи, царилъ сельско-хозяйственный кризисъ, который отрывалъ обѣднѣвшихъ крестьянъ отъ земли ихъ отцовъ и, съ благословленія ихъ отечественнаго правительства, гналъ ихъ за океанъ. Въ то время появилась небольшая брошюра Рошера подъ заглавіемъ „Хлѣбная торговля и политика вздорожанія жизни“. Примѣняя естественно-научный методъ къ объясненію соціально-экономическаго явленія, Рошеръ писалъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ извѣстной регулярно повторявшейся болѣзнью, и что государственные дѣятели и ученые должны изучать эту болѣзнь такъ же, какъ изучаетъ своего пацієнта врачъ, который, на основаніи знанія здорового организма и его функцій, опредѣляетъ специфическій характеръ болѣзни и средства ея излѣченія и даетъ указанія, какъ сохранить здоровье выздоровѣвшаго. Слѣдуя этой аналогіи, Рошеръ въ началѣ своей брошюры предпосылалъ физіологическую часть, въ которой описывалъ особенности рынка средствъ существованія, затѣмъ перешелъ къ патологически-терапевтической части, въ которой разсматривалъ различные виды вздорожанія жизни и испытанные рецепты ихъ исцѣленія и, наконецъ, закончилъ діэтическою частью, въ которой давалъ гигіену хлѣбной

торговли. Подобное безпристрастное отношеніе къ этому вопросу было для того времени совершенно новымъ, да и до сихъ поръ все еще не находитъ себѣ должнаго подражанія: вѣдь и теперь еще не устарѣли слова Бурка, который говорилъ, что въ вопросѣ объ обезпеченіи средствами жизни диллетантское знахарство опаснѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, особенно въ такое время, когда люди больше всего склонны ему вѣрить, т. е. во время вздорожанія жизни. Ни въ какой другой области мы не встрѣчаемся съ такою силою страстей и съ такимъ безсиліемъ мыслей, какъ здѣсь, и ни въ какой другой области не господствуетъ такого множества безсмысленныхъ предразсудковъ. Брошюра Рошера могла поэтому разсчитывать на сильный актуальный интересъ: опубликованная въ голодный годъ 1846—47, она вышла вторымъ изданіемъ въ 1851 и 1852-мъ году,—но съ тѣхъ поръ ужъ больше не переиздавалась. Ибо за это время она утратила свой актуальный интересъ: положеніе вещей, которое Рошеръ, имѣлъ въ виду, когда онъ составлялъ свою брошюру, кореннымъ образомъ измѣнилось и, точно такъ же, какъ середина 19-го столѣтія ознаменовалась недостаткомъ хлѣба и чрезмѣрно высокими цѣнами на хлѣбъ, а экономическая политика являлась политикою противъ вздорожанія, такъ послѣдняя треть 19-го вѣка прошла, напротивъ, подъ знакомъ чрезвычайнаго изобилія хлѣба, а экономическая политика стала политикою противъ удешевленія жизни. Такъ называемый послѣдній аграрный кризисъ выражался въ томъ, что низкія цѣны на хлѣбъ, господствовавшія на міровомъ рынкѣ не могли принести ни достаточнаго процента на вложенный въ землю капиталъ, ни тѣмъ болѣе чистой земельной ренты. Но и это положеніе вещей измѣнилось,—сказать ли, что это произошло благодаря экономической политикѣ, или же не смотря на нее?—и теперь мы опять стоимъ подъ новымъ знакомъ времени. Мы стоимъ въ центрѣ движенія, которому мы еще не можемъ предвидѣть конца, которое опять мѣняетъ данный уровень цѣнъ и традиціонныя понятія о цѣнахъ: мы снова переживаемъ періодъ повышенія цѣнъ. Движеніе это, хотя и не съ одинаковою силою и не одновременно, охватываетъ, однако, всѣ предметы и товары, затрагиваетъ интересы всѣхъ соціальныхъ классовъ, особенно низшихъ, благосостояніе кото-

рыхъ составляетъ такъ сказать крайній предѣлъ матеріальной культуры народа, — и можетъ быть названо важнѣйшимъ соціально-экономическимъ явленіемъ нашихъ дней.

Кругомъ насъ мы видимъ расцвѣтъ экономической жизни, благосостояніе растетъ, но никого какъ бы не радуетъ: каждому приходится тратить все больше силъ для того, чтобы отвоевать себѣ свою долю въ этомъ всеобщемъ ростѣ благосостоянія.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что повышеніе цѣнъ на средства существованія носитъ всеобщій характеръ: намъ не надо ссылаться на цифры статистики, которыя всегда заднимъ числомъ, когда все уже прошло, поучаютъ насъ о томъ, что что-то было,—каждый чувствуетъ, такъ сказать, на собственномъ тѣлѣ, что жизнь стала дороже. Цѣны на хлѣбъ достигли неслыханной еще въ теченіе 40 лѣтъ высоты, и это не только въ Германіи, но еще сильнѣе и въ Австро-Венгріи (которая чуть ли не до вчерашняго дня еще была аграрною страною), во Франціи, которая всегда находилась въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ народнаго питанія и даже въ прославленной Англіи: различные народные волненія и безпорядки, то тутъ, то тамъ вспыхивающіе на различныхъ концахъ міра, стоятъ въ очевидной связи съ этимъ вздорожаніемъ жизни, ибо высокія цѣны на предметы потребленія раньше всего затрагиваютъ интересы низшихъ классовъ, особенно тогда, когда онѣ совпадаютъ съ промышленной депрессіей и растущею безработицею, вызванной ею.

И все это происходитъ въ нашемъ прославленномъ періодѣ міроваго хозяйства! Правда, въ прежнія времена, когда каждый городъ, каждая деревня и чуть ли не каждая усадьба представляли собою самодавлѣющее, само въ себѣ замкнутое, само себя обслуживающее хозяйственное цѣлое, колебанія цѣнъ были гораздо рѣзче, и дѣйствіе ихъ было гораздо суровѣе. Времена изобилія быстрою чередою смѣнялись временами нужды, голода и его спутниковъ,—чумы и преступленія; и прямо-таки геніальнымъ былъ тотъ моментъ всемірной исторіи, когда удалось парализовать эти колебанія, ослабить ихъ напряженіе, когда по всему земному шару растянулась вѣтвистая сѣть сообщенія, когда всѣ страны міра были

вдвинуты въ одинъ огромный хозяйственный кругъ, и выработалось новое законодательство, которое не только разрѣшало, но даже поощряло свободный обмѣнъ продуктовъ между всѣми странами. Теперь весь міръ сталъ всеобщею огромною пашней, на которой всходили хлѣба всего человѣчества; народы множились и росли, и не только хлѣба хватало для всѣхъ, но и жизнь каждаго могла быть обставлена удобнѣе и лучше; теперь исполнилось пророчество мудраго Галліани: искусство управленія (l'art de gouvernement) достигло своего завершенія, ибо для Галліани искусство это состояло въ томъ, чтобы овладѣть природою и заставить ее творить чудеса и на ограниченной площади земли прокормить больше людей, чѣмъ могло бы быть прокормлено ихъ собственными силами и средствами. Впервые во всемірной исторіи за организацію широкой торговли съѣстными припасами, особенно хлѣбомъ, могли приняться частныя лица, и функціи этой торговли не заключались уже больше въ томъ, чтобы, какъ въ прежнія времена, спекулировать на мѣстные или частичные случаи голода, — исходною точкою ея комерческаго разсчета стало уже не пространство, а время, и она могла приносить прибыль только потому, что товаръ закупался въ одинъ моментъ, а продавался въ другой: „время, воистину, становится здѣсь пространствомъ“. Развитіе средствъ сообщенія разрѣшило и казавшуюся до сихъ поръ неразрѣшимою проблему транспорта тяжеловѣсныхъ, но малоцѣнныхъ массовыхъ продуктовъ. Въ прежнія времена транспорты хлѣба были возможны лишь тогда, когда между цѣнами на мѣстѣ вывоза и цѣнами на мѣсто ввоза существовала значительная разница. Въ началѣ 19-го вѣка Джекодъ вычислилъ, что, если въ окрестности Варшавы четверть пшеницы стоитъ 28 шиллинговъ, то ея доставка въ Лондонъ должна обойтись въ 20 шиллинговъ (т. е. 78% первоначальной цѣны). Теперь же пшеница, за которую платятъ въ Буэносъ-Айресѣ 119 марокъ, обходится въ Манхеймѣ въ 136—140 марокъ.

Развитіе торговли и сообщенія вызвало радикальный переворотъ, въ которомъ мы не всегда отдаемъ себѣ ясный отчетъ: оно создало то самодѣятельное и спонтанейное приспособленіе предложенія къ спросу, при которомъ всегда хватаетъ для всѣхъ, и въ то же время ни-

когда не бываетъ слишкомъ много. Это дало намъ то чувство абсолютной увѣренности въ томъ, что мы всегда обезпечены будемъ средствами существованія, которое должно было совершенно отсутствовать въ прежнія времена. Ибо теперь каждый знаетъ, что ему завтра и послѣ-завтра не придется голодать и, какъ бы тяжело ни сложилась его жизнь, насущный хлѣбъ свой онъ будетъ всегда имѣть. Его планы могутъ идти поэтому гораздо дольше завтрашняго дня.

Но это чувство обезпеченности куплено тяжелою цѣною: непреодолимою зависимостью каждаго хозяйства отъ всѣхъ остальныхъ, тѣмъ, что матеріальное существованіе каждаго отдѣльнаго все больше сплетается со все болѣе широкимъ кругомъ хозяйствъ. И, если послѣдній уединеннѣйшій житель горъ знаетъ теперь, что онъ всегда можетъ достать себѣ ту же пищу, что и горожанинъ, то зато съ другой стороны въ его уединенной горной хижинѣ отзывается также и каждое замѣшательство въ Аргентинѣ или въ Канадѣ. Подобно тому, какъ сейсмографъ на разстояніи многихъ тысячъ миль показываетъ землетрясеніе, такъ колебанія цѣнъ на главнѣйшія средства существованія доводятъ до нашего сознанія, что весь земной шаръ превратился въ одинъ огромный хозяйственный раіонъ, и что на мѣсто борьбы всѣхъ противъ всѣхъ наступила солидарность всѣхъ со всѣми.

Чтобы освободиться отъ этой зависимости, вырваться изъ связывающаго ихъ круга взоимоотношеній, отдѣльныя государства (въ защиту отъ мірового хлѣба) окружили себя стѣною охранительныхъ пошлинъ, чтобы обезпечить за собою возможность обслуживать себя собственнымъ хлѣбомъ и отстоять отечественное земледѣліе, или, вѣрнѣе, отечественную ренту, отъ всемірной ренты.

Одинъ изъ современныхъ и далеко не лишенныхъ остроумія историковъ римской имперіи справедливо замѣтилъ, что, если бы какой-нибудь житель античнаго міра вдругъ снова явился на землю, то ничто не удивило бы его такъ, какъ наши хлѣбныя пошлины. Въ прежнія времена не было страны, которая могла бы безъ труда производить количество хлѣба, нужное для ея собственнаго потребленія, и даже страны изобильныхъ урожаевъ, какъ Египетъ, Сицилія и Крымъ, предпочитали сохранять свои запасы у себя. Капиталистическія

страны древности не только не накладывали узды на импортъ, но старались даже какъ можно больше его поощрять, и всѣ ихъ стремленія больше всего были направлены на то, чтобы распространить свое владычество на возлюбленныя Церерою земли и получить возможность брать оттуда сколько угодно хлѣба. Снабженіе Рима хлѣбомъ стало, дѣйствительно, однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ Римской политики съ тѣхъ поръ, какъ Римъ сталъ міровымъ городомъ. И Полибій, который лучше, чѣмъ кто бы то ни было, понялъ, что съ основаніемъ Римской Имперіи начинается новое направленіе историческаго развитія, и который видѣлъ въ римской imperium начало органическаго періода всемірной исторіи, не знаетъ ни о какихъ охранительныхъ пошлинахъ, которыя требовались бы для того, чтобы скрѣплять это органическое единство. Въ самомъ дѣлѣ, только расширенію площади, снабжающей насъ хлѣбомъ, мы обязаны тѣмъ, что современный промышленный капитализмъ могъ до сихъ поръ развиваться безъ рабства и безъ хроническихъ войнъ. Античный капитализмъ не могъ существовать безъ войнъ и безъ борьбы человѣка съ человѣкомъ; современный капитализмъ замѣнилъ это борьбою человѣка съ природою и побѣдою человѣка надъ природой. Въ этой борьбѣ успѣшнѣе всѣхъ оказались тѣ народы, которые первые поняли духъ развитія и быстрѣе всѣхъ приспособились къ нему.

Но это развитіе необходимо должно было оттѣснить назадъ нѣкоторыя національныя и консервативныя, тяжелыя на подъемъ, отрасли экономической дѣятельности, въ особенности земледѣліе, и отъ нихъ-то и началось обратное движеніе, которое постепенно охватило одну страну за другой. Скоро раздался лозунгъ: перепроизводство хлѣба и недостатокъ средствъ платежа разоряютъ земледѣліе, поэтому охранительныя пошлины и биметаллизмъ должны явиться лучшими орудіями спасенія.

Дважды во всемірной исторіи изъ далекаго запада данъ былъ толчокъ къ крупнымъ экономическимъ переворотамъ: въ 16-мъ столѣтіи, когда избытокъ земныхъ сокровищъ Америки, американское золото, грозило задушить старѣйшую крупную промышленность въ Европѣ—производство благородныхъ металловъ—и въ 19-мъ столѣтіи, когда благодать американскихъ злаковъ грозила

затопить континентальное сельское хозяйство—и оба раза то, что казалось сначала бѣдствіемъ и зломъ, оказалось въ конечномъ результатѣ счастливымъ даромъ судьбы. Ибо, только благодаря приливу американскаго золота, могъ совершиться переходъ къ промышленности, который начался еще съ 15-го столѣтія, но изъ-за отсутствія денегъ не могъ осуществиться, и земледѣліе могло выйти изъ состоянія депрессіи, въ которомъ оно тогда находилось, и только благодаря американскому хлѣбу промышленность могла въ 19-мъ вѣкѣ совершить свой побѣдный путь по земному шару.

Охранительныя пошлины же оказались безсильными: онѣ могли хотя замедлить развитіе, но не могли его остановить и въ результатѣ дали совершенно противоположное тому, чего онѣ добивались. Ибо государства, которыя начинали замыкаться другъ отъ друга, развили каждое свою собственную промышленность и породили растущія массы населенія съ растущимъ потребленіемъ. Они вынуждены были опять обратиться за хлѣбомъ къ міровому рынку; но за это время этотъ рынокъ измѣнился, въ его распоряженіи оказалось меньше излишковъ, и вотъ почему въ наше время чувствительность къ колебаніямъ цѣнъ на міровомъ рынкѣ съѣстныхъ припасовъ оказалась сильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было раньше.

Если такимъ образомъ не можетъ быть сомнѣнія въ экстенсивности, во всеобщей распространенности современнаго вздорожанія жизни, то возникаетъ еще вопросъ, имѣемъ ли мы дѣло съ временнымъ, „кажущимся“, или же съ хроническимъ и „настоящимъ“ вздорожаніемъ жизни. Правительственнаго чиновника, который долженъ заботиться о потребностяхъ момента, интересуютъ больше временныя явленія, но для государственнаго дѣятеля, которому ввѣрена судьба цѣлаго государства, на первомъ планѣ должны стоять крупныя, продолжительныя тенденціи развитія. Отвѣтъ на этотъ вопросъ дастъ намъ разсмотрѣніе различныхъ причинъ, къ которымъ можетъ быть сведено вздорожаніе жизни.

Было бы слишкомъ наивно приписывать вздорожаніе жизни дѣйствію спекулятивныхъ махинацій; на самомъ дѣлѣ мы видимъ совершенно обратное соотношеніе, и спекуляція à la hausse возможна только потому, что

цѣны на хлѣбъ высоки. Ибо спекуляція, даже если она ведется въ такомъ широкомъ стилѣ, какъ послѣднее время въ Америкѣ, можетъ имѣть дѣло только съ тѣмъ, что дано; она,—какъ, между прочимъ, всякая раціональная торговая политика,—можетъ только слѣдовать за ходомъ развитія, усиливать или ослаблять его, но она не можетъ вызывать самого этого развитія. Она является нѣкоторымъ образомъ только болѣе тонкимъ органомъ обонянія, который раньше всѣхъ чувствуетъ то, что носится въ воздухѣ. Въ самомъ дѣлѣ, теперь даже въ аграрныхъ кругахъ начали хладнокровнѣе относиться къ торговлѣ на сроки. Если, какъ полагаютъ многіе аграріи, торговля на сроки состоитъ только въ томъ, что покупки совершаются въ наиболѣе благопріятный моментъ, то въ настоящее время каждый крестьянинъ является спекулянтомъ на срокъ. Ибо въ настоящее время самый послѣдній крестьянинъ такъ хорошо освѣдомленъ о конъюнктурѣ хлѣбнаго рынка и имѣетъ столько возможностей получить кредитъ и задатки въ счетъ будущаго урожая, что не приходится больше прибѣгать къ принудительнымъ продажамъ въ наиболѣе неблагопріятный моментъ, и онъ можетъ ad libitum сохранять у себя свои запасы. Если же, несмотря на это, насъ хотятъ увѣрить въ томъ, что причиною вздорожанія жизни является спекуляція, то сами эти увѣренія являются только спекуляціей аграріевъ на глупость и легковѣрность ихъ ближнихъ.

Даже въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ промышленность играетъ такую огромную роль, количество денежнаго обращенія и состояніе конъюнктуры во многихъ случаяхъ зависитъ отъ исхода урожая; въ такихъ же странахъ, какъ Англія, которая получаетъ 4/5 потребляемаго въ ней хлѣба изъ-за границы, конъюнктура и количество денежнаго обращенія зависятъ не отъ исхода отечественнаго, а мірового урожая. Въ этомъ отношеніи Англія находится въ болѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ Америка. Исходъ урожая является, слѣдовательно, активнымъ, двигательнымъ элементомъ, и, если современная дороговизна хлѣба могла бы быть сведена только къ положенію денежнаго рынка, то можно было бы въ концѣ концовъ считать ее временной и преходящей.

Нѣсколько ближе подходятъ къ нашей проблемѣ тѣ, которые пытаются объяснить высокія цѣны на всѣ предметы жизни современнымъ развитіемъ торговой политики и хлѣбными пошлинами, которыя на самомъ дѣлѣ являются аграрными пошлинами. Въ самомъ дѣлѣ: когда мы видимъ, что такія почти еще аграрныя страны, какъ напр. Австро-Венгрія, которыя до сихъ поръ имѣли очень дешевый хлѣбъ, теперь, послѣ введенія охранительныхъ аграрныхъ пошлинъ, показываютъ наиболѣе высокія цѣны, то вздорожаніе жизни въ этихъ странахъ, находящихся къ тому-же въ неблагопріятномъ положеніи по отношенію къ міровому хлѣбному рынку, можетъ быть объяснено только существованіемъ этихъ охранительныхъ аграрныхъ пошлинъ. И, дѣйствительно, въ настоящее время цѣна на хлѣбъ въ Австріи и въ аргарной Венгріи почти ровно настолько выше цѣнъ на хлѣбъ въ Германіи, которая находится въ болѣе благопріятномъ положеніи по отношенію къ міровому рынку, сколько составляетъ высота пошлины плюсъ провозъ отъ мірового рынка. Тѣмъ не менѣе, было бы несправедливо считать одну только торговую политику отвѣтственной за повышеніе цѣнъ, ибо и торговая политика могла только усилить или сдѣлать болѣе чувствительнымъ движеніе, которое все равно наступило бы и при другомъ направленіи торговой политики. Охранительныя пошлины потому только могли привести къ высокимъ цѣнамъ на хлѣбъ, что на ряду съ ними была высока и цѣна мірового хлѣба, и такимъ образомъ конечную причину дороговизны мы должны искать въ самой міровой цѣнѣ на хлѣбъ и въ ея развитіи. Какъ и всякая рыночная цѣна, такъ и цѣна хлѣба на міровомъ рынкѣ является результатомъ условій спроса и предложенія, производства хлѣба съ одной стороны и роста народонаселенія—съ другой, потребности въ продажѣ и потребности въ питаніи, и зависитъ, слѣдовательно, отъ условій производства, потребленія и сбыта мірового хлѣба. Однако, въ образованіи цѣнъ на хлѣбъ имѣются нѣкоторыя специфическія особенности, отличающія его отъ образованія цѣнъ на другіе товары. Мы говоримъ здѣсь не о тѣхъ модификаціяхъ, какія вносятъ въ цѣну на хлѣбъ потребительныя привычки различныхъ народовъ и соціальныхъ классовъ, формы организаціи торговли и сообщенія и ихъ характеръ; по

ту сторону этихъ спеціальныхъ и національныхъ особенностей, изученіе которыхъ представляло бы, можетъ быть, свой собственный интересъ, имѣются еще и нѣкоторыя другія особенности всеобщаго характера, относящіяся къ міровому рынку и, правда, совершенно отличныя отъ тѣхъ, которыя во времена Рошера выступали еще на первомъ планѣ. Раньше всего хлѣбъ принадлежитъ въ настоящее время къ такъ называемымъ предметамъ малой гибкости; это значитъ, что небольшое измѣненіе цѣнъ не можетъ сильно повліять ни на предложеніе, ни на спросъ, и требуется уже довольно сильное и продолжительное измѣненіе цѣнъ для того, чтобы оно могло отразиться на условіяхъ спроса и предложенія на міровомъ рынкѣ. Такова общая формулировка этого явленія, которая, однако, въ такой постановкѣ еще слишкомъ груба, чтобы вскрыть тонкости различія, и можетъ только затушевать ее. Мнѣ представляется вѣроятнымъ, что хлѣбъ, напр., какъ самое всеобщее средство питанія, хотя и не можетъ быстро мѣняться въ цѣнѣ, но все же существуетъ извѣстная разница въ томъ, какъ вліяетъ на спросъ повышеніе или пониженіе цѣнъ: если при пониженіи цѣнъ на хлѣбъ потребленіе увеличивается, то повышеніе цѣнъ на хлѣбъ вовсе не приводитъ непремѣнно къ сокращенію его потребленія.

Дѣло въ томъ, что многіе предпочитаютъ скорѣе ухудшать условія своего питанія, чѣмъ отказываться отъ нѣкоторыхъ усвоенныхъ предметовъ комфорта, съ которыми связано для нихъ ихъ соціальное положеніе и съ отказомъ отъ которыхъ они чувствуютъ себя особенно деклассированными. Такъ, при наступающей дороговизнѣ,—особенно во времена всеобщаго экономическаго подъема, когда номинальные доходы не уменьшаются,—многіе скорѣе отказываются отъ употребленія мяса или покупаютъ конское мясо,—какъ это широко практиковалось нѣсколько лѣтъ тому назадъ,—или же снова возвращаются къ давно покинутымъ привычкамъ, напр., готовить пиво дома, вмѣсто того, чтобы заказывать его у трактирщика,—но у хозяйки дома должны быть непременно разныя шляпы для лѣта и для зимы, и она непремѣнно должна стараться одѣваться по модѣ и по сезону. Это, конечно, выступаетъ съ различною силою въ разныхъ странахъ и особенно сильно тамъ, гдѣ люди,

какъ говорится, склонны жить выше своихъ средствъ. Такой же характеръ носятъ и другія наблюденія, напр., то, что во времена вздорожанія жизни потребленіе алкоголя не сокращается, потому что люди пьютъ отъ голода, а не отъ жажды. Такое же наблюденіе было сдѣлано и въ текстильной промышленности: текстильные товары расходятся лучше всего не во времена благопріятной коньюнктуры, высокой заработной платы и сильнаго спроса на рабочія руки, а во времена спадающей коньюнктуры и сокращенія заработной платы, ибо населеніе вовсе не экономитъ на одеждѣ: съ ухудшеніемъ коньюнктуры, напротивъ, именно низкія цѣны усиливаютъ охоту покупать, тогда какъ высокія цѣны ослабляютъ ее, что и дало даже многимъ теоретикамъ поводъ для заключенія, что во времена промышленнаго подъема, отрасли производства, занятыя изготовленіемъ предметовъ непосредственнаго потребленія, показываютъ тенденцію къ сокращенію производства.

Хлѣбъ же,—и къ этому сводятся всѣ эти разсужденія,—не принадлежитъ къ тѣмъ предметамъ существованія, потребленіе которыхъ не только не сокращается при повышеніи цѣнъ, но, напротивъ, даже увеличивается, и поэтому возможно, что во времена растущихъ цѣнъ и дороговизны жизни цѣны на хлѣбъ повышаются именно потому, что другіе съѣстные припасы стали еще дороже, чѣмъ хлѣбъ, что хлѣбъ всегда еще является сравнительно наиболѣе дешевымъ средствомъ питанія. Ко всему этому присоединяется еще и нѣкоторая безпечность въ потребленіи, усвоенная во времена болѣе благопріятныхъ цѣнъ и выражающаяся въ томъ, что съ хлѣбомъ обращаются менѣе экономно, чѣмъ съ другими съѣстными припасами: повидимому, давно прошли тѣ времена, когда считалось тяжелымъ грѣхомъ противъ „Божьяго дара“ ронять на землю хлѣбныя крошки.

Можно пояснить эту мысль еще однимъ сравненіемъ. Предложеніе хлѣба, подобно предложенію постояннаго капитала, характеризуется тою особенностью, что производство его не можетъ быстро и легко повышаться. Но, тогда какъ для постояннаго капитала и для такъ называемыхъ предметовъ производительнаго потребленія спросъ колеблется, и многія затраты капиталовъ оказываются излишними, любой спросъ на хлѣбъ, разъ возникнувъ, всегда имѣетъ тенденцію стать постояннымъ и поглотить любое данное предложеніе; въ виду этого разъ наступившее повышеніе цѣнъ будетъ оставаться неизмѣннымъ до тѣхъ поръ, пока черезъ долгое время его не парализуетъ сильное увеличеніе предложенія.

Справедливо было указано на то, что предложеніе предметовъ существованія само создаетъ себѣ спросъ, что люди не могутъ больше потреблять и не потребляютъ больше, чѣмъ вообще имѣется съѣстныхъ припасовъ, и такимъ образомъ вось вопросъ сводится къ условіямъ производства мірового хлѣба.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что въ 19-мъ столѣтіи производства сельскаго хозяйства необычайно усилились какъ экстенсивно, такъ и интенсивно, и величайшимъ достиженіемъ 19-го вѣка является, рядомъ съ развитіемъ промышленности, также и не менѣе изумительное усиленіе производительности земледѣлія, которое за послѣднее столѣтіе успѣло больше, чѣмъ за предшествовавшее тысячелѣтіе,—вслѣдствіе чего только и стало возможнымъ настолько лучше и щедрѣе прокормить столь увеличившееся населеніе. Въ виду этого нѣкоторые оптимисты предсказывали, что 20-мъ вѣкѣ производительность хлѣба, напр., въ нѣмецкомъ земледѣліи, опять увеличится еще на 100%; однако, сомнительно, окажется ли то, что является технически возможнымъ, также и хозяйственно раціональнымъ, и не идетъ ли развитіе сельскаго хозяйства скорѣе къ тому, чтобы изъ всѣхъ полевыхъ злаковъ выбрать такіе, которые даютъ наибольшій хозяйственный эффектъ при наименьшей тратѣ питательныхъ соковъ земли, а этими злаками являются какъ разъ не хлѣбные злаки, а нѣкоторыя кормовыя травы. Дѣйствительно, уже начиная съ 60-хъ годовъ 19-го столѣтія, посѣвная площадь пшеницы и ржи въ Западной Европѣ постоянно сокращалась. Правда, при этомъ продолжала повышаться ихъ относительная производительность, но обезпеченіе населенія хлѣбомъ зависитъ не отъ относительныхъ, а отъ абсолютныхъ излишковъ производства, и потому Западная Европа, какъ область *производства* хлѣба вообще выходитъ изъ сферы мірового рынка, и проблема состоитъ скорѣе въ томъ, какъ обезпечивается міровымъ рынкомъ эта область чистаго *потребленія*.

Было бы ошибочно предполагать, что въ нормальные

годы имѣется избытокъ мірового урожая надъ міровыми потребностями; напротивъ, все количество хлѣба, поступающее на міровой рынокъ, сразу поглощается, а иногда его едва только хватаетъ или даже вовсе не хватаетъ для удовлетворенія всеобщей потребности. Возьмемъ для примѣра какой-нибудь средній годъ хотя бы 1905-ый. Производство пшеницы во всѣхъ соотвѣтствующихъ странахъ составляло 839 милліоновъ двойныхъ центнеровъ, а потребленіе 858 милліоновъ двойныхъ центнеровъ,—въ результатѣ получился недохватокъ пшеницы въ 19 мил. дв. цент. Этотъ дефицитъ могъ быть покрытъ излишками урожая 1904-го года, которые составляли около 34-хъ мил. дв. цент., такъ что по покрытіи этого дефицита остался еще запасъ въ 15 мил. дв. цент. къ 1906-му году.

Въ томъ же году производство ржи составляло 382, а потребленіе ржи 482 мил. дв. цент.: не хватало, слѣдовательно, 20 мил. дв. цент., и этотъ дефицитъ также былъ покрытъ приблизительно такихъ же размѣровъ запасомъ 1904-го года. То же самое относится и ко всѣмъ остальнымъ сортамъ хлѣба. При такихъ обстоятельствахъ было бы крайне неосновательнымъ предполагать какое бы то ни было перепроизводство хлѣба на міровомъ рынкѣ.

Мы перейдемъ теперь къ краткому обзору условій производства хлѣба на міровомъ рынкѣ, при чемъ будемъ различать три главныхъ района: условія производства въ Западной Европѣ, въ Восточной Европѣ и въ заокеанскихъ странахъ.

Въ Западной Европѣ, начиная съ 60-хъ годовъ 19-го столѣтія, посѣвная площадь хлѣбовъ, особенно пшеницы, постоянно сокращалась (мѣстами очень сильно), тогда какъ относительная производительность, т. е. сумма производства, полученная съ той же единицы площади земли, значительно увеличилась; но, не смотря на усиленіе относительной производительности и на ростъ всеобщей суммы производства хлѣба, производство хлѣба все-таки осталось позади роста населенія. Западная Европа является, стало быть, по отношенію къ міровому рынку, областью чистаго потребленія.

Другое дѣло — Восточная Европа. Здѣсь рука объ руку идутъ расширеніе посѣвной площади, увеличеніе,

хотя и незначительное, относительной производительности земли, увеличеніе народонаселенія при еще бо́льшемъ увеличеніи общей суммы производства. Подъ Восточною Европою мы раньше всего подразумѣваемъ Россію. Какія же здѣсь открываются для насъ перспективы? Производство хлѣба въ Россіи будетъ и въ дальнѣйшемъ расти какъ относительно, такъ и абсолютно, но изъ этого увеличившагося количества продуктовъ Европѣ достанется меньшая доля, чѣмъ до сихъ поръ. Почему? Начнемъ съ частности: усиленный вывозъ русскаго хлѣба вытекалъ до сихъ поръ не изъ экономически-раціональныхъ соображеній, а изъ фискальныхъ мѣропріятій, изъ системы выкалачиванія податей и принудительныхъ продажъ, которая могла развиться только въ силу особыхъ политическихъ условій русской жизни и плохой организаціи хлѣбной торговли въ Россіи. Русскій крестьянинъ былъ вынужденъ всегда продавать: въ урожайные годы продавалъ за безцѣнокъ, въ неурожайные годы голодалъ.

Въ общемъ, однако, слѣдуетъ сказать, что избытокъ хлѣба, который раціональнымъ образомъ можетъ быть поставленъ въ распоряженіе экспорта, имѣетъ тенденцію сокращаться. Происходитъ, такъ сказать, двойное состязаніе: во первыхъ, состязаніе между увеличеннымъ внутреннимъ производствомъ, съ одной стороны, и продолжающимся увеличеніемъ народонаселенія и повышеніемъ его жизненнаго уровня, съ другой, — при чемъ этотъ внутренній спросъ то приближается къ предложенію, то опережается имъ, а, во вторыхъ, состязаніе между этими внутренними факторами и заграничнымъ экспортомъ. Въ виду этого разница между спросомъ и предложеніемъ становится все больше, особенно въ годы неурожая или растущаго внутренняго спроса. Дѣйствіе этихъ обстоятельствъ повсемѣстно распространяется путемъ торговли и движенія цѣнъ и ощущается въ Западной Европѣ то сильнѣе, то слабѣе въ зависимости отъ того, насколько западно-европейскій спросъ болѣе или менѣе совершенно удовлетворяется заокеанскимъ производствомъ.

Если съ растущей консолидаціей хозяйственныхъ и соціальныхъ условій русскаго государства увеличившееся производство въ первую очередь будетъ использовано внутреннимъ потребленіемъ,—ибо до сихъ поръ экспортъ

хлѣба изъ Россіи шелъ на счетъ уровня жизни русскаго крестьянина,—то, съ другой стороны, можно предполагать, что само это увеличеніе производства будетъ лишь медленно совершаться. Ибо русскій крестьянинъ, который даже за океанъ переноситъ съ собою, такъ сказать, на спинѣ свою деревню и свои привычки и, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ колонистовъ, селится даже въ Аргентинѣ точно такъ же, какъ и у себя дома, отказываясь отъ всѣхъ преимуществъ раціональнаго веденія хозяйства, — этотъ антиамериканецъ par excellence, русскій крестьянинъ можетъ быть принятъ въ разсчетъ только какъ стаціонарная величина, которая мѣняется такъ же медленно, какъ силы природы, какъ вѣтеръ и климатъ и поверхность земли. Онъ работаетъ хорошо и много, но только по своему и на свой ладъ, и развитіе его,—не смотря на Петра, Екатерину и Александра,—будетъ совершаться не насильственнымъ путемъ, а лишь путемъ медленнаго преобразованія первобытныхъ инстинктовъ этого растительнаго человѣка.

Что касается заокеанскихъ странъ, то изъ нихъ Соединенные Штаты въ теченіе 19-го вѣка значительно расширили посѣвную площадь хлѣба. Около 1849-го года посѣвная площадь пшеницы въ Соед. Шт. составляла 8.000.000 акровъ, въ 1874-мъ году 20.000.000, въ 1898-мъ году 44.000.000 акровъ,—и съ тѣхъ поръ больше не расширялась. На ряду съ этимъ относительная производительность пшеницы все время оставалась незначительной (это не относится къ овсу и ячменю, маисъ же показываетъ въ Соединенныхъ Штатахъ наивысшую вообще доходность), и теперь еще интенсивность пшеничной культуры въ Соединенныхъ Штатахъ значительно ниже, чѣмъ въ Румыніи, Австро-Венгріи и всей Западной Европѣ. Правда, хищническое хозяйство, довольно долго господствовавшее въ американскомъ земледѣліи, въ конечной основѣ своей вытекаетъ изъ извѣстнаго общаго міроотношенія, изъ психики старыхъ авантюристовъ 49-го года, которые изъ искателей золота превратились въ земледѣльцевъ или, вѣрнѣе, грабителей земли, и которые такъ же мало были связаны съ разрываемою ими землею, какъ и авантюристъ съ мѣстомъ своихъ авантюръ. Правда, это поколѣніе близится къ вымиранію, и молодое поколѣніе чувствуетъ уже себя гораздо почвеннѣе, оно болѣе срослось

съ корнями,—однако, относительно меньшая производительность земледѣлія въ Соединенныхъ Штатахъ вытекаетъ не только изъ менѣе интенсивнаго веденія хозяйства, но и изъ извѣстныхъ климатическихъ условій. Помимо сухой зоны, которая не можетъ обойтись безъ искусственнаго удобренія. во многихъ Штатахъ имѣются еще и общирныя территоріи, недостаточно орошаемыя дождемъ, или же подверженныя рѣзкимъ колебаніямъ температуры и другимъ неблагопріятнымъ климатическимъ вліяніямъ.

Тѣмъ не менѣе, всеобщее производство хлѣба увеличилось сильнѣе, чѣмъ народонаселеніе, главнымъ образомъ вслѣдствіе расширенія посѣвной площади. Но въ огромномъ массовомъ производствѣ Соединенныхъ Штатовъ между однимъ годомъ и другимъ происходятъ сильныя колебанія, которыя рѣзко отражаются на остальномъ мірѣ. Нерѣдко случается, что между однимъ годомъ и другимъ производство маиса колеблется на 10, 20 и даже 60 мил. двойн. цент., т. е на сумму, почти равную сбору лучшаго урожая пшеницы въ Австріи.

Правда, въ Соединенныхъ Штатахъ имѣется еще обширная площадь земли, которая находится во владѣніи государства или желѣзнодорожныхъ компаній и назначена для продажи фермерамъ. Вся площадь свободной земли въ Соед. Штатахъ опредѣляется въ 863 мил. акровъ, но даже оффиціальные отчеты признаютъ, что самая лучшая земля уже занята; что изъ общей площади необрабатываемой земли около 69 мил. акровъ, вообще, представляетъ собою пустыню, а относительно остальной площади трудно опредѣлить, какая часть ея годна для орошенія; что, во всякомъ случаѣ, большая часть пустопорожней земли можетъ быть сдѣлана пригодною для земледѣлія только при помощи искусственнаго орошенія, — въ виду чего отчетъ и призываетъ къ образованію крупныхъ и богатыхъ капиталами оросительныхъ кампаній. Но искусственное орошеніе влечетъ за собою одно зло, а именно соляной бичъ. Обильные соляные запасы земли, размытые искусственнымъ орошеніемъ, дѣйствуютъ на растенія, какъ ядъ. „Земли, которыя еще годъ тому назадъ не показывали никакихъ признаковъ щелочныхъ излишковъ и были въ высшей степени плодородны, теперь совершенно погибли вслѣдствіе скопленія раство-

римыхъ солей. (См. Strakosch: Amerikanische Landwirtschaft 1905). Насколько плодотворнымъ окажется здѣсь новый способъ увеличенія влажности земли безъ помощи искусственнаго орошенія, (способъ Кемфеля)—это покажетъ намъ будущее. Къ этому слѣдуетъ прибавить еще и постоянное увеличеніе народонаселенія, которое происходитъ не столько за счетъ туземнаго бѣлаго населенія, сколько за счетъ эмигрантовъ и черныхъ. Такимъ образомъ, и тѣ свободные излишки, которые Америка можетъ выбрасывать на міровой рынокъ, составляютъ все меньшую часть общаго производства хлѣба, все болѣе дорогую или дорого производимую, и можно сказать, что, по мѣрѣ того, какъ европейское земледѣліе американизируется и начнетъ примѣнять все болѣе совершенные методы техники и организаціи производства, американское земледѣліе начинаетъ „европеизироваться“ и вынуждено считаться съ болѣе труднымъ производствомъ и болѣе сложными соціальными условіями. Такъ, между наиболѣе прогрессивными европейскими крестьянами, напр., шведскими или датскими, и калифорнскими „ренгерами“ въ настоящее время нѣтъ никакой особенной разницы, и „экономическіе“ результаты дѣятельности тѣхъ и другихъ все больше и больше сравниваются.

Слѣдуетъ прибавить еще и то, что въ будущемъ американскій экспортъ, очевидно, начнетъ принимать другое направленіе и будетъ стремиться завоевать Востокъ, въ особенности же Восточную Азію. Современный американецъ точно чувствуетъ въ себѣ призваніе завоевать своимъ хлѣбомъ Восточную Азію, которая находится на пути къ переходу отъ употребленія риса къ употребленію хлѣба. Въ своемъ „эпосѣ пшеницы“ калифорнскій писатель Франкъ Норрисъ очень наглядно выражаетъ пропаганду этой идеи словами одного крупнаго владѣльца верфей:

„Въ продолженіе многихъ лѣтъ я изучалъ вопросъ объ американской пшеницѣ и пришелъ, наконецъ, къ слѣдующей теоріи. Теперь наша американская пшеница отправляется въ Ливерпуль и тамъ уже распредѣляется по всему міру. Но начинается новая эра. Я въ этомъ не сомнѣваюсь. Вы, молодые люди, доживете до этого. Лозунгомъ 19-го вѣка было производство. Лозунгъ XX-го вѣка гласитъ: сбытъ. Роль Европы, какъ мѣста сбыта

нашего производства, или, говоря конкретнѣе, нашей пшеницы, — сыграна. Населеніе Европы увеличивается недостаточно быстро, чтобы поспѣвать за быстротою нашего производства. Но наше производство пшеницы принимаетъ тревожные размѣры. Въ результатѣ является перепроизводство. Мы предлагаемъ больше, чѣмъ Европа можетъ съѣсть, и цѣны падаютъ. Спасенія слѣдуетъ искать не въ сокращеніи посѣвной площади пшеницы,—намъ нужны новые рынки сбыта, широкіе рынки сбыта. Въ теченіе многихъ лѣтъ мы отправляли свою пшеницу съ востока на западъ, изъ Калифорніи въ Европу. Но придетъ пора, когда мы будемъ отправлять съ запада на востокъ. Мы должны идти со страной, а не противъ страны. Я хочу сказать, что мы должны обратиться къ Китаю. Рисъ теряетъ въ Китаѣ свое качество народнаго питанія, но азіаты должны же питаться,—если не рисомъ, то пшеницей. Если только половина всего взрослаго населенія Китая будетъ потреблять по полъ-унціи муки на человѣка въ день, то на прокормленіе ихъ можетъ пойти вся пшеничная площадь Калифорніи. Ахъ, если бы я могъ выжечь это въ мозгу каждаго „ренгера“ Сенъ-Іоахима, каждаго фермера Дакоты и Минезоты! Отправляйте свою пшеницу въ Китай, продавайте ее сами,—долой посредничество, долой чикагскихъ биржевиковъ, союзы элеваторовъ и зернохранилища! Если изъ-за экспорта въ Китай меньше останется для Европы, то это сейчасъ же окажетъ свое дѣйствіе. Въ Европѣ цѣны подымутся, нисколько не отражаясь на цѣнахъ въ Китаѣ. Въ нашихъ рукахъ ключъ: у насъ пшеница, безконечно больше пшеницы, чѣмъ мы сами можемъ съѣсть. Европа и Азія обращаютъ свои взоры къ американскому хлѣбу. Какое роковое упущеніе благопріятнаго случая: постоянно перегружать Европу нашимъ хлѣбомъ, въ то время, какъ Востокъ голодаетъ!“

И, дѣйствительно, въ Японіи ввозъ съѣстныхъ припасовъ (хлѣба, растительнаго масла) быстро расширяется. Тогда какъ съ 1900-го до 1904-го года ввозъ промышленнаго сырья упалъ съ 54-хъ на 48%, а ввозъ готовыхъ фабрикатовъ съ 27-ми на 16%, ввозъ съѣстныхъ припасовъ за то же время поднялся съ 18-ти на 36%.

Съ 1873-го до 1904-го года вывозъ Японіи въ Азію увеличился въ 28 разъ, въ Америку въ 25 разъ, а

въ Европу всего только въ $6^1/_2$ разъ, тогда какъ за то же самое время ввозъ въ Японію изъ Азіи увеличился въ 19 разъ, изъ Америки въ 58 разъ, а изъ Европы всего только въ 7 разъ. Торговля Японіи съ Азіей и Америкой сдѣлали, стало быть, несравненно большіе успѣхи, чѣмъ ея торговля съ Европой. Причина этого заключается въ томъ, что торговля Японіи съ Европой еще въ предыдущій періодъ достигла сравнительно широкихъ размѣровъ, тогда какъ развитіе азіатской торговли началось сравнительно недавно, когда Китай, Индія и Корея стали предъявлять поразительно быстро растущій спросъ на японскіе товары, возникшій вслѣдствіе использованія естественныхъ богатствъ, накопленія капиталовъ и развитія коммерческихъ предпріятій въ этихъ странахъ. „И, наконецъ, что касается расширенія нашей (японской) торговли съ Америкой, то этимъ мы обязаны нашимъ торговымъ сношеніямъ съ Соед.-Шт. и съ Канадою, которыя получили все большее значеніе, вслѣдствіе увеличенія народонаселенія, улучшенія средствъ сообщенія, развитія промышленности и увеличенія народнаго благосостоянія въ этихъ странахъ. Наша торговля съ Америкой разовьется еще больше, когда будутъ, наконецъ, лучше использованы естественныя богатства Южной Америки“.

Въ другомъ мѣстѣ мы читаемъ: „Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что открытіе панамскаго и никарагуаскаго каналовъ дастъ сильный толчокъ торговли съ Сѣверной Америкой, откроетъ новую эру торговли съ Южной Америкой и, можетъ быть, даже поставитъ насъ въ возможность найти для нашихъ товаровъ новые рынки на западно-африканскомъ побережьи“. (Финансовый и экономическій ежегодникъ Японіи за 1905 г., изданный японскимъ министерствомъ финансовъ).

Но и теперь уже все чаще случается, что вывозъ хлѣба изъ Соединенныхъ Штатовъ уступаетъ по своимъ размѣрамъ вывозу изъ Аргентины, и все говоритъ за то, что Аргентинѣ готовится роль житницы современнаго міра, какою были для древняго міра Сицилія и Египетъ.

Раньше всего слѣдуетъ получить точное представленіе о колоссальныхъ размѣрахъ южно-американскаго материка.

Республика Аргентины обнимаетъ территорію въ

2.950.520 кв. километровъ, т. е. приблизительно въ 6 разъ большую, чѣмъ все пространство Германіи. Но всю эту территорію въ 1906-мъ году населяло всего только 6.004.731 жителей (въ томъ числѣ 30.000 индѣйцевъ), т. е. приблизительно столько же, сколько составляетъ число жителей въ Баваріи (6.524.327). На основаніи очень тщательныхъ и осторожныхъ вычисленій установлено, что на всей этой территоріи имѣется 640.000 кв. киллометровъ, т. е. отъ 60-ти до 64-хъ милліоновъ гектаровъ, которые безъ помощи искусственнаго орошенія могутъ быть отведены подъ пшеницу: изъ нихъ въ 1891-мъ году засѣяно было пшеницею всего только 1 милл. гектаровъ, а другими полевыми злаками, особенно маисомъ, не полныхъ $^3/_4$ гектара. Естественныя условія позволили бы, слѣдовательно, увеличить площадь посѣва пшеницы еще въ 50 разъ. Къ 1907-08-му году посѣвная площадь пшеницы составляла уже больше $5^1/_2$ милліоновъ гектаровъ. Согласно оффиціальнымъ отчетамъ, посѣвную площадь пшеницы можно будетъ скоро довести до 16-ти милл. гектаровъ. Беккеръ вычисляетъ эту площадь даже въ 19 милл. гект. и считаетъ, что съ нея можно будетъ снять 19 милл. тоннъ хлѣба противъ теперешнихъ 4-хъ милліоновъ тоннъ.

Тѣмъ не менѣе, было бы заблужденіемъ возлагать слишкомъ большія надежды на эту страну. Во-первыхъ, и теперь уже колонизація этихъ субтропическихъ странъ наталкивается на многія затрудненія: непостоянство климата, особый составъ населенія, стихійныя бѣдствія (морозы, саранча), недостатокъ каменнаго угля и, повидимому, также и желѣзной руды. До сихъ поръ расширеніе производства совершалось толчками, неравномѣрно, подъ давленіемъ западно-европейскаго потребленія и подъ вліяніемъ сооруженія новыхъ линій передвиженія съ ихъ дешевымъ грузовымъ тарифомъ. Такимъ образомъ, сборы урожаевъ, хотя и увеличиваются, но размѣры ихъ крайне колеблются, что почти исключаетъ возможность всякаго точнаго учета урожаевъ, и относительная производительность пшеницы крайне низка (по отношенію къ площади, но не къ посѣву). Даже въ лучшіе урожайные годы гектаръ пшеницы приноситъ 10—12 метрическихъ центнеровъ пшеницы (все еще слишкомъ мало по сравненію съ западно-европейской производительностью); въ неуро-

жайные годы 2—3. Къ этому присоединяется еще и то, что аргентинскій хлѣбъ всегда можетъ фигурировать только какъ дополненіе къ европейскимъ запасамъ, такъ какъ онъ поступаетъ на рынокъ только за нѣсколько мѣсяцевъ до новаго урожая (время жатвы приходится въ Аргентинѣ на декабрь-февраль), и это создаетъ сильный соблазнъ для всевозможныхъ спекулятивныхъ сдѣлокъ, которыя могутъ искусственно увеличивать предложеніе. И, дѣйствительно, размѣры ввоза колеблются не меньше, чѣмъ сборы урожая, и ничуть не совпадаютъ съ послѣдними, изъ чего можно заключить, что вывозъ аргентинской пшеницы находится подъ сильнымъ вліяніемъ спекулятивныхъ операцій (особенно же спекуляціи на валюту). Цѣны на аргентинскую пшеницу тоже не устанавливаются на мѣстѣ, а диктуются изъ Европы. „Цѣна вывозимаго хлѣба никогда не устанавливается на здѣшней биржѣ, а диктуется исключительно Европой: здѣсь, вообще, нѣтъ ни одной фирмы, спекулирующей хлѣбомъ или другими мѣстными продуктами, которая не спекулировала бы, собственно, исключительно только на золото“. (Кергеръ. I, 201). Постоянно приходится читать о крупныхъ отправленіяхъ золота въ Аргентину. За послѣдній сезонъ изъ Европы отправлено было въ Аргентину золота приблизительно на 15 мил. фунтовъ стерл.: изъ этой суммы только третья часть составляла оплату за вывезенный хлѣбъ, тогда какъ остальныя двѣ трети падаютъ на займы, сдѣланные аргентинскимъ правительствомъ, аргентинскими городами и желѣзнодорожными предпріятіями.

Если всѣ эти ненормальности являются, повидимому, только временными и развѣ только замедляютъ развитіе, то дальнѣйшее расширеніе площади посѣва пшеницы наталкивается еще на цѣлый рядъ другихъ, чисто экономическихъ затрудненій.

Правда, культура пшеницы оказывается въ Аргентинѣ доходною даже при такихъ условіяхъ, когда въ Европѣ она давно уже перестаетъ приносить доходъ: 11 франковъ за 100 килогр. считается предѣльною цѣною, по которой лаплатская пшеница еще можетъ быть доставлена на европейскій рынокъ, и при которой аргентинскій земледѣлецъ можетъ покрыть уровень своей жизни (причемъ, однако, молчаливо предполагается, что итальянскій estensore на-вѣки остается все тѣмъ же неприхотливымъ труженникомъ, какимъ онъ былъ до сихъ поръ, и никогда не заразится пышною роскошью, господствующею въ аргентинскихъ городахъ, особенно въ Буэносъ-Айресѣ); но все это только тогда имѣло бы практическое занятіе, если бы не существовало другихъ, болѣе доходныхъ отраслей производства. На самомъ же дѣлѣ культура пшеницы даже при очень высокихъ цѣнахъ оказывается менѣе доходною, чѣмъ скотоводство или культура люцерны (алфалфы). Правда, при очень низкихъ цѣнахъ на сельскохозяйственные продукты, культура пшеницы могла бы еще давать доходъ, тогда какъ культура остальныхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ стала бы недоходной. Поэтому культура пшеницы могла бы расширяться интенсивно и экстенсивно или при очень низкихъ цѣнахъ на всѣ сельско-хозяйственные продукты (возможность которыхъ, впрочемъ, крайне невѣроятна), или же при исключительно высокихъ цѣнахъ на пшеницу. Къ этому слѣдуетъ прибавить еще и сильную земельную спекуляцію, которая, хотя и не тормозитъ самого земледѣлія, но несомнѣнно ведетъ къ тому, что менѣе дорогимъ и болѣе доходнымъ культурамъ отдается предпочтеніе передъ культурою пшеницы.

Наконецъ, неопредѣленна также и политическая будущность страны. Такъ какъ въ Аргентинѣ теперь заискиваютъ со всѣхъ сторонъ, то понятно, что Соед. Штаты стремятся заключить съ Аргентиною таможенный союзъ, и только будущее покажетъ намъ, останется ли страна, которая въ 1910-мъ году празднуетъ столѣтній юбилей своей независимости, и впредь свободнымъ, открытымъ для всѣхъ народовъ, государствомъ.

Изъ другихъ южно-американскихъ странъ, вывозящихъ хлѣбъ на міровой рынокъ, слѣдуетъ указать раньше всего на Канаду, какъ на страну, которая раскрываетъ самыя широкія возможности не только для Великобританіи и Сѣверной Америки, но и для всего міра. Вся территорія dominion of Canada простирается на 9.987.571 кв. килом. съ населеніемъ (по переписи 1907-го года) въ 6.153.789 жителей; ежегодная иммиграція составляетъ, въ среднемъ, за послѣдніе годы отъ 200.000 до 250.000 въ годъ. Въ развитіи производства хлѣба Канады много общаго съ развитіемъ производства хлѣба

въ Соед. Штатахъ: сначала расширеніе производства для быстро растущаго населенія, которое, какъ и въ Сѣв.-Амер. Штатахъ, селится вдоль линіи желѣзныхъ дорогъ, потомъ излишекъ производства хлѣба надъ собственнымъ потребленіемъ и, наконецъ, болѣе или менѣе регулярный вывозъ этого излишка. За періодъ съ 1898-го до 1903-го года размѣръ вывоза пшеницы изъ Канады увеличился съ 3-хъ мил. двойн. цент. на 7 мил. двойн. цент., что приблизительно соотвѣтствуетъ увеличенію производства пшеницы за тотъ же промежутокъ времени (съ 7-ми мил. двойн. цент. на 16 мил. дв. цент.).

Но и канадскія деревья не растутъ до неба. Уже въ 1905-мъ году въ канадскомъ парламентѣ обсуждался вопросъ о раціональномъ направленіи канадской иммиграціи, и указано было на то, что, въ виду продолжающагося наплыва иммигрантовъ, настоятельно было бы необходимо приступить къ колонизаціи сѣверной Канады. Съ этою цѣлью и назначена была комиссія для изслѣдованія условій канализацій сѣверной Канады. Въ 1907-мъ году былъ опубликованъ отчетъ этой комиссіи. Рѣчь идетъ о территоріи, простирающейся на 1.600.000 квадратныхъ миль: сюда входятъ провинція Унгава (349.000 квадр. миль на сушѣ), Кіуатинъ (500.000 кв. миль) и обширный бассейнъ Макензи (около 562.000 кв. миль). Въ результатѣ изслѣдованія оказалось, что вся Унгава, вслѣдствіе климатическихъ условій, не годится для земледѣлія (культуры пшеницы), что въ Кіуатинѣ имѣется приблизительно 5—10.000, а въ бассейнѣ Макензи около 100 мил. кв. миль пахотной земли. Однако, всѣ эти данныя очень неточны (на что указываетъ и самъ отчетъ), потому что при недостаточности средствъ сообщенія можно было получить только самыя поверхностныя свѣдѣнія. Постоянно указывается на то, что будущее развитіе является только case of markets, т. е. проблемою цѣны. Многое будетъ также зависѣть и отъ политики путей сообщенія (какъ и во всѣхъ колонизаціонныхъ странахъ). Сами желѣзныя дороги являются колонизаціонными предпріятіями (такъ, канадская желѣзнодорожная кампанія Pacific R. C. собирается пріобрѣсти $2^1/_2$ мил. акр., чтобы отвести ихъ подъ посѣвъ пшеницы), и конкурренція желѣзнодорожныхъ кампаній ведетъ къ такому пониженію грузовыхъ тарифовъ, что хлѣбные

торговцы Соед.-Штатовъ часто посылаютъ свой хлѣбъ по канадскимъ желѣзнымъ дорогамъ въ Монреаль, чтобы оттуда отправить его въ Европу.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію остальныхъ странъ, доставляющихъ хлѣбъ въ Европу. Что касается африканскихъ странъ, то Алжиръ и Туннисъ слѣдуетъ разсматривать только какъ аннексированныя провинціи Франціи, которыя должны дополнять своимъ производствомъ недостатокъ внутренняго французскаго производства; количество производства Египта очень различно и къ тому же оно должно удовлетворять спросу густого мѣстнаго населенія, такъ что иногда оказывается даже необходимость ввоза хлѣба въ Египетъ. Въ южно-африканскихъ и австралійскихъ странахъ пути сообщенія слишкомъ неразвиты, чтобы можно было разчитывать на какое-бы то ни было массовое производство. Въ Британской Индіи пути сообщенія, правды, очень развиты, и подъ пшеницу отведены широкія площади земли, но зато населеніе здѣсь такъ многочисленно, и сборы урожая другихъ хлѣбныхъ злаковъ такъ непостоянны, что всего урожая пшеницы едва хватаетъ на удовлетвореніе мѣстныхъ нуждъ, и то и дѣло наступаетъ голодъ. Къ тому же едва ли возможно дальнѣйшее расширеніе посѣвной площади пшеницы въ Индіи, а, поскольку оно возможно, оно требуетъ колоссальныхъ затратъ на введеніе искусственнаго орошенія. Наконецъ, и въ Японіи быстро развивается культура европейскихъ хлѣбныхъ злаковъ, но одновременно съ этимъ— а, можетъ быть, и еще быстрѣе— происходитъ переходъ японскаго населенія отъ употребленія риса къ употребленію хлѣба, такъ что внутренній спросъ непрерывно и значительно повышается, и все больше сокращается остающійся въ распоряженіи Европы излишекъ.

Затѣмъ, слѣдуетъ указать еще и на нѣкоторыя мѣстности, когда-то изобиловавшія хлѣбомъ, но теперь запущенныя и заглохшія, — оживленіе ихъ возможно лишь путемъ длительныхъ и дорогихъ дренажныхъ работъ. Сюда относятся области, лежащія у дельты Тигра у Багдада и мѣстность между потоками Ефрата и Тигра у Вавилона, древней Халдеи, родины пшеницы. Здѣсь мы встрѣчаемся съ такими же явленіями, какъ и въ Египтѣ, при почти одинаковой территоріи и одинаковыхъ условіяхъ производства.

Вильямъ Вилькоксъ, лучшій знатокъ этого вопроса, приводитъ слѣдующія цифры для опредѣленія площади первокласной земли, которая послѣ введенія орошенія могла бы сейчасъ же дать богатые урожаи.

1) 1.280.000 акровъ на когда-то плодородной, теперь заглохшей территоріи по обѣимъ сторонамъ Тигра, выше и ниже Багдада, при чемъ ирригаціонныя работы въ этой мѣстности должны обойтись въ 8 мил. фунт. ст., а общая цѣнность всей площади земли составляетъ 13 мил. фунт. ст. (По 30 ф. ст. за акръ).

2) 1.500.000 акровъ между потоками Ефрата и Тигра; здѣсь ирригаціонныя работы должны обойтись въ 13 мил. фунт. ст. Такимъ образомъ, въ верхней и нижней Халдеѣ имѣется въ общемъ 2.800.000 акровъ земли, которая послѣ введенія орошенія, требующаго капитала въ 21 мил. фунт. стерл., можетъ дать доходъ въ 60 милліоновъ фунтовъ.

Но одного только орошенія недостаточно: рядомъ съ сѣтью оросительныхъ каналовъ должна развернуться сѣть желѣзныхъ дорогъ, перевозящихъ хлѣбъ. Все это требуетъ много времени, колоссальнаго труда и огромныхъ капиталовъ.

Этого бѣглаго обзора заокеанскихъ и восточно-европейскихъ областей производства достаточно, чтобы показать, что цѣны на хлѣбъ на міровомъ рынкѣ имѣютъ тенденцію постоянно, хотя и медленно, повышаться. Дальнѣйшее увеличеніе производства, хотя возможно и вѣроятно, но оно становится все труднѣе, потому что каждое расширеніе производства связано съ все бо̀льшими расходами, и счастье, которое выпало на участь 19-го столѣтія—завоеваніе цѣлыхъ міровъ для производства хлѣба—уже не повторится больше. Другими словами: если для расширенія производства требуются все большіе капиталы и все больше рабочихъ силъ, оплата которыхъ все дороже стоитъ; если, слѣдовательно, разница между данною цѣною и увеличившеюся стоимостью производства все больше уменьшается, то можетъ быть только очень слабое побужденіе къ дальнѣйшему расширенію производства, и поэтому можно предполагать, что въ будущемъ или запасы хлѣба на міровомъ рынкѣ будутъ недостаточны, или же цѣны на хлѣбъ будутъ сильно повышаться. Разумѣется, тенденція эта можетъ быть временно парализована, напр., вслѣдствіе дальнѣйшаго развитія и удешевленія путей сообщенія, но и въ этомъ пунктѣ слѣдуетъ остерегаться преувеличеній. Самая функція желѣзныхъ дорогъ теперь измѣнилась: раньше онѣ были какъ бы насосами, которые изъ всѣхъ концовъ міра выкачивали все растущія массы хлѣба и отводили ихъ въ центры человѣческаго скопленія,—теперь же онѣ стали распредѣлителями, функція которыхъ состоитъ только въ томъ, чтобы лучше и равномѣрнѣе распредѣлять по данной хозяйственной области имѣющійся хлѣбъ. Все это приводитъ насъ къ убѣжденію, что вздорожаніе жизни представляетъ собою не преходящее и временное, а хроническое и неизбѣжное явленіе.

Перев. С. Маріолинъ.

С. О. Марголинъ.

Вздорожаніе жизни и количественная теорія денегъ Ирвинга Фишера.

Вопросъ о вздорожаніи жизни есть частный вопросъ общей проблемы о всеобщемъ вздорожаніи всѣхъ товаровъ. Въ этомъ можетъ убѣдить насъ простое, чисто фактическое сравненіе движенія цѣнъ въ послѣдніе 15—17 лѣтъ на такъ наз. предметы необходимости, то есть, на средства питанія, на жилища и одежду, съ общимъ движеніемъ товарныхъ цѣнъ. Однако, это чисто эмпирическое констатированіе факта не выразило бы всей мысли Ирвинга Фишера. Ирвингъ Фишеръ полагаетъ, что чисто методологически нельзя подойти къ разсмотрѣнію проблемы вздорожанія жизни, или, что то же самое, къ разсмотрѣнію проблемы вздорожанія отдѣльныхъ предметовъ, не выяснивъ предварительно всеобщее движеніе товарныхъ цѣнъ. По мнѣнію Фишера, всеобщее движеніе товарныхъ цѣнъ предшествуетъ, диктуетъ и опредѣляетъ собою въ значительной части измѣненіе цѣнъ отдѣльныхъ товаровъ.

Это положеніе Фишера можетъ показаться очень парадоксальнымъ. Обыкновенно представляютъ себѣ, что всеобщее движеніе товарныхъ цѣнъ не опредѣляетъ, а, наоборотъ, само составляется изъ измѣненія цѣнъ отдѣльныхъ товаровъ. Въ каждомъ числѣ-показателѣ товарныхъ цѣнъ всеобщее измѣненіе товарныхъ цѣнъ опредѣляется путемъ подсчета измѣненія цѣнъ болѣе или менѣе ограниченной суммы отдѣльныхъ товаровъ. Не значитъ ли въ такомъ случаѣ поставить на голову дѣйствительное соотношеніе между

причиною и слѣдствіемъ, опредѣливъ измѣненіе цѣнъ отдѣльныхъ товаровъ изъ общаго движенія товарныхъ цѣнъ, какъ это хочетъ дѣлать Ирвингъ Фишеръ? Все это возраженіе, однако, основано на простомъ смѣшеніи причинъ, опредѣляющихъ само явленіе со способомъ познаванія нами явленія. Только наше непониманіе дѣйствительныхъ причинъ опредѣляющихъ всеобщее движеніе товарныхъ цѣнъ, заставляетъ насъ прибѣгать къ эмпирически-статистическому методу констатированія этого явленія. Если же мы знали бы эти причины, то мы, дѣйствительно, могли бы чисто дедуктивно вывести всеобщее движеніе товарныхъ цѣнъ, которое опредѣляетъ собою въ значительной степени измѣненіе цѣнъ отдѣльныхъ товаровъ, и Фишеръ именно пытается чисто дедуктивно опредѣлить движеніе товарныхъ цѣнъ, исходя изъ своей количественной теоріи денегъ.

Что всеобщее движеніе цѣнъ товаровъ предшествуетъ и опредѣляетъ собою движеніе цѣнъ отдѣльныхъ товаровъ, вытекаетъ изъ простого анализа цѣны товара. Цѣна каждаго товара означаетъ опредѣленное соотношеніе между двумя элементами, между единицею даннаго товара и единицею денегъ. Измѣненіе цѣны товара можетъ поэтому наступить отъ измѣненія каждаго изъ этихъ элементовъ: отъ измѣненія въ условіяхъ производства, спроса и предложенія даннаго товара, или же отъ измѣненія цѣны денегъ. Цѣна же денегъ измѣряется покупательною силою денегъ, то есть тѣмъ количествомъ товаровъ, которое можно покупать за единицу денегъ. Эта покупательная сила денегъ возрастаетъ, когда за единицу денегъ получаютъ бо́льшее количество товаровъ, или, что то же самое, когда всеобщій уровень товарныхъ цѣнъ падаетъ; и, наоборотъ, покупательная сила денегъ уменьшается, когда за единицу денегъ можно покупать меньше товаровъ, или когда подымается всеобщій уровень товарныхъ цѣнъ. Такимъ образомъ движеніе всеобщаго уровня товарныхъ цѣнъ, опредѣляя собою цѣну денегъ, опредѣляетъ собою, вмѣстѣ съ тѣмъ, и цѣну отдѣльнаго товара, такъ какъ цѣна денегъ входитъ составною частью въ цѣну каждаго товара.

Мы обыкновенно не сознаемъ этого вліянія. Въ этомъ повинно ложное представленіе, которое мы имѣемъ о деньгахъ. Мы представляемъ себѣ цѣну денегъ неизмѣн-

ною, тогда какъ въ дѣйствительности она непрерывно мѣняется. Стоитъ только вдуматься въ моменты, опредѣляющіе цѣну товара, чтобы обнаружить уже въ нихъ вліяніе всеобщаго уровня товарныхъ цѣнъ. Цѣна каждаго товара опредѣляется, какъ извѣстно, состояніемъ спроса и предложенія. По азбучною истиною стало въ политической экономіи, что нѣтъ абстрактнаго спроса и предложенія товаровъ. Спросъ и предложеніе товаровъ всегда опредѣляется ихъ цѣною. Съ повышеніемъ цѣны товара (по крайней мѣрѣ, поскольку рѣчь идетъ о товарахъ, допускающихъ увеличеніе производства и потребленія) предложеніе возрастаетъ, и спросъ сокращается, и, наоборотъ, съ пониженіемъ цѣны товара спросъ возрастаетъ, и предложеніе сокращается. Но денежная цѣна товара зависитъ, какъ мы видѣли, отъ покупательной силы денегъ, отъ средняго уровня товарныхъ цѣнъ, и, слѣдовательно, этотъ средній уровень товарныхъ цѣнъ опредѣляетъ собою спросъ и предложеніе каждаго товара. Дѣйствительно, допустимъ, что цѣна какого-либо товара, цѣна, напримѣръ, 1 фунта сахара, составляетъ 15 к. Если съ теченіемъ времени всеобщій уровень товарныхъ цѣнъ поднялся, и за 15 к. можно купить меньше иныхъ товаровъ, чѣмъ раньше, то спросъ на сахаръ будетъ возрастать, несмотря на то, что денежная цѣна сахара осталась неизмѣнною. Все это показываетъ, что невозможно изслѣдовать причины, опредѣляющія движеніе цѣнъ отдѣльныхъ товаровъ, не изслѣдовавъ предварительно причинъ, опредѣляющихъ общее измѣненіе товарныхъ цѣнъ.

Только что изложенныя разсужденія подвинули насъ на шагъ дальше къ выясненію самой проблемы всеобщаго вздорожанія цѣнъ. По крайней мѣрѣ, они показали намъ, гдѣ *не слѣдуетъ* искать причину всеобщаго движенія цѣнъ. Дѣйствительно, изъ всего сказаннаго ясно, что эту причину всеобщаго вздорожанія товарныхъ цѣнъ нельзя искать во вздорожаніи отдѣльныхъ товаровъ. Вздорожаніе отдѣльныхъ товаровъ, поскольку оно само не вытекаетъ изъ измѣненія всеобщаго уровня товарныхъ цѣнъ, а изъ условія производства данныхъ товаровъ, изъ состоянія спроса и предложенія, не можетъ измѣнить всеобщаго уровня цѣнъ товаровъ, и, слѣдовательно, не можетъ вести и къ всеобщему вздорожанію товаровъ. Вздорожаніе отдѣльныхъ товаровъ, вызванное специфическими условіями производства этихъ товаровъ, означаетъ соотвѣтственное удешевленіе другихъ товаровъ, предлагающихся при спросѣ на эти товары. Оно означаетъ сравнительное измѣненіе цѣнъ между разными товарами, но оно не можетъ вести къ измѣненію цѣнъ всѣхъ товаровъ. Короче говоря, всѣ измѣненія въ условіяхъ производства, въ состояніи спроса и предложенія отдѣльныхъ товаровъ, которыя вызываютъ измѣненіе цѣнъ этихъ товаровъ, лежатъ въ предѣлахъ межтоварныхъ отношеній, и въ силу этого компенсируются соотвѣтственнымъ измѣненіемъ цѣнъ другихъ товаровъ въ обратную сторону, и поэтому эти измѣненія цѣнъ товаровъ не могутъ сообщаться всеобщему уровню товарныхъ цѣнъ.

Всѣ соотношенія цѣнъ между отдѣльными товарами уничтожаются, стираются во всеобщемъ уровнѣ товарныхъ цѣнъ. Ибо всеобщій уровень товарныхъ цѣнъ означаетъ не соотношеніе между отдѣльными товарами, а соотношеніе между товарами какъ цѣлымъ, съ одной стороны, и деньгами—съ другой. Всеобщій уровень товарныхъ цѣнъ можетъ поэтому измѣняться только отъ измѣненія соотношенія между товарами и деньгами.

Повышеніе всеобщаго уровня товарныхъ цѣнъ означаетъ, что за данное количество товаровъ надо платить больше денегъ, или что за данное количество денегъ можно получить меньше товаровъ. Пониженіе всеобщаго уровня товарныхъ цѣнъ означаетъ, наоборотъ, что за данное количество товаровъ слѣдуетъ платить меньше денегъ, или что за данное количество денегъ можно получить больше товаровъ. Всеобщій уровень товарныхъ цѣнъ мѣняется, такимъ образомъ, въ обратномъ соотношеніи съ покупательною силой денегъ. Повышеніе покупательной силы денегъ означаетъ пониженіе всеобщаго уровня цѣнъ товаровъ, и, наоборотъ, пониженіе покупательной силы денегъ означаетъ повышеніе всеобщаго уровня товарныхъ цѣнъ.

Проблема всеобщаго вздорожанія товаровъ есть, такимъ образомъ, проблема *пониженія покупательной силы денегъ*, и, чтобы разрѣшить проблему вздорожанія жизни или всеобщаго вздорожанія товаровъ, мы должны перейти къ разсмотрѣнію причинъ, опредѣляющихъ покупательную силу денегъ.

Покупательная сила денегъ, или цѣна денегъ, опредѣляется, какъ цѣна всякаго товара, состояніемъ спроса и предложенія. Однако, товаръ—деньги, показываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и существенную разницу отъ остальныхъ товаровъ, что вытекаетъ изъ особенностей его спроса. Спросъ на деньги, въ качествѣ орудій обмѣна, опредѣляется количествомъ товаровъ, вступающихъ въ обмѣнъ. Спросъ на деньги отличается, однако, тою особенностью, что онъ самъ себя удовлетворяетъ. Въ то время, какъ увеличеніе спроса всякаго другаго товара можетъ быть удовлетворено только соотвѣтственнымъ увеличеніемъ предложенія даннаго товара, для удовлетворенія увеличившагося спроса на деньги вовсе не требуется увеличенія предложенія денегъ. Данное количество денегъ можетъ удовлетворять и большому спросу, можетъ служить орудіемъ обмѣна и для бо̀льшаго количества товаровъ. Ибо деньги нужны не сами по себѣ, а только для осуществленія функцій обмѣна. Въ мѣновомъ процессѣ цѣнность денегъ должна быть равна цѣнности обмѣниваемыхъ ими товаровъ. Но деньги должны быть равны товарамъ по своей цѣнности, но не по своему количеству. Если возрастаетъ количество товаровъ, то увеличенное количество товаровъ требуетъ для своего обмѣна не бо̀льшее количество денегъ, но большую цѣнность денегъ. Эта большая цѣнность денегъ осуществляется самимъ спросомъ, тѣмъ фактомъ, что увеличенное количество товаровъ обмѣнивается на данное количество денегъ, то-есть, что каждой единицѣ предлагаемыхъ денегъ противополагается большее количество товаровъ въ качествѣ спроса. Цѣна денегъ будетъ поэтому всегда равна количеству обмѣниваемыхъ ими товаровъ. Чѣмъ большее количество товаровъ обмѣнивается на данное количество денегъ, тѣмъ выше будетъ цѣна каждой единицы денегъ. Наоборотъ, чѣмъ больше будетъ количество денегъ, которое предполагается за данное количество товаровъ, тѣмъ ниже будетъ цѣна или покупательная сила каждой единицы денегъ. Покупательная сила единицы денегъ равняется, такимъ образомъ, суммѣ товаровъ, вступающихъ въ обмѣнъ раздѣленной на количество циркулирующихъ въ мѣновомъ процессѣ денегъ.

Совершенно иначе, однако, опредѣляется цѣна золота,

или, вообще, цѣна того металла, который служитъ законнымъ мѣриломъ (валютою) цѣны денегъ. Если цѣна денегъ, въ качествѣ орудій обмѣна, опредѣляется ихъ соотношеніемъ ко всѣмъ товарамъ, то цѣна золота въ слиткахъ опредѣляется его издержками производства, то есть условіями производства одного опредѣленнаго товара. Очевидно, однако, что, если издержки производства золота въ слиткахъ значительно ниже той цѣны, которую имѣютъ деньги въ мѣновомъ процессѣ, то производство золота будетъ развиваться, и все золото будетъ перечеканено въ деньги. Количество денегъ будетъ непрерывно возрастать, но это увеличенное количество денегъ будетъ понижать цѣну денегъ, вплоть до тѣхъ поръ, покуда цѣна денегъ въ мѣновомъ процессѣ упадетъ до издержекъ производства золота. Пониженіе цѣны денегъ означаетъ вздорожаніе цѣнъ товаровъ, и такимъ образомъ цѣны всѣхъ товаровъ зависятъ отъ случайностей въ производствѣ золота. Начиная съ средины 90-хъ годовъ, издержки производства золота значительно сократились въ силу открытій глубокихъ пластовъ золота въ Трансваалѣ, и вообще примѣненія болѣе усовершенствованныхъ способовъ производства золота (ціанистый калій). Это дало сильный толчекъ міровому производству золота, какъ показываютъ слѣдующія данныя о міровомъ производствѣ золота.

Годы.	Міровое производство золота (въ унціяхъ).	Годы.	Міровое производство золота (въ унціяхъ).
1890	5.749.000	1901	12.626.000
1891	6.320.000	1902	14.355.000
1892	7.094.000	1903	15.853.000
1893	7.619.000	1904	16.808.000
1894	8.764.000	1905	18.396.000
1895	9.615.000	1906	19.471.000
1896	9.784.000	1907	19.977.000
1897	11.420.000	1908	21.430.000
1898	13.877.000	1909	21.973.000
1899	14.838.000	1910	22.023.000
1900	12.315.000	1911	22.619.000

Увеличеніе количества денегъ привело къ пониженію покупательной силы денегъ или къ повышенію всеобщаго

уровня цѣнъ товаровъ. Такимъ образомъ, всеобщее вздорожаніе цѣнъ товаровъ, которое началось съ средины 90-хъ годовъ, обязано быстрому росту производства золота, которое началось въ срединѣ 90-хъ годовъ въ силу новыхъ открытій и изобрѣтеній.

Такова въ основѣ своей количественная теорія денегъ, и таково ея объясненіе движенія цѣнъ товаровъ. Зачатки этой теоріи встрѣчаются уже у Локка и Юма, у Монтескьё эта теорія получила уже болѣе точную формулировку.

Всѣ теоретики классической политической экономіи—Адамъ Смитъ, Рикардо, Милль—придерживались этой теоріи. Ея придерживаются и новѣйшіе теоретики, какъ Валькеръ, Маршаллъ, Кеммереръ и др. Правда, эта теорія имѣетъ и многихъ противниковъ и вызвала самыя ожесточенныя нападки противъ себя. Но самыя яростныя нападки были вызваны скорѣе неправильными практическими выводами, которые дѣлались на основаніи количественной теоріи денегъ, чѣмъ самой этой теоріей. Остріе этой теоріи, направленное противъ несовершенства нашей монетарной системы, подвергающей цѣны всѣхъ товаровъ случайностямъ въ производствѣ одного товара (золота), было использовано для обоснованія не выдерживающихъ никакой критики проектовъ измѣненія денежной валюты, продиктованныхъ партійными интересами и вожделѣніями сторонниковъ удешевленія денегъ и вздорожанія товаровъ.

Сторонники неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, биметализма, чеканки серебра по произвольному соотношенію между серебромъ и золотомъ какъ 16:1, значительно уступающему дѣйствительному соотношенію стоимости серебра и золота въ слиткахъ, всѣ ссылались на количественную теорію денегъ, объясняющую цѣну денегъ не ихъ внутреннею цѣнностью, а ихъ функціею въ качествѣ орудій обмѣна въ мѣновомъ процессѣ. Но очевидно, что всѣ эти мѣропріятія подвергали бы еще большимъ колебаніямъ экономическую жизнь, чѣмъ самая несовершенная изъ существующихъ монетарныхъ системъ.

Впрочемъ, Ирвингъ Фишеръ не отрицаетъ, что и по существу были сдѣланы очень серьезныя возраженія противъ количественной теоріи денегъ. Онъ признаетъ также и то, что въ томъ видѣ, какъ количественная теорія была

формулирована до сихъ поръ, она оказывается, дѣйствительно, несостоятельною. Оригинальность Фишера состоитъ именно въ томъ, что онъ считается со всѣми этими возраженіями, что онъ принимаетъ ихъ, не отказываясь тѣмъ не менѣе отъ количественной теоріи. Онъ расширяетъ эту теорію, и въ силу этого ему удается обратить всѣ возраженія, которыя были направлены противъ этой теоріи, въ аргументы, подтверждающіе правильность этой теоріи. Одно изъ основныхъ возраженій противъ количественной теоріи состояло въ томъ, что эта теорія не считается со всею сложностью современной экономической жизни. Она примитивна. Она примѣнима можетъ быть для самыхъ отсталыхъ экономическихъ странъ, гдѣ господствуютъ самыя примитивныя экономическія отношенія, гдѣ мѣновой процессъ совершается только за наличныя деньги, и гдѣ орудіями обмѣна являются, дѣйствительно, только деньги. Тогда колебанія въ количествѣ денегъ, можетъ быть, и могутъ имѣть тѣ послѣдствія на цѣны товаровъ, которыя приписываетъ имъ количественная теорія. Но эта теорія абсолютно непримѣнима для современнаго народнаго хозяйства, въ особенности для мірового хозяйства, съ его широкимъ развитіемъ кредита, гдѣ деньги играютъ самую ничтожную роль въ мѣновомъ процессѣ, гдѣ главная часть мѣновыхъ актовъ совершается при посредствѣ орудій кредитнаго обращенія, векселей, чековъ, операцій расчетныхъ палатъ. Какое вліяніе могутъ оказать на цѣны товаровъ колебанія въ количествѣ денегъ, когда главная масса товаровъ не встрѣчается вовсе съ деньгами въ мѣновомъ процессѣ?

Какую незначительную роль деньги играютъ въ мѣновомъ процессѣ, показываетъ слѣдующее. Изъ 10 милліардовъ долларовъ орудій мѣнового обращенія, насчитывавшихся въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1912 г., на долю однихъ металлическихъ денегъ приходилось всего около $^1/_2$ милліарда долларовъ. И если даже причислять къ деньгамъ банкноты, размѣниваемыя бумажныя деньги и др., то и то на долю всѣхъ этихъ денегъ приходится немногимъ больше $1^1/_2$ милліардовъ долларовъ. Остальныя 8,5 милліардовъ долларовъ составляютъ орудія кредитнаго обращенія, векселя, чеки и т. д. Еще меньше будетъ значеніе денегъ, если сравнить суммы мѣновыхъ актовъ, осу-

ществляемыхъ въ теченіе года при посредствѣ денегъ (какъ металлическихъ, такъ и бумажныхъ) и при посредствѣ разнаго рода орудій кредита. Изъ всей суммы мѣновыхъ актовъ, осуществленныхъ, напримѣръ въ 1912 г. въ Соединенныхъ Штатахъ, въ 473,9 милліардовъ долларовъ, на долю денегъ приходилось всего только 38 милліардовъ, тогда какъ орудіями кредитнаго обращенія было осуществлено мѣновыхъ актовъ на 436 милліардовъ долларовъ, или на сумму, превышающую въ 12 разъ сумму мѣновыхъ актовъ, осуществленныхъ деньгами.

Ирвингъ Фишеръ признаетъ это возраженіе, и поэтому онъ вноситъ существенную поправку въ прежнюю формулу количественной теоріи. Не только одно количество денегъ, но количество всѣхъ орудій мѣноваго обращенія, одинаково какъ денежнаго, такъ и кредитнаго, опредѣляютъ собою покупательную силу денегъ или цѣны товаровъ. Орудія кредитнаго обращенія, увеличивая собою средства мѣнового обращенія товаровъ, оказываютъ такое же дѣйствіе на покупательную силу денегъ, или на цѣны товаровъ, какъ и орудія денежнаго обращенія, и поэтому увеличеніе средствъ кредитнаго обращенія имѣетъ своимъ слѣдствіемъ такое же повышеніе цѣнъ товаровъ, какое имѣетъ соотвѣтственное увеличеніе денежнаго обращенія.

Не подрываетъ ли, однако, эта поправка, вносимая Фишеромъ, всю количественную теорію денегъ? Не представляетъ ли это искусственное соединеніе денежнаго обращенія и кредитнаго обращенія въ одно понятіе средства мѣноваго обращенія, произвольное соединеніе двухъ совершенно независимыхъ между собою гетерогенныхъ элементовъ? Въ самомъ дѣлѣ, развитіе орудій кредитнаго обращенія не вызывается денежнымъ обращеніемъ и не основывается на денежномъ обращеніи. Развитіе кредита обусловливается развитіемъ хозяйственныхъ отношеній, поскольку въ экономическія отношенія настоящаго предвосхищаются реализуемыя только въ будущемъ хозяйственныя цѣнности. По мѣрѣ того, какъ развивается экономическая жизнь, какъ хозяйственная дѣятельность направляется на такія предпріятія, результаты которыхъ могутъ созрѣвать только въ отдаленномъ будущемъ; по мѣрѣ того какъ удлиняется эта цѣпь будущихъ экономическихъ отношеній, предвосхищаемыхъ въ

настоящей хозяйственной дѣятельности, растетъ и развивается кредитное хозяйство. Деньги не только не обусловливаютъ развитіе кредитныхъ отношеній, но деньги и не служатъ обезпеченіемъ кредита. Дѣйствительнымъ обезпеченіемъ кредитныхъ отношеній служатъ, поскольку рѣчь идетъ о личномъ кредитѣ, эти предвосхищаемыя въ настоящемъ, но реализуемыя только въ будущемъ, цѣнности, или же, поскольку рѣчь идетъ о реальномъ кредитѣ, реальные хозяйственные предметы, представленные въ обезпеченіе долговыхъ обязательствъ. Если банкъ открываетъ, напримѣръ, своему кліенту текущій счетъ на извѣстную сумму, то ни банкъ ни кліентъ не должны обезпечить эту ссуду деньгами. Дѣйствительнымъ обезпеченіемъ этой ссуды служатъ реальные хозяйственные предметы кліента. Банковый кредитъ дѣлаетъ текучимъ, способнымъ къ циркуляціи всѣ реальныя богатства.

Это сознаетъ также и Фишеръ. „Настоящею основою банковаго кредита“, говоритъ Фишеръ, „являются дѣйствительныя, осязаемыя, реальныя богатства. Эта послѣдняя основа всей структуры кредита, правда, скрыта изъ виду, но она тѣмъ не менѣе существуетъ. Мы можемъ сказать, что система банковаго кредита состоитъ въ томъ, чтобы приводить въ движеніе эти видимыя осязаемыя богатства. Если акры землевладѣльца или желѣзные заводы не могутъ циркулировать въ такомъ же смыслѣ, какъ циркулируютъ золотые доллары, то землевладѣлецъ или собственникъ завода можетъ выдать банкиру вексель на эти богатства, на основѣ которыхъ банкиръ выпускаетъ банкноты или открываетъ ему текущій счетъ на соотвѣтственную сумму, которую кліентъ можетъ вытребовать при посредствѣ чека. И эти банкноты и чеки будутъ циркулировать какъ деньги. Такимъ образомъ, всякій, кто обладаетъ трудно циркулируемыми богатствами, можетъ обратить ихъ въ средства обращенія при посредствѣ банковаго кредита. Онъ долженъ для этого только выдать банкиру вексель на свое имущество, пріобрѣсти взамѣнъ право требовать отъ него на соотвѣтственную сумму деньги, и его сравнительно неразмѣниваемыя богатства становятся текучими средствами мѣновой циркуляціи. Банковая система — это способъ чеканить въ доллары

землю, фабрики и другія богатства, не размѣниваемыя инымъ путемъ [1]).

Признавая все это, Фишеръ тѣмъ не менѣе полагаетъ, что существуетъ извѣстная зависимость между денежнымъ обращеніемъ и кредитнымъ обращеніемъ. Эту зависимость онъ усматриваетъ въ слѣдующемъ. Если нормальное теченіе кредитныхъ отношеній развивается независимо и помимо денегъ, то всякое поясненіе кредитныхъ отношеній требуетъ для своей ликвидаціи денегъ въ качествѣ окончательныхъ платежныхъ средствъ. Кредитъ требуетъ поэтому для своего развитія опредѣленнаго металлическаго базиса. Вѣрно, что, какъ ссудныя, такъ и иныя кредитныя операціи банковъ не покрываются ихъ золотой наличностью, но тѣмъ не менѣе должно существовать извѣстное соотношеніе между золотою наличностью банковъ и ихъ кредитными операціями. Расширеніе кредитныхъ операцій свыше этой нормы можетъ поставить банкъ въ невозможность удовлетворить своею кассовою наличностью требованіямъ платежа. Съ другой стороны, сокращеніе кредитныхъ операцій ниже этой нормы возлагало бы на банкъ напрасную жертву держать въ праздномъ состояніи извѣстную часть кассовой наличности, которая можетъ служить основою для расширенія дѣятельности банка.

Въ силу этого между кассовою наличностью банковъ и ихъ кредитными операціями существуетъ необходимое соотношеніе. Увеличеніе кассовой наличности расширяетъ ихъ кредитныя операціи, оживляетъ ихъ эмиссіонную дѣятельность, и, наоборотъ, уменьшеніе кассовой наличности банковъ сокращаетъ кредитную дѣятельность банковъ. Точно также и въ хозяйствѣ каждаго существуетъ извѣстное соотношеніе между денежною наличностью и кредитными операціями. Увеличеніе количества денегъ въ хозяйствѣ каждаго приводитъ не только къ расширенію его наличныхъ операцій, но вызываетъ расширеніе его кредитныхъ операцій, соотвѣственно установившемуся соотношенію между наличными и кредитными операціями. Если даже данное лицо и не можетъ

[1]) (The purchasing power of money, стр. 41).

использовать въ своемъ хозяйствѣ это увеличеніе денегъ, то для всего народнаго хозяйства оно тѣмъ не менѣе произведетъ тотъ же эффектъ. Ибо этотъ излишекъ денегъ будетъ отправленъ въ кассы банковъ, и, въ качествѣ кассовой наличности, послужитъ основою къ соотвѣтственному расширенію кредитныхъ операцій.

Правда, Фишеръ признаетъ, что между денежною наличностью и кредитными операціями не всегда и вездѣ существуетъ одинаковое соотношеніе. Оно разно для разныхъ странъ и для разнаго времени въ одной и той же странѣ. Оно возрастаетъ съ развитіемъ кредитнаго хозяйства по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ довѣріе въ коммерческомъ мірѣ, какъ развивается банковая система, какъ развивается практика пользоваться банковымъ кредитомъ. Это соотношеніе между денежнымъ и кредитнымъ обращеніемъ поэтому мѣняется вообще съ развитіемъ промышленной жизни. Даже для такого короткаго промежутка, какъ 14 лѣтъ, оно очень чувствительно измѣнилось въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ то время, какъ въ 1896 г. кредитное обращеніе составляло къ денежному обращенію отношеніе какъ 3:1, оно дошло въ 1909 г. до 4:1. Тѣмъ не менѣе, Фишеръ полагаетъ, что въ каждый данный моментъ существуетъ въ каждой странѣ опредѣленное соотношеніе между денежнымъ и кредитнымъ обращеніемъ. Увеличеніе денежнаго обращенія необходимо вызываетъ поэтому и увеличеніе кредитнаго обращенія въ той именно пропорціи, въ какой кредитное обращеніе стоитъ къ денежному обращенію въ данной странѣ. А изъ этого Фишеръ дѣлаетъ тотъ выводъ, что развитіе кредитнаго хозяйства не только не уничтожаетъ вліяніе денегъ на цѣны товаровъ, но, наоборотъ, усиливаетъ его. Увеличеніе денегъ увеличиваетъ средства мѣноваго обращенія не только соотвѣтственно увеличивающемуся количеству денегъ, но также и на счетъ всего кредитнаго обращенія, возросшаго въ силу увеличенія денегъ. Ибо эти деньги притекаютъ въ кассы банковъ и даютъ толчекъ для новаго увеличенія орудій кридитнаго обращенія.

На цѣны товаровъ оказываетъ вліяніе еще одинъ моментъ, а именно скорость циркуляціи денегъ или вообще средствъ обращенія въ мѣновомъ процессѣ. Мы знаемъ изъ равенства обмѣна, что цѣна товаровъ, всту-

пающихъ въ обмѣнъ, равняется количеству циркулирующихъ въ мѣновомъ процессѣ денегъ, или—принимая теперь поправку Фишера—количеству циркулирующихъ средствъ обращенія одинаково, какъ денежнаго, такъ и кредитнаго. Однако, однимъ и тѣмъ же количествомъ денегъ можно, какъ извѣстно, купить разное количество товаровъ, въ зависимости отъ скорости обращенія денегъ. Чѣмъ скорѣе деньги циркулируютъ въ процессѣ обмѣна, чѣмъ чаще они переходятъ изъ рукъ въ руки, тѣмъ большему количеству товаровъ противополагается данное количество денегъ въ процессѣ обмѣна. Скорость циркуляціи денегъ, или средствъ обращенія, Фишеръ опредѣляетъ какъ соотношеніе между тою суммою денегъ или средствъ обращенія, которую каждый долженъ имѣть при себѣ, чтобы производить свои покупки или платежи за товары, съ тою суммою, которую каждый затрачиваетъ въ теченіе извѣстнаго времени, напримѣръ, въ теченіе года. Чѣмъ меньше денегъ каждый долженъ имѣть при себѣ сравнительно съ затратами, которыя онъ производитъ въ теченіе года, тѣмъ больше скорость циркуляціи денегъ или скорость ихъ оборота.

Обозначая M количество денежныхъ знаковъ въ странѣ, M′ количество кредитныхъ знаковъ, V и V′ соотвѣтственную скорость ихъ обращенія, Q — объемъ торговли или количества товаровъ, вступающихъ въ обмѣнъ въ теченіе года, и, наконецъ, p — всеобщій уровень цѣнъ товаровъ,—Фишеръ приходитъ къ слѣдующей формулѣ уравненія обмѣна: $MV+M'V'=pQ$. Цѣна товаровъ равняется такимъ образомъ суммѣ орудій обращенія, образуемой изъ денежныхъ знаковъ, умноженныхъ на скорость ихъ обращенія, и кредитныхъ знаковъ, умноженныхъ на скорость ихъ обращенія и раздѣленныхъ на объемъ торговли. Цѣна товаровъ возрастаетъ съ увеличеніемъ средствъ мѣноваго обращенія и скорости ихъ циркуляціи и, наоборотъ, уменьшается съ возрастаніемъ объема торговли, или съ увеличеніемъ количества товаровъ, вступающихъ въ обмѣнъ въ теченіе года. Фишеръ показываетъ на фактахъ, что, исходя изъ этой формулы уравненія обмѣна, можно чисто дедуктивно вывести движеніе цѣнъ товаровъ. На основаніи цѣлаго ряда вычисленій о количествѣ денежныхъ и кредитныхъ знаковъ и о скорости ихъ

циркуляціи, какъ о количествѣ товарнаго обращенія въ Соед. Штатахъ, начиная съ 1896 года до 1909, онъ опредѣляетъ движеніе цѣнъ товаровъ въ Соединенныхъ Штатахъ, которое почти совпадаетъ съ данными числа-показателя бюро труда о движеніи оптовыхъ цѣнъ, какъ показываетъ слѣдующая таблица.

Движеніе цѣнъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

Годы.	Данныя числа-показателя бюро труда.	Данныя, полученныя на основаніи дедективнаго исчисленія.
1896	63	54
1897	64	52
1898	66	56
1899	74	69
1900	80	68
1901	84	76
1902	89	82
1903	87	85
1904	85	81
1905	91	83
1906	97	90
1907	97	86
1908	92	87
1909	100	100

По вычисленіямъ Фишера обѣ эти кривыя движенія показываютъ совпаденіе въ 57%, что онъ считаетъ очень высокою степенью совпаденія.

Приводимъ также таблицу, гдѣ приводятся цифровыя данныя для каждой изъ величинъ уравненія обмѣна для Соедин. Штатовъ за 14 лѣтъ (въ милліардахъ долларовъ).

Годы.	M	M′	V	V′	p	T [3]	MV	M′V′	MV+M′ и p Q
[1])1896	0,88	2,71	18,8	36,6	60,3	191	16	99	115
1897	0,90	2,86	19,9	39,4	60,4	215	18	112	130
1898	1,97	3,22	20,2	40,6	63,2	237	20	131	150
1899	1,03	3,88	21,5	42,0	71,6	259	22	163	185
1900	1,09	4,24	20,4	40,1	76,5	253	24	170	194
1901	1,22	5,13	21,8	40,6	80,5	291	27	208	235
1902	1,25	5.40	21,6	40,5	85,7	287	27	219	246
1903	1,39	5,73	20,9	39,7	82,6	310	29	227	256
1904	1,36	7,77	20,4	39.6	87,7	310	28	228	256
1905	1,45	6,54	21,6	42,7	93,2	355	31	279	311
1906	1,58	6,81	21,5	46,3	93,2	375	34	315	349
1907	1,63	7,13	21,3	45,3	90,3	384	35	323	358
1908	1,62	6,54	19,7	45,0	100	361	32	294	326
1909	1,61	6,68	21,1	52,8	100	387	34	353	387
[2])1910	1,64	7,23	21	53	104	399	34,5	383,2	417,7
1911	1,64	7,78	21	50	102,2	413	34,5	389	423,5
1912	1,71	8.17	22	53,4	105,2	450	37,6	436,3	473,9

Всѣ эти теоретическія разсужденія, какъ и статистическо-эмпирическое доказательство укрѣпляютъ Фишера въ томъ положеніи, что цѣна товаровъ есть зависимая, измѣняющаяся только отъ измѣненія величинъ уравненія обмѣна. Внѣ измѣненія членовъ уравненія обмѣна, не можетъ быть и измѣненія цѣнъ товаровъ. Допустить обратное—значитъ допустить нарушеніе экономическаго закона спроса и предложенія, допустить, что растущій спросъ на товаръ вызываетъ не повышеніе, а пониженіе его цѣны. Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ обратное. Допустимъ, что при данномъ количествѣ средствъ обращенія и объемѣ торговли цѣна товаровъ удвоилась. Удвоенная цѣна товаровъ требуетъ, очевидно, удвоеннаго количества средствъ обращенія. Но при предположенныхъ условіяхъ средства обращенія не только не могли бы увеличиться, а, наоборотъ, сократились бы. Деньги не могли бы увеличиваться путемъ перечеканиванія слитковъ золота въ монеты. Ибо, если до повышенія цѣнъ товаровъ, золото

[1]) См. The purchasing power of money, стр. 304.
[2]) См. American Economic Review. Juni, 1913.
[3]) T означаетъ цѣну, которую имѣли бы товары при уровнѣ цѣнъ года, принятаго въ основаніе при сравненіи цѣнъ товаровъ,—въ данномъ случаѣ 1909 г.

въ слиткахъ и деньги имѣли одинаковую цѣну, то послѣ этого повышенія цѣна золота въ слиткахъ, какъ товара, была бы вдвое выше цѣны денегъ. При такихъ условіяхъ никто не только не станетъ перечеканивать слитки въ деньги, но, наоборотъ, всякій будетъ стремиться превращать деньги въ слитки, и этимъ еще больше сокращать количество денегъ въ странѣ. Также очевидно и то, что деньги не могутъ притекать при такихъ условіяхъ изъ другихъ странъ черезъ внѣшнюю торговлю. Страна съ высокими товарными цѣнами имѣетъ всегда пассивный балансъ, то есть она всегда ввозитъ къ себѣ больше товаровъ, чѣмъ вывозитъ, и, слѣдовательно, черезъ внѣшнюю торговлю деньги не только не притекутъ, но будутъ уплывать въ другія страны. Такъ какъ кредитное обращеніе стоитъ въ опредѣленномъ отношеніи къ денежному, то и орудія кредитнаго обращенія не могутъ возрастать, а, наоборотъ, ихъ количество уменьшается вмѣстѣ съ сокращеніемъ денежнаго обращенія. Объемъ торговли же не сократится, такъ какъ всеобщее повышеніе цѣнъ касается какъ товаровъ, такъ и производительныхъ услугъ, и, слѣдовательно, спросъ на товары останется неизмѣннымъ вслѣдствіе того, что, соотвѣтственно повышенію цѣнъ, увеличились и доходы населенія. Повышеніе цѣнъ при неизмѣнномъ состояніи средствъ мѣноваго обращенія и объема торговли должно такимъ образомъ нарушить весь механизмъ мѣнового процесса.

Такое повышеніе цѣнъ приводитъ къ результатамъ, обратно противоположнымъ тѣмъ, въ которыхъ оно нуждается; оно уничтожаетъ тѣ предпосылки, при однихъ только которыхъ возможно повышеніе цѣнъ товаровъ. И это вытекаетъ отъ того, что оно заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Оно означаетъ пониженіе цѣны на тотъ именно товаръ (на деньги), на который само это повышеніе цѣнъ товаровъ вызываетъ усиленный спросъ.

Вышеприведенныя разсужденія выяснили еще одно. Они показали, что увеличеніе количества денегъ должно неизбѣжно имѣть своимъ послѣдствіемъ повышеніе всеобщаго уровня цѣнъ товаровъ. Правда, изъ формулы уравненія обмѣна это непосредственно не вытекаетъ. Уравненіе обмѣна говоритъ только, что цѣна является зависимою отъ пяти членовъ уравненія, а именно отъ количества

денежныхъ знаковъ, кредитныхъ знаковъ, ихъ соотвѣтствующей скорости обращенія и, наконецъ, отъ объема торговли. Возможно поэтому, что измѣненіе одного члена уравненія, количества денегъ, имѣетъ своимъ слѣдствіемъ не непосредственное повышеніе цѣнъ товаровъ, а только соотвѣтственное измѣненіе, разумѣется въ обратную сторону одного или всѣхъ остальныхъ членовъ уравненія. Фишеръ доказываетъ, однако, что увеличеніе денегъ не можетъ быть компенсировано никакимъ измѣненіемъ другихъ членовъ уравненія, а должно неизбѣжно вести къ повышенію цѣнъ товаровъ. Что увеличеніе количества денегъ не можетъ быть компенсировано сокращеніемъ орудій кредитнаго обращенія, ясно изъ всего сказаннаго раньше о зависимости между денежнымъ и кредитнымъ обращеніемъ. Увеличеніе количества денегъ не только не сокращаетъ, но, наоборотъ, увеличиваетъ въ соотвѣтствующей пропорціи орудія кредитнаго обращенія.

Точно также увеличеніе количества денегъ не можетъ быть компенсировано уменьшеніемъ скорости циркуляціи денегъ, или обращенія кредитныхъ знаковъ. Уменьшеніе скорости обращенія означаетъ, какъ мы видѣли выше, уменьшеніе соотношенія между количествомъ денегъ, которое каждый держитъ при себѣ, и суммою денегъ, затрачиваемыхъ имъ въ теченіе года. Такъ какъ цѣны товаровъ по предположенію остались одинаковыми, то это означало бы, что каждый держитъ при себѣ больше средствъ обращенія, чѣмъ ему нужно для того, чтобы участвовать въ мѣновомъ процессѣ. Но, очевидно, что безразлично, будетъ ли увеличенное количество денегъ прямо отправлено въ банки, чтобы увеличивать ихъ кассовую наличность, или же оно будетъ распредѣлено по карманамъ каждаго, въ качествѣ ненужнаго излишка, превышающаго обычную потребность въ средствахъ обращенія: оно будетъ одинаково дѣйствовать какъ новый спросъ на товары, и, слѣдовательно, повыситъ цѣны товаровъ.

Только тогда каждый долженъ былъ бы держать при себѣ большее количество средствъ обращенія, если-бы цѣны товаровъ повысились, то есть, когда для того, чтобы купить тѣ же товары, требовалось бы большее количество денегъ. Но это означало бы именно, что увеличеніе денегъ произвело уже свое дѣйствіе на повышеніе

цѣнъ товаровъ. Единственное средство, заключаетъ поэтому Фишеръ, избавиться отъ гипертрофіи денегъ, это повысить цѣны товаровъ.

Но не измѣняетъ ли увеличеніе денегъ послѣдній членъ уравненія, а именно объемъ торговли, и не компенсируется ли все дѣйствіе увеличенія денегъ тѣмъ, что новый спросъ на товары увеличиваетъ предложеніе товаровъ вмѣсто того, чтобы повышать цѣны товаровъ?

Фишеръ думаетъ, что нѣтъ. По мнѣнію Фишера, объемъ торговли не зависитъ отъ количества средствъ обращенія. Теченіе хозяйственной жизни опредѣляется естественными, техническими условіями, но не состоитъ ни въ какой зависимости отъ средствъ мѣнового обращенія. Увеличеніе средствъ обращенія не можетъ увеличить произведенія земли, усилить производительность труда или ускорить быстроту морского или сухопутнаго передвиженія товаровъ. Весь механизмъ производства, передвиженія и торговли зависитъ отъ техническихъ и физическихъ условій, но эти условія не опредѣляются количествомъ средствъ обращенія [1]).

Этому послѣднему утвержденію Фишера, что увеличеніе денегъ не отражается на объемѣ торговли, противорѣчатъ какъ бы факты изъ промышленной жизни, и, главнымъ образомъ, изъ положенія денежнаго рынка. Извѣстно, что періоды всеобщаго повышенія цѣнъ товаровъ являются періодами промышленнаго оживленія и крайняго напряженія денежнаго рынка. Въ самомъ дѣлѣ, если бы увеличеніе денегъ не вызывало бы оживленія промышленности, поглощающей весь избытокъ денегъ, то денежный рынокъ былъ бы переполненъ изобиліемъ денегъ, и учетно-ссудныя нормы были бы крайне низки, то-есть деньги подъ кредитъ были бы дешевы. А между тѣмъ, начиная съ періода увеличенія производства золота и повышенія цѣнъ, дисконтныя ставки не только не понизились, но, наоборотъ, непрерывно повышались, какъ показываетъ слѣдующая таблица о средней годовой нормѣ учетнаго $^0/_0$ въ Англійскомъ банкѣ [2]).

---

[1]) Irwing Fischer: The purchasing power of money. стр. 155.
[2]) См. Hobson: Gold Prices and Wages, стр. 37.

Годы.	Среднія нормы дисконта.
1895	2,000
1896	2,478
1897	2,636
1898	3,245
1899	3,753
1900	3,964
1901	3,722
1902	3,329
1903	3,756
1904	3,297
1905	3,008
1906	4,269
1907	4,927
1908	3,012
1909	3,100
1910	3,725
1911	3,467

Фишеръ не отрицаетъ этого явленія. Онъ, однако, полагаетъ, что, во-первыхъ, оживленіе промышленности только временное, и что оно вызывается не увеличеніемъ денегъ, а является уже слѣдствіемъ повышенія цѣнъ товаровъ. Во-вторыхъ, Фишеръ думаетъ, что, поскольку это временное оживленіе промышленности можетъ увеличить объемъ торговли, то это увеличеніе количества товаровъ болѣе чѣмъ компенсируется чрезмѣрнымъ возрастаніемъ орудій кредитнаго обращенія, значительно превышающими въ это переходное время обычное нормальное отношеніе къ количеству денегъ.

Фишеръ полагаетъ поэтому, что окончательнымъ результатомъ увеличенія денегъ можетъ быть только повышеніе цѣнъ товаровъ.

Только въ переходное время, покуда устанавливается новое равновѣсіе въ мѣновомъ процессѣ между обѣими сторонами уравненія, между денежною стороною и товарною стороною,—увеличеніе денегъ дѣйствительно измѣняетъ всѣ члены уравненія, увеличивая какъ кредитное обращеніе, такъ и скорость денежнаго и кредитнаго обращенія, такъ, наконецъ, и товарное обращеніе.

Но здѣсь мы подходимъ къ новой проблемѣ, къ проблемѣ промышленныхъ кризисовъ, или, какъ Фишеръ ихъ называетъ, кредитныхъ цикловъ. По мнѣнію Фишера, всякое нарушеніе равновѣсія въ механизмѣ обмѣна, которое можетъ, впрочемъ, проистекать отъ измѣненія каждаго элемента уравненія (одинаково какъ отъ увеличенія денегъ, такъ и отъ измѣненія объема торговли, въ силу ли неурожая или, наоборотъ, новаго изобрѣтенія, или отъ измѣненія кредитнаго обращенія въ силу потрясенія коммерческаго кредита), вызываетъ извѣстный кредитный циклъ, который заканчивается кризисомъ, послѣ котораго возстанавливается нарушенное равновѣсіе обмѣна. Увеличеніе количества денегъ вызываетъ, до установленія равновѣсія, ростъ цѣнъ на товары. Этотъ непрерывный ростъ цѣнъ товаровъ даетъ толчекъ цѣлому циклу теченія промышленности. Характерность этого цикла состоитъ въ томъ, что каждое явленіе какъ бы порождаетъ себя самого, что каждое явленіе вызываетъ цѣпь причинныхъ соотношеній, которыя въ результатѣ приводятъ опять къ этому же явленію.

Такъ, ростъ цѣнъ на товары означаетъ непрерывное обезцѣненіе денегъ. Въ силу этого продолжающагося обезцѣненія, заемщики оказываются въ выигрышѣ, въ ущербъ интересамъ кредиторовъ. Ибо, по истеченіи срока заемщикъ возвращаетъ кредитору то же количество денегъ, несмотря на происшедшее обезцѣненіе денегъ за это время. Такъ какъ предприниматели работаютъ въ большинствѣ случаевъ заемнымъ капиталомъ, то это благопріятствуетъ предпріимчивости, ибо увеличиваетъ предпринимательскую прибыль. Если даже цѣны всѣхъ другихъ товаровъ повысятся въ одинаковой мѣрѣ, какъ и цѣны его продуктовъ, то и тогда прибыль его возрастетъ соотвѣтственно уменьшенію реальной цѣны его долговъ, наступившему въ силу обезцѣненія денегъ. Какъ ни повысились бы цѣны товаровъ, прибыль предпринимателя будетъ возрастать скорѣе, чѣмъ цѣны товаровъ. Предприниматели будутъ зарабатывать больше, чѣмъ раньше, и будутъ, въ силу этого, стремиться къ расширенію своихъ дѣлъ, путемъ усиленнаго обращенія къ займамъ. Обыкновенно займы съ промышленной цѣлью доставляются банками въ видѣ краткосрочныхъ ссудъ, т. е. путемъ открытія текущаго счета и, слѣдовательно, увели-

ченія чековаго обращенія. Впрочемъ, въ какой формѣ займы ни доставлялись бы, они, очевидно, увеличатъ кредитное обращеніе. Такимъ образомъ, увеличеніе денежнаго обращенія, вызывая повышеніе цѣнъ, приводитъ къ увеличенію кредитнаго обращенія, которое является, въ свою очередь, причиною дальнѣйшаго повышенія цѣнъ. Это вызываетъ еще болѣе усиленный спросъ на промышленные займы. Повышеніе цѣнъ товаровъ облегчаетъ предпринимателямъ получать кредитъ подъ разныя обезпеченія. Этотъ спросъ вызываетъ напряженіе денежнаго рынка, и учетно-ссудныя нормы повышаются. Это повышеніе дисконтныхъ ставокъ не достигаетъ, однако, пока еще такой высоты, чтобы возмѣщать кредиторамъ тотъ убытокъ, который они терпятъ отъ непрерывнаго обезцѣненія денегъ, или, точнѣе говоря, превышеніе дисконтнаго % надъ обычною нормою отстаетъ еще отъ роста товарныхъ цѣнъ. Въ силу этого, прибыль предпринимателя все еще растетъ. Съ другой стороны, повышеніе дисконтныхъ ставокъ заставляетъ банки расширять свои ссуды, а расширеніе краткосрочныхъ ссудъ еще больше увеличиваетъ чековое обращеніе. Эту цѣпь причинныхъ соотношеній Фишеръ изображаетъ слѣдующимъ образомъ.

1) Цѣны растутъ (по какой угодно причинѣ).

2) Дисконтныя ставки повышаются, но не въ достаточной мѣрѣ, чтобы возмѣщать ростъ товарныхъ цѣнъ.

3) Предприниматели, ободренные высокою прибылью, расширяютъ свои займы.

4) Чековое обращеніе (M′) возрастаетъ выше своей обычной нормы по отношенію къ денежному обращенію. (M).

5) Цѣны повышаются, т. е. повторяется явленіе № 1, тогда повторяется № 2 и т. д.

Правда, увеличеніе чековаго обращенія увеличиваетъ также и объемъ торговли. Легкія ссудныя условія поощряютъ промышленность. Этотъ результатъ всегда наблюдается при ростѣ цѣнъ на товары, когда говорятъ, что „дѣла хороши“, „все процвѣтаетъ“. Однако, по мнѣнію Фишера, расширенію промышленности поставленъ очень узкій предѣлъ.

Въ обыкновенныя хорошія времена промышленности все общество фактически занято въ производствѣ, перевозкѣ и торговлѣ товарами. Увеличеніе средствъ обращенія во времена промышленнаго подъема не можетъ увеличить количества народонаселенія, вызвать новыя изобрѣтенія или усилить производительность труда. Правда, высокіе заработки предпринимателей создаютъ психологическій мотивъ для расширенія предпріимчивости, однако, этотъ мотивъ не можетъ замѣнить собою необходимыхъ объективныхъ условій. Нѣкоторое число незанятыхъ рабочихъ можетъ быть включено въ производства, можетъ быть удлинена также и продолжительность работы рабочихъ, путемъ введенія сверхурочной работы, но все это можетъ только немного—и то только временно—увеличить объемъ торговли. Поэтому увеличеніе объема торговли нисколько не возмѣститъ вліянія увеличенія средствъ обращенія, и цѣны товаровъ будутъ расти. Цѣны товаровъ растутъ также и вслѣдствіе того, что во времена промышленнаго оживленія возрастаетъ и скорость циркуляціи средствъ обращенія. Каждый хочетъ избавиться отъ денегъ, какъ отъ товара непрерывно обезцѣнивающагося.

Всю эту цѣпь причинныхъ соотношеній, которыя приводятъ къ измѣненію всѣхъ членовъ уравненія, Фишеръ изображаетъ слѣдующимъ образомъ.

1) Цѣны растутъ.

2) Скорость циркуляціи (V и V′) растетъ; учетно-ссудная норма растетъ, но недостаточно, чтобы возмѣстить ростъ цѣнъ.

3) Прибыль растетъ; ссуды расширяются и объемъ торговли (Q) растетъ.

4) Чековое обращеніе (M′) растетъ сравнительно съ денежнымъ (M).

5) Цѣны продолжаютъ расти, т. е. повторяется № 1, затѣмъ повторяется № 2 и т. д.

Очевидно, однако, что весь этотъ циклъ причинныхъ соотношеній долженъ самъ себя исчерпать. Начало этому движенію положено, какъ мы видѣли, повышеніемъ цѣнъ товаровъ.

Однако, это движеніе поддерживается только тѣмъ, что дисконтныя ставки не растутъ въ такой же мѣрѣ, какъ цѣны товаровъ. Если бы дисконтныя ставки расли бы одинаково съ ростомъ цѣнъ товаровъ, тогда все то, что предприниматель выигрываетъ отъ роста цѣнъ товаровъ, онъ потерялъ бы вслѣдствіе роста дисконтныхъ ставокъ,

тогда прибыль предпринимателя не возростала бы, и промышленная жизнь вернулась бы къ своему нормальному теченію. Но мы знаемъ, что усиленный спросъ на ссуды создаетъ тенденцію къ непрерывному повышенію дисконтныхъ ставокъ.

И когда дисконтныя ставки достигаютъ такой высоты, что онѣ возмѣщаютъ весь ростъ товарныхъ цѣнъ, тогда начинается обратное движеніе. Достигаютъ онѣ этой высоты тогда, когда все увеличеніе количества денегъ поглощается въ мѣновомъ процессѣ. Банки вынуждены тогда въ цѣляхъ самозащиты повысить дисконтныя ставки, чтобы предупредить неестественное угрожающее расширеніе ссудъ надъ резервами. Повышеніе дисконтныхъ ставокъ уничтожаетъ разницу между движеніемъ товарныхъ цѣнъ и учетно-ссудною нормою, и, уменьшая прибыль, сокращаетъ спросъ на ссуды. Съ другой стороны, повышеніе дисконтныхъ ставокъ, понижая курсъ твердопроцентныхъ бумагъ, приводитъ къ тому, что онѣ не могутъ служить обезпеченіемъ для ссудъ въ такомъ же широкомъ размѣрѣ, какъ раньше.

Въ силу всего этого, многіе предприниматели, которые основывали свои дѣла, въ разсчетѣ пользоваться ссудами по прежней учетно-ссудной нормѣ и въ прежнемъ размѣрѣ, не могутъ теперь возобновлять своихъ ссудъ. Они должны пріостановить свои дѣла, и начинается рядъ банкротствъ.

Дѣйствительное или только ожидаемое банкротство нѣкоторыхъ фирмъ, которыя пользовались большими ссудами у банковъ, вызываетъ у многихъ вкладчиковъ опасеніе, что банкъ не сумѣетъ реализовать свои ссуды.

Сами банки подпадаютъ теперь подъ подозрѣніе, и начинается „набѣгъ на банки“, который опустошаетъ резервы банковъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда банкъ больше всего нуждается въ нихъ. Чтобы сохранить свои резервы, банки сокращаютъ свои ссудныя операціи, и для этой цѣли еще больше повышаютъ свои дисконтныя ставки, которыя доходятъ до паническихъ размѣровъ. Это приводитъ къ дальнѣйшимъ банкротствамъ. Эта высшая стадія движенія цѣнъ товаровъ вверхъ есть то, что называется кризисомъ. Положеніе характеризуется несостоятельностями, вызванными недостаткомъ въ деньгахъ тогда, когда въ нихъ больше всего нуждаются.

Фишеръ несогласенъ съ обычнымъ объясненіемъ кризиса, какъ слѣдствія „чрезмѣрнаго потребленія“ или „чрезмѣрной затраты капитала“. Все это, хотя и вѣрно, но, однако, является слѣдствіемъ болѣе глубокой причины. По его мнѣнію, кризисъ является слѣдствіемъ обезцѣненія денегъ или несогласованнаго движенія учетно-ссудной нормы съ движеніемъ цѣнъ товаровъ. То, что многіе затрачиваютъ въ такіе періоды промышленнаго оживленія больше, чѣмъ они въ состояніи это сдѣлать, объясняется именно тѣмъ, что они вѣрятъ въ деньги, какъ въ неизмѣняемую покупательную силу, тогда какъ покупательная сила денегъ въ дѣйствительности непрерывно мѣняется. Держатель фондовъ вѣритъ въ постоянство своего капитала. Акціонеры и предприниматели вѣрятъ въ постоянство учетно-ссудныхъ нормъ. И, если вначалѣ учетно-ссудныя нормы отстаютъ отъ движенія цѣнъ, то онѣ, однако, раньше или позже перерастаютъ ихъ, и тогда предприниматели спохватываются, что впутались въ дѣла, которыя не могутъ выдержать установившихся дисконтныхъ ставокъ. Тогда гребень повышательной волны достигаетъ своей высшей точки, и начинается обратное движеніе цѣнъ товаровъ. Ссуды сокращаются, сокращается и чековое обращеніе. Даже тѣ ссуды, которыя возобновляются, употребляются не для новыхъ покупокъ, а для ликвидаціи прежнихъ обязательствъ. Наряду съ сокращеніемъ количества средствъ обращенія, уменьшается и ихъ скорость, и все это приводитъ къ пониженію цѣнъ товаровъ.

Но какъ въ періодъ повышательнаго движенія учетно-ссудныя нормы отставали отъ движенія цѣнъ вверхъ, такъ и теперь онѣ отстаютъ отъ движенія цѣнъ внизъ. Тогда, какъ цѣны товаровъ падаютъ, учетно-ссудныя ставки еще продолжаютъ расти. Теперь оказывается въ двойномъ проигрышѣ заемщикъ. Ибо къ росту покупательной силы денегъ прибавляется еще ростъ дисконтныхъ ставокъ. Заемщикъ не только теряетъ отъ пониженія цѣнъ товаровъ значительную часть той ссуды, которую онъ получилъ передъ началомъ кризиса, но, чтобы ликвидировать эту ссуду, онъ долженъ согласиться еще на болѣе высокія дисконтныя ставки. Конечно, пониженіе цѣнъ товаровъ вызываетъ сокращеніе ссудъ, и это приводитъ къ пониженію учетно-ссудной нормы. И ко-

гда пониженіе дисконтныхъ ставокъ достигаетъ нормы пониженія цѣнъ товаровъ, тогда наступаетъ нормальное равновѣсіе въ механизмѣ обмѣна.

Промышленное оживленіе и промышленная депрессія вызывается такимъ образомъ движеніемъ товарныхъ цѣнъ вверхъ и внизъ, и вытекаетъ изъ нарушеннаго равновѣсія въ механизмѣ обмѣна. Въ этотъ переходной періодъ дѣйствительно измѣняются всѣ члены уравненія обмѣна. Но, когда это равновѣсіе возстановляется, тогда весь результатъ увеличенія количества денегъ сказывается на повышеніи цѣнъ. Цѣны товаровъ должны такимъ образомъ неизбѣжно возрастать съ увеличеніемъ количества денегъ и вообще количества средствъ обращенія.

На основаніи этого закона, вытекающаго изъ установленнаго имъ уравненія обмѣна, Фишеръ пытается опредѣлить и будущее движеніе товарныхъ цѣнъ [1]). Путемъ цѣлаго ряда вычисленій онъ опредѣляетъ будущее развитіе каждаго изъ элементовъ уравненія обмѣна, а именно: количества денежнаго обращенія, количества кредитнаго обращенія, скорость ихъ циркуляціи, съ одной стороны, и объема торговли—съ другой стороны. И онъ приходитъ къ тому заключенію, что цѣны товаровъ будутъ и въ дальнѣйшемъ повышаться, ибо для многихъ лѣтъ, по крайней мѣрѣ, можно сказать впередъ, что ростъ средствъ обращенія будетъ превышать ростъ объема торговли на 2%, и, слѣдовательно, цѣны должны повышаться, по меньшей мѣрѣ на 2% ежегодно, разумѣется, за исключеніемъ періодовъ кризиса и депрессіи промышленности, когда начинается паническое паденіе цѣнъ.

Изъ всего этого Фишеръ дѣлаетъ то заключеніе, что единственнымъ средствомъ, которое можетъ пріостановить это непрерывное повышеніе цѣнъ товаровъ и, вытекающаго изъ этого, какъ мы видѣли, потрясенія всего теченія экономической жизни, можетъ быть только реформа нашей монетарной системы. Эта реформа должна состоять въ томъ, чтобы регулировать покупательную силу денегъ, чтобы сообщить деньгамъ то постоянство, которое такъ необходимо для всей экономической жизни, для всего процесса обмѣна, чтобы сдѣлать неизмѣняемою ихъ покупательную силу. Колебанія покупательной силы денегъ вытекаютъ изъ того, что цѣны всѣхъ товаровъ ставятся въ зависимость отъ случайностей въ производствѣ одного товара-золота, или—что то же самое—что цѣна денегъ, которая должна выражать собою покупательную силу всѣхъ товаровъ, измѣряется въ нашей монетарной системѣ цѣною одного товара, цѣною золота. Но отношеніе золота ко всѣмъ остальнымъ товарамъ мѣняется, и въ силу этого мѣняется и покупательная сила денегъ. Деньги поэтому получатъ постоянство и неизмѣнность только тогда, когда они будутъ всегда выражать собою не равное количество только одного товара въ нашей монетарной системѣ – золота, а равное количество всѣхъ товаровъ въ ихъ совокупности. Какъ бы ни мѣнялись тогда цѣны товаровъ въ отношеніи одного къ другому въ зависимости отъ случайностей производства, условій спроса и предложенія каждаго, данное количество денегъ должно всегда выражать одинаковую покупательную силу, то есть, они должны представлять собою одинаковое количество товаровъ.

Эту функцію могли бы лучше всего выполнять бумажныя деньги, единица которыхъ выражала бы опредѣленное количество товаровъ. Неразмѣниваемыя бумажныя деньги кроютъ, однако, всегда въ себѣ опасность чрезмѣрнаго переполненія рынка, и это ведетъ еще къ худшему обезцѣненію денегъ, чѣмъ даже при самой худшей металлической валютѣ. Не говоря уже о томъ, что само правительство всегда злоупотребляетъ правомъ усиленнаго выпуска бумажныхъ денегъ, всегда въ каждой странѣ будетъ существовать опредѣленная партія должниковъ, каторая будетъ заинтересована въ обезцѣненіи денегъ. Поэтому принципъ размѣниваемости на золото долженъ быть сохраненъ и въ будущей денежной валютѣ.

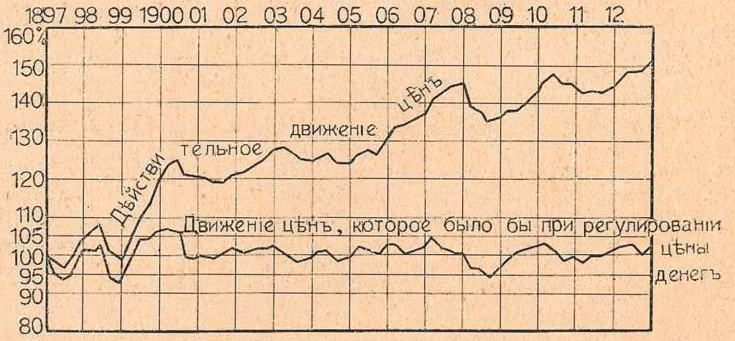
Но единица денегъ должна быть размѣниваема не какъ теперь—на опредѣленное количество золота, а разное количество золота въ зависимости отъ цѣны золота, то есть отъ отношенія цѣны денегъ къ остальнымъ товарамъ. Если цѣна золота или денегъ понизилась, то денежная единица должна быть размѣниваема на слитокъ зо ота большаго вѣса. Это не значитъ, что денежныя монеты должны быть каждый разъ перечеканиваемы съ измѣненіемъ цѣны золота. Это только значитъ, что всѣ деньги, какъ,

[1]) См. его брошюру: „Is the high cost of living going higher?“

бумажныя, такъ и металлическія, превращаются въ одни денежные знаки, которые могутъ быть размѣниваемы на слитки золота разнаго вѣса въ зависимости отъ колебаній цѣны денегъ. Вмѣсто золотой валюты устанавливается, такимъ образомъ, золото-размѣнная валюта.

Само же колебаніе цѣнъ денегъ устанавливается по показаніямъ числа-показателя. Если число-показатель показываетъ, что цѣны товаровъ повысились, то это значитъ, что деньги понизились въ цѣнѣ. Чтобы сохранить неизмѣнною цѣну денегъ, чтобы данное количество денегъ могло покупать то же количество товаровъ, вѣсъ золота въ деньгахъ долженъ быть соотвѣтственно увеличенъ, то есть деньги должны быть размѣниваемы на слитки золота большаго вѣса. При такихъ условіяхъ деньги будутъ тогда, дѣйствительно, выражать собою всегда одно и то же количество товаровъ, и въ процессѣ обмѣна не будутъ тогда противопоставлены всѣ товары противъ одного товара, противъ золота, а всѣ противъ всѣхъ. Тогда и прекратится вѣчное колебаніе цѣнъ товаровъ.

И Фишеръ полагалъ, что только такая раціонализація нашей монетарной системы можетъ предупредить дальнѣйшее вздорожаніе товаровъ. Фишеръ изображаетъ въ слѣдующей діаграммѣ разницу между фактическимъ

движеніемъ цѣнъ товаровъ, которое началось въ соединенныхъ Штатахъ съ 1897 года, и тѣмъ движеніемъ цѣнъ, которое имѣло бы мѣсто, если-бы была введена проектируемая имъ монетарная реформа [1]).

[1]) The Economic Journal, December, 1912.

БИБЛІОТЕКА ВСЕНАРОДНАГО